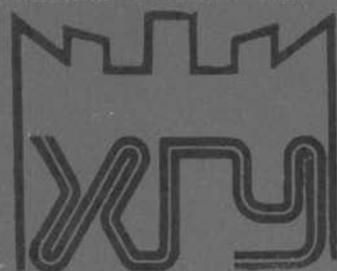

K-14038

ISSN 0463-7998

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

K-14038
П 244489

303 '87

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

«ВИЩА ШКОЛА»

1 р. 10 к.

ISSN 0453-7998, Вести. Харьк. ун-та. 1987. № 303. Материалистическая диалектика и социальная практика. 1—116.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00294876

4

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 303

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Основан в 1965 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВИЩА ШКОЛА»
1987

ВЕРНУТЬ ПО АДРЕСУ:
Харьков - 77,
пл. Дзержинского № 4
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА ХГУ

МБА

В вестнике рассматриваются актуальные вопросы взаимосвязи диалектики научного познания и социальной практики. Исследуются проблемы формирования личности, социальной ответственности, дается критика современной буржуазной философии.

Для преподавателей, научных работников.

Редакционная коллегия: д-р филос. наук проф. *А. Ф. Плахотный*, (отв. ред.), канд. филос. наук доц. *О. Г. Берзин*, д-р филос. наук проф. *Ю. Ф. Бухалов*, канд. филос. наук доц. *Л. Н. Дениско*, канд. филос. наук доц. *Л. С. Дидорчук*, канд. филос. наук доц. *А. А. Иващенко*, канд. филос. наук доц. *В. П. Педан*, д-р филос. наук проф. *И. З. Цехмистро*, канд. филос. наук доц. *В. В. Шкода*

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра философии, тел. 45-72-71

Редакция общественно-политической литературы
И. о. зав. редакцией *Л. Н. Авраменко*

Издано по заказу Харьковского государственного университета

В 0302000000-053
М226(04)-87

К-14038
У
© Харьковский государственный университет, 1987

В Конспекте книги Гегеля «Наука логики» В. И. Ленин отмечал: «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах: „Чем богаче определяемый предмет, т. е. чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения...» [2, т. 29, с. 216]. Современная методология науки пристально всматривается в феномен множественности определений. Появляются новые, ранее неизвестные его формы. Это и метод эквивалентных описаний в физике и более широкая — общенаучная по своему характеру концепция дополнителности. Все более утверждается такое понимание принципа диалектического монизма, согласно которому полное отражение целостного объекта достигается применением одновременно несовместимых приемов исследования.

В настоящей статье идея множественности определений используется при анализе познания. Будем рассматривать процесс познания как целостное явление, которое определяется совместно взятыми дополнительными характеристиками (образами). Познание это — изображение — действие — общение. Соответственно в знании как результате этого процесса обнаруживается три момента — *эйдическое, операциональное и коммуникативное*. Знание представляется троекратно, как бы в трех срезах, и познание всякий раз высвечивается с какой-то одной стороны. Знание представляется как образ, и тогда познание есть *созерцание* предмета; как средство деятельности — в этом случае познание есть момент *преобразования* предмета; наконец, как то, что обеспечивает *образование консенсуса* в сообществе, здесь познание оказывается общением. Выделенные три аспекта не просто составляют общее определение. Именно взятые как различные видения одного и того же, как различные представления единой сущности, они дополнительным образом определяют процесс познания. Взятые порознь эти образы неполны, недостаточны, относительно истинны.

Выражение «созерцание предмета» не означает возвращения к созерцательному подходу в понимании познания. Подчеркнем лишь, что признание доминирующей роли практики не должно приводить к полному отказу от живого созерцания как относительно самостоятельной формы отношения человека к миру. Домарксовский материализм абсолютизировал эту форму, не учитывал, что действительность является прежде всего предметом практического действия человека и потому характер созерцания определяется практикой.

Человек — практически действующее и созерцающее существо. И как бы созерцание ни определялось практикой, оно не перестает быть именно созерцанием, т. е. чем-то принципиально иным, нежели практическая деятельность. Образно выражаясь, как бы высоко мы ни оценивали значение руки в жизни человека, значение глаза не должно этим умаляться. Существенны не рука и не глаз в отдельности, а система рука — глаз, или глаз — рука как целое. Так и в знании обнаруживаются принципиально различные моменты: эйдическое и операциональное. Эти моменты предполагают и различные языковые формы выражения — соответственно, декларативные (повествовательные) и императивные предложения.

Третий дополнительный момент знания — коммуникативный. Человек действует, созерцает и сообщает. Знание является теперь не только действием и образом, оно обретает новое качество — становится сообщением. В само определение знания должно быть включено такое свойство, как адресованность. Любая познавательная деятельность, замечает В. А. Лекторский, «всегда содержит потенцию коммуницирования» [7, с. 179]. В этом смысле знание есть средство образования интеллектуальной целостности (консенсуса) — единочувствования и единопонимания.

Можно предположить, что в конкретных исторических условиях доминирует тот или иной образ познания, задавая соответствующий стиль мышления.

В истории европейской научной мысли эти три стиля сменяют друг друга, каждый детерминирован соответствующим типом культуры. Античной культуре больше соответствует эйдический стиль, Новому времени — начиная с Бэкона и Галилея, — операциональный. Наконец, в настоящее время операциональный стиль постепенно вытесняется коммуникативным.

Сделаем одну существенную оговорку. Человеческое познание — чрезвычайно сложный объект исследования. В конкретном анализе в зависимости от его целей и задач выделяют уровни, формы, типы познания, рассматривают познание в аспекте индивидуально-психической деятельности и коллективной, с учетом исторически изменчивых идеалов и норм, некоторых инвариантных характеристик и т. д. Предложенный здесь анализ — это только одно из возможных расчленений целостного объекта. В основе его лежит эмпирическая констатация того обстоятельства, что знание предстает как бы в трех ипостасях: образ, действие и сообщение. Исходя из этого, можно соответственно понять и процесс познания. Однако такое понимание, конечно, не может претендовать на всесторонность, ибо оно не исчерпывает всего богатства определений познания.

Эйдическое и операциональное. В ряде европейских языков понятие об объективно существующем выражается двумя различными терминами. В немецком языке — «Realität» и «Wirklichkeit», в английском соответственно — «reality» и «actuality», в русском — «реальность» и «действительность». На наш взгляд,

это свидетельствует о том, что в естественном языке отложились два типа представления мира — эйдическое и операциональное. «Realität — reality — реальность» происходит от латинского «res» (вещь, предмет). «Wirklichkeit — actuality — действительность» — от «acta» (действия, деяния). Заметим, что в первом тезисе о Фейербахе К. Маркс не случайно использовал термин «Wirklichkeit».

Казалось бы язык действий (операциональное) должен исторически предшествовать языку описаний (эйдическое). Однако с логической точки зрения здесь имеются трудности: форма описания не выводится из императива. И реальная история показывает, что какую бы низкую ступень развития человеческого общества мы ни взяли, в его языке всегда обнаруживаются рядом с предписаниями (рецептами) рассказ, повествование. Например, рядом с технологическим императивом «делай так!» и различными табу существует миф как претензия на объяснение. Или пословицы — это средоточие «трудового опыта бесчисленных поколений» (А. М. Горький). Выражаются они и в форме прямых предписаний (операциональное), и в форме повествовательных предложений (эйдическое). По-видимому, эйдическое и операциональное всегда сосуществуют. Подтверждается это и тем, что «технологии» не исчезают в развитых формах теоретического знания. Примером может служить операциональное исчисление. Теоретические исследования электромагнитных колебаний в каналах связи приводят к задачам со сложными дифференциальными уравнениями. О. Хевисайд нашел простой способ, позволяющий решать эти уравнения инженерам-связистам — уравнения такой сложности, что в затруднении оказываются «чистые» математики. Формальные правила операционального исчисления носят рецептурный характер. Н. Винер — один из тех, кто занимался «оправданием» метода Хевисайда, писал, что и через 20 лет после его открытия он не получил «вполне окончательного строгого обоснования, удовлетворяющего всех математиков» [4, с. 73].

Существование эйдического и операционального возможно в виде различных представлений одной и той же информации. Одно и то же можно представить и в форме описания сущего, и в виде запрета, т. е. указания на невозможность достичь каких-то предельных состояний или ситуаций. Например, утверждение «энергия сохраняется» эквивалентно утверждению «невозможно создать вечный двигатель первого рода». Заметим, что представление знания в операциональной форме естественным образом совместимо с концепцией деятельности. И цель познания оказывается теперь не вынесенной вовне (в сферу применения полученных результатов), а может быть включена в исходное определение самого познания.

Созерцание как норма познания начинает отходить на второй план с зарождением капиталистического способа производства.

В эту эпоху возникает острая потребность в технологических знаниях. Людей, исповедующих действие, не удовлетворяет традиционная книжная наука. Начинается пересмотр методологических оснований, стандартов научной деятельности. «Гораздо безопаснее, — пишет Ф. Бэкон, — начинать и строить науку от тех оснований, которые связаны с *действенной* частью, чтобы она сама обозначила и определила *созерцательную* часть» (курсив наш. — В. Ш.) [3, с. 84]. Здесь намечается в зародыше то, что в развитой форме получит реализацию в марксистской гносеологии — включение практики в теорию познания. Но гносеологию будущего ожидал не только такой исход. Возникнет и прагматизм — учение, односторонне выпячивающее операциональный момент в ущерб созерцательному. Это — мировоззрение «людей дела», противопоставивших узкий практицизм «излишнему умствованию» созерцателей. Здесь познание понимается уже не как постижение сути вещей, не как получение в известном смысле копий, снимков действительного мира. Познать, согласно учению прагматизма, — значит отыскать выход из интеллектуального затруднения, разрешить задачу-головоломку, устранить «напряженность неудовлетворительной ситуации» (Д. Дьюи).

Наблюдение научной практики первой половины XX в. убеждает в том, что операциональный стиль в это время доминирует. Это проявляется по-разному — от появления специфически операциональных по своему характеру новых научных дисциплин до переосмысления традиционных форм познания в операциональном духе. Например, в основе неклассических теорий в физике лежит операциональное понимание процедуры введения первичных понятий. На вопрос «что такое N (время, длина, заряд и т. п.)?» современная физика не предлагает высказываний типа « N — есть...» Вместо родовидовой дефиниции указывается упорядоченное множество экспериментальных операций, которые необходимо провести, чтобы наблюдать (измерить) соответствующую величину. Понятие (понимание) устанавливается не в результате созерцания сходств и различий в вещах, а в результате действий над ними с помощью материальных и интеллектуальных познавательных средств.

Другим признаком господства операционального стиля в науке XX в. является выдвижение на первый план такого элемента, как задача. Речь идет, разумеется, не о том, что в период господства эйдического стиля ученые не ставили и не решали задачи. Имеется в виду иное понимание методологического статуса задачи. Современный ученый осознает задачу как основную форму научной деятельности. Он сознательно ищет задачи. Сформулировать задачу — само по себе достижение, заслуживающее публикации. Если удастся создать новый математический аппарат или новую экспериментальную методику, под них сразу подыскивают задачи. На вопрос «для чего решается данная задача?» может последовать ответ: «тогда удастся решить другую задачу». В этом смысле можно утверждать, что научное исследование начинается

с задачи и ею заканчивается. При таком типе мышления эйдическое детерминировано операциональным, поскольку способ видения мира формируется в процессе решения задач или при интерпретации формально полученных решений.

Новый статус приобретает и процедура измерения. В созерцательно ориентированной науке измерение понимается как вспомогательное действие, лишь поставляющее количественные данные для характеристики предмета. В науке операционально ориентированной анализ познавательных действий и средств включается в содержание знания. Если в первой измерение можно как бы вынести за скобки, то во второй оно становится основой формирования теории: исследуемый и измерительный процессы не разводятся, а в определенном смысле отождествляются.

Признаком операционального стиля в науке XX в. является зарождение и развитие конструктивного направления в математике. По определению А. Маркова, конструктивная математика — это «абстрактная, умозрительная наука о *конструктивных процессах*, о нашей способности осуществлять такие процессы и их результатах — *конструктивных объектах*» [9, с. 4]. Имеется в виду не просто область математического познания, а иное по отношению к традиционному понимание самой математики. Математик-конструктивист разрабатывает те же проблемы, что и математик классического направления, однако делает это по-другому. И это сказывается на решении как частных, так и общих вопросов. Речь, стало быть, идет о возможности коренной перестройки самой математической науки. В настоящее время вопрос ставится так: «сможет ли конструктивная математика ввиду наличия у нее существенных преимуществ перед классической заменить ее» [8, с. 483].

Эйдическому и операциональному стилям соответствуют две группы методологических понятий. Уже Ф. Бэкон пытался сопоставлять их: «то, что в созерцании представляется *причиной*, в действии представляется *правилом*»; «что в действии более *полезно*, то в знании наиболее *истинно*» (курсив наш.— В. Ш.) [3, с. 12, 86]. Многие трудности и даже мнимые проблемы возникают в методологии науки из-за непонимания того, что эти группы понятий являются дополнительными, что либо эйдическое, либо операциональное возводится в абсолют. При таком подходе понятия одной из этих групп пытаются либо исключить, либо переопределить через понятия другой группы. Например, высказывается мнение о том, что научную теорию нельзя считать инструментом. Теория может быть истинной или ложной, но понятия «эффективная», «удобная» в качестве строго научных ее характеристик не применимы. Это и есть абсолютизация эйдического и игнорирование операционального. Другая, менее категорическая точка зрения, может быть выражена так: теория эффективна потому, что она истинна. Но здесь предполагается, что деятельность на основе теории выносится в область практики, т. е. для харак-

теристики собственно теоретического уровня понятию «эффективности» опять-таки места нет.

Считать теорию инструментом — не означает отступления от научной методологии. Так же, как с развитием материальных средств (приборов, экспериментальных установок) познаются все более тонкие уровни материи, так и сопровождающее этот процесс развитие теоретического инструментария позволяет строить все более абстрактные структуры, адекватно отражающие объективную реальность. Отступление начинается там, где признание понятий и теорий инструментами познания означает отрицание их объективного содержания. Пути такого отступления многообразны. А. А. Богданов шел к инструментализму в ложно понятой борьбе против созерцательного материализма. П. Бриджмен явно преувеличил роль операциональных определений. Еще ранее Э. Мах пытался строить прагматистскую гносеологию, рассматривая познание как фактор успешного приспособления эволюционирующего из биологических форм адаптации.

Познание как коммуникация. Информационная деятельность всегда была важной стороной общественного бытия. В современных условиях она выделяется в самостоятельную сферу. Происходит процесс, аналогичный становлению в свое время электроэнергетики как самостоятельной отрасли индустрии [10]. Оформляясь на этой практической основе, информационный стиль становится специфическим видением и новых явлений, и того, что уже стало историческим прошлым. Познание и другие социальные явления начинают видеться сквозь призму информационной парадигмы. Обнаруживается, что теория относительности и квантовая механика имеют явно выраженный информационный характер. Часы — излюбленная модель для обсуждения в эпоху механицизма разнообразных научных проблем — оказываются информационным прибором. На этой модели рассматривается теперь феномен функциональной организованности [6, гл. 6]. Метафора часового механизма, лежащая в основе Ньютоновской концепции Вселенной, заменяется метафорой компьютера. Понятие информации проникает в физику — количество информации связывается с энтропией. Парадокс Максвелла, обсуждаемый вот уже столет, некоторые авторы начинают признавать принципиально неразрешимым традиционными средствами физического познания и тривиально разрешимым после привлечения теоретико-информационных представлений. Явления, изучаемые генетикой, видятся как информационные процессы. Появление семиотических моделей при объяснении явлений искусства, повышение интереса к регуляции социальных отношений с помощью символических средств, выдвижение общих концепций культуры, центральными понятиями которых являются «текст» и «коммуникация», — это только малая часть примеров проявления информационного стиля.

Возникает вопрос: как это движение сказывается на методологии науки, есть ли основания для «коммуникационного» истолкования методов и форм научного познания? Речь идет не просто

об изменении языка. Назвать науку «информационной системой» — еще не означает по-новому ее понять. Необходимо иное понимание, новый аспект в известных познавательных процедурах и самих результатах познания. Необходимо — это не как дань «коммуникационному» движению. Существенная черта современной науки — ее непосредственная коллективность. Отсюда актуальность исследований по диалектике познания и коммуникации. Конечно, это — целая программа. Здесь можно упомянуть только о некоторых моментах, наметить пути исследования.

Возьмем для примера процедуру определения. В коммуникативном аспекте подчеркивается то, что любое определение сообщает. В определении выражено как то, что им схватывается определяемая реальность, так и то, что это фиксируемое адресовано. Иными словами, функция определения двойка: в обращенности к объекту — содержать о нем некоторое знание, в обращенности к субъекту — транслировать знание для создания консенсуса. Единопонимание в рамках знания в целом достигается потому, что оно уже достигнуто на уровне определения — специально для этой предназначенной операции.

В монологизированной формальной логике закон тождества требует инвариантности содержания мысли относительно *различных мест* рассуждения. Почему не истолковать этот закон как требование инвариантности содержания мысли относительно *отдельных субъектов* коллективного обсуждения?

В этих примерах налицо идея о соглашении. Конвенционализм абсолютизирует эту идею, рассматривая познание только со стороны субъекта. В результате понятие «соглашение» приобретает самодовлеющий характер, познание отождествляется с приспособлением индивидов друг к другу для образования интеллектуального целого. Материалист-метафизик, напротив, исключает понятие «соглашение», приняв концепцию моносубъекта как единственно возможную. Для него это понятие просто излишне: моносубъекту не с кем соглашаться. Если же исходить из того, что познание есть непосредственно коллективная, совместная деятельность людей, то его анализ без учета того, как достигается единопонимание, не может быть полным. И речь вовсе не о социологическом анализе процессов коммуникации, не об обмене готовыми знаниями между участниками познавательной деятельности. Имеется в виду процесс *формирования* знания. Сами формы и средства познания должны рассматриваться и как средства достижения консенсуса.

Обратимся к процедуре измерения. В эйдическом плане измерение представляет интерес как средство получения объективных количественных характеристик. В информационном аспекте это — форма установления консенсуса. Действительно, в основе измерения лежит сравнение исследуемого объекта с объектом, принятым за эталон. Выбор эталона предполагает *соглашение*. Когда говорят, что выбор не является случайным, что эталон должен удовлетворять определенным требованиям, то речь идет, казалось

бы, только об объективной стороне. Например, говорят, что эталон должен быть физически устойчивым, выбранная мера — инвариантной относительно разнообразных внешних условий. Но эти же требования имеют и субъективный план. Они, в частности, означают, что эталон должен быть инвариантным относительно *различных субъектов* измерения. Его сохранение обеспечивает единообразное понимание различными людьми различных (относительно места, времени и т. д.) экспериментальных ситуаций. Это хорошо понимал уже Галилей. Обсуждая требования, предъявляемые к определению физической величины, он неоднократно подчеркивал, что избираться должна «всеми признанная мера». Например, движение надо описывать так, чтобы «все, имеющие дело с данным движением, получили одинаковое представление о величине его скорости, и не могло случиться, что один представит его себе более, а другой менее быстрым» [5, с. 321].

Таким образом, эталон обеспечивает возможность коммуникации. Описания разных экспериментальных ситуаций оказываются сравнимыми и могут образовывать целостное тело эмпирического знания только потому, что они покоятся на общезначимой основе. Любое новое измерение расширяет область общезначимого. Так же, как при определении нового понятия мы опираемся на известное знание, ставшее интеллектуальным целым, и таким образом расширяем его, так и при новом измерении мы расширяем область единопонимаемого.

История науки показывает, что требования к устойчивости эталонов непрерывно растут — от антропоморфных мер (локоть, ступня) до устойчивых физических тел (Килограмм, Метр) и, наконец, до ультраустойчивых состояний микрообъектов. Эти требования задаются возрастающей точностью науки и техники. Но, в конечном счете, они обусловлены сложностью и развитостью современной общественной практики, эффективность которой определяется высочайшей согласованностью и точностью огромного числа разнообразных человеческих действий. Вместе с тем расширяется и унификация национальных мер, переход на международные эталоны. В этом проявляется растущая связанность общества в целом, образование в определенных сферах человеческой деятельности все более сильной однородности в масштабах всего общества.

Таким образом, физическая устойчивость применяемых человеком эталонных мер растет вместе с ростом однородности субъекта познания и практики, с углублением консенсуса. Этот аспект необходимо иметь в виду в дополнении к мысли о том, что рост устойчивости эталонных мер обусловлен все более глубоким проникновением человеческого разума в сущность природы.

Понятия «соглашение» и «консенсус», очищенные от конвенционалистских наслоений, могут эффективно использоваться для характеристики научного познания, рассматриваемого в социологическом аспекте. Наука формируется по мере того, как устанавливается консенсус. Собственно, существование научного зна-

ния есть критерий, условие и результат единопонимания. Казалось бы, этому представлению противоречит наличие в развитии уже зрелой науки революционных периодов. На самом деле это является его подтверждением. Действительно, этап в науке, называемый революцией, характеризуется временным разрушением консенсуса. Поэтому данное явление и вызывает столь острую, порой драматическую, реакцию в научном сообществе — оно выводит научный процесс, т. е. процесс углубления консенсуса из нормального состояния.

Формы научного познания в информационном аспекте могут быть поняты и как средства хранения и передачи информации. Обычно эти средства рассматриваются как внешние по отношению к самому процессу познания — например, описание библиотечного фонда или современная система информационного поиска. Но и сам процесс развития науки следует рассматривать как процесс развития форм представления информации. По-видимому, существует некоторый закон соответствия между объемом имеющейся информации и оптимальной формой ее представления. Генезис познавательных возможностей человека подчиняется этому закону. Чем более развита форма познания, тем она более информативна. Например, переход от чувственных форм к понятийным — это переход к более сжатому представлению информации. Не случайно Ф. Энгельс называл понятия «обобщающими сокращениями» [1, т. 20, с. 550].

Как форму хранения и передачи информации следует рассматривать закон науки. В эйдическом плане закон — отражение существенных связей между явлениями, в информационном — обобщение фактов.

Дедукция обычно определяется как способ получения (развития) знания. Но это — и способ организации знания для его эффективного хранения и передачи. Пусть имеется достаточно обширный массив информации. Она может быть представлена непосредственно, т. е. в виде обширного списка суждений-фактов, и опосредованно — в виде аксиоматики, т. е. нескольких суждений, из которых средствами логической техники могут быть получены все суждения-факты. Списковое представление не требует средств вывода, но по мере роста знания с таким представлением трудно обращаться — отыскивать необходимую информацию, передавать ее. Аксиоматическое представление в этом отношении проще, однако требует соответствующей техники вывода, и с ростом знания или упрощения аксиоматики эта техника становится все более сложной и изощренной. Таким образом, между аксиоматикой и списковым представлением имеется отношение типа дополнительности.

Генезис научного знания, с этой точки зрения, — это переход от спискового представления к аксиоматическому. С развитием теоретического познания вырабатываются формы все более сокращенного представления информации. Простота теоретической системы является идеалом именно потому, что с ростом простоты

растет информационная емкость. Вместе с тем растет мощность необходимых средств дедукции. Свернутое (сокращенное) по отношению к списковому представлению аксиоматизированное знание требует адекватных средств «развертывания». Чем проще теория, тем абстрактнее ее понятия, тем более удалены они от опыта. Необходима поэтому многоэтапная дедукция, чтобы получить предложение, непосредственно сопоставимые с наблюдением. Таким образом, теория в информационном аспекте — это оптимальная форма организации знания для последующей его трансляции. В теории достигается максимально эффективная свертка информации.

Для понимания различия обсуждаемых в статье трех аспектов познания целесообразно сравнить данную трактовку теории с двумя другими. В эйдическом плане теория — познавательный образ. Это, пожалуй, лучше всего передается древнегреческим «theoria» (смотрение, созерцание, зрелище) или современным выражением «картина мира» с акцентом на первом слове. «Теорийное» постижение мира и есть его созерцание. Ничего негативного само по себе такое отношение к миру не предполагает, пока, конечно, не настаивают на том, что это отношение единственно возможное и достаточное. В операциональном плане теория уже не образ, а технология. Она организует человеческую деятельность по созданию экспериментальных средств, описывает и объясняет функционирование этих средств. Сама же теория, с этой точки зрения, возникает в ходе осмысления определенных познавательных действий (измерений). Опять-таки объявить такую точку зрения единственно верной и развить ее дальше — означает, в конечном счете, приход к операционализму. Но и не учитывать технологический аспект теоретического знания — значит обеднить анализ познания.

На наш взгляд, мысль о дополнительном описании познания на основе трех его образов представляется заслуживающей дальнейшего развития. Это важно, главным образом, потому, что коммуникативная нагруженность форм и методов научного познания — тематика, которая сейчас набирает силу, получает в предложенной модели историческое и теоретическое оправдание.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Бэкон Ф. Сочинения. В. 2-х т. М., 1972. Т. 2. 4. Винер Н. Я. — математик. М., 1967. 5. Галилей Г. Избранные труды. В 2-х т. М., 1964. Т. 2. 6. Кремлянский В. И. Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977. 7. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980. 8. Лифшиц В. А. Конструктивное направление в математике // Энциклопедия математики. К., 1974. 9. Марков А. А. О логике конструктивной математики. М., 1972. 10. Хейнман С. Разделение труда и развитие инфраструктуры // Коммунист. 1979. № 17. С. 24—33.

Поступила в редколлегию 27.03.86.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В «ФИЛОСОФИИ НАУКИ»

Вопрос о проблемах научного творчества, генерации научных идей, механизмах их становления и функционирования не был актуален для традиционной буржуазной философии науки — позитивизма и его модификаций. Глубокий кризис неопозитивизма, его неспособность дать удовлетворительное объяснение современного этапа развития науки привели к появлению в последние десятилетия целого спектра различных концепций, объединяемых обычно под названием «постпозитивизм». Эти направления, представляющие собой новый этап в буржуазной философии науки, во многом противоположны неопозитивизму. Они выступают, например, против неопозитивистского понимания задач методологического анализа науки, методов ее философского исследования. Однако их основное отличие — пристальное внимание к истории развития науки, попытка через историко-культурную реконструкцию науки понять специфику ее современного состояния.

Для постпозитивистской философии науки характерен интерес не только к процессу производства идей, но и к условиям этого производства. Развитие научного знания, таким образом, не сводится к генерации научных идей. Делаются попытки описать его как сложный многосторонний процесс, где производство идей обусловлено различными социальными и коммуникативными факторами. Среди широкого спектра подобных исследований заметно выделяются две альтернативные конкурирующие концепции. Первая представлена трудами «исторической школы» (С. Тулмин, П. Фейерабанд, Дж. Агасси, М. Малкей). Вторая — работами «штарнбергской школы» (В. Крон, П. Вайнгардт, Г. Бёме, В. ден Деле и др.). Тематическая направленность обеих задана работами Т. Куна. Именно на них опираются они в своих исследованиях, из них черпают свои аргументы. Идеи Т. Куна, его подход к анализу науки служат отправной точкой дальнейших исследований этих двух, во многом противоположных направлений буржуазной философии науки.

Унаследовав от неопозитивизма ряд проблемных полей исследований, историческая школа выступила с решительной критикой его основных положений. Неопозитивизм, согласно традиции позитивистского анализа, исследовал уже сложившееся статичное знание, его структуру, уровни, формы организации, знаково-символические средства научного мышления и т. д. Основная проблематика исторической школы — историческая динамика и развитие науки, исследование комплекса исторических, познавательно-психологических и конкретно-социологических характеристик научного знания, методы его получения и развития. Историческая школа в принципе несводима к неопозитивизму, являясь новым,

оригинальным направлением в философии науки. Ее основными философскими предшественниками выступают неокантианство, прагматизм, структурализм и, естественно, неопозитивизм.

Историческая школа сложилась под влиянием работ Т. Куна, содержащих важные философские и социологические выводы. По его мнению, чтобы понять механизмы эволюции научного знания, необходимо выйти за пределы позитивистской методологии науки и описать этот процесс под углом зрения исторических и социологических закономерностей его формирования и развития. Научное знание развивается как последовательная революционная смена парадигм, под которыми Т. Кун понимает стандартную, общепринятую для данного периода развития науки совокупность правил и методов решения научных задач, которые объединяют людей в научном сообществе. Научное творчество, сводимое им к проблеме роста научного знания, всецело определяется господствующей парадигмой, которая выступает его основой и важнейшим регулятором, порождая исследовательские проблемы и определяя их решение.

Для развития исследований исторической школы большое значение имели выводы Т. Куна о необходимости понимания науки как обычного объекта культуры, наряду с религией, политикой, философией, а также его метод исторического («историографического») анализа развития науки. Эти идеи, в отличие от общей его концепции науки, были восприняты практически без критики и в настоящее время являются отправными аксиомами для любого представителя исторической школы.

На этих идеях основывается и концепция науки видного представителя исторической школы С. Тулмина. Идея историзма является у него исходной [6, с. 97—98]. Другое основополагающее понятие — «понимание» — трактуется им как историко-культурная социализация человека, способность восприятия «коллективным интеллектом» тех или иных доктрин в определенном социокультурном контексте [6, с. 51—55].

Объясняя закономерности развития науки, С. Тулмин глубоко анализирует концепцию Т. Куна и отвергает ее как несостоятельную, считая логически необоснованной его идею о последовательном чередовании «нормальных» и «революционных» периодов в развитии науки. Исследуя механизмы образования и циркулирования научных идей, он вообще отрицает необходимость здесь понятия «революция». Данный процесс, согласно его мнению, можно описать как эволюционное развитие популяций научных понятий, которые под влиянием различных факторов либо сосуществуют, либо вытесняют друг друга.

У С. Тулмина предпринята попытка более глубокого, чем у Т. Куна или К. Поппера, анализа условий, определяющих развитие научного знания. Предметом его исследовательского интереса выступают различные внешние и внутренние стимулы этого процесса: психологические, коммуникативные, культурные и другие.

Однако чаще всего, по его собственному признанию, эти проблемы только ставятся, но не решаются [6, с. 315—320].

В тулминовской концепции при объяснении процесса развития науки содержится утверждение примата отдельного и индивидуального перед общим и концептуальным. Впрочем, аналогичный подход в той или иной форме свойствен всем представителям исторической школы. В крайней, резко выраженной форме он проявляется у П. Фейерабенда и М. Малкея.

Концепция науки М. Малкея заметно отличается от концепций других представителей исторической школы прежде всего своим сближением с социологией. Большое внимание уделяется социокультурным детерминантам научного знания. Научные идеи, согласно его концепции, в большей мере определяются социальными и социологическими отношениями, чем объектом познания или его природой.

М. Малкей строит свою концепцию науки, исходя из следующих предпосылок: фактуальные утверждения в науке зависят от умозрительных предпосылок ученых, наблюдение направляется языковыми категориями, описание физического мира всегда опосредовано наличными культурными ресурсами. Вывод: производство научных идей зависит от социального контекста, в котором работают ученые; научные утверждения созданы социально и не даны непосредственно физическим миром [4, с. 107]. Согласно его выводам, физический мир, например, не столько изучается в науке, сколько социально конструируется, нормативные установки внутри науки изменяются в соответствии с действующими социальными факторами. Научное сообщество, генерирующее научные идеи, понимается как своего рода автономная полуоткрытая игровая система, имеющая «выходы» на физический мир и социокультурную среду.

Штарнбергская школа (ФРГ), возникшая в начале 70-х годов, сложилась под влиянием идей Т. Куна. Большое влияние на нее оказала также традиция философской герменевтики, восходящая к Г. Гадамеру и М. Хайдеггеру. Социологическую концепцию науки данного направления можно считать и наследником социальной философии Франкфуртской школы: один из ее лидеров (Ю. Хабермас) является представителем так называемого «второго поколения» франкфуртцев.

Согласно взглядам представителей штарнбергской школы, наука в своем развитии проходит три этапа: предтеоретический, парадигматический и постпарадигматический. На первом этапе наука только накапливает факты. На втором происходит формирование фундаментальных научных теорий. Развитие науки здесь определяется внутринаучными факторами. С характеристикой последнего этапа связано понятие «финализация науки», т. е. создание теоретически завершенных дисциплин. Генерирование этих новых, «закрытых» научных теорий невозможно без фундаментальных теорий. Но они не выводятся из фундаментальных и не сводятся к ним. Создание научных теорий и их функционирование на

данном этапе определяются исключительно внешними, вненаучными целями (социальными, экономическими, военными и др.). На третьем этапе изменяется соотношение внутренних и внешних факторов развития науки. Если на втором доминируют внутренние факторы («эволюционная» стадия), то на третьем — внешние (стадия «социального управления»). Различны и возможности выбора теории на каждом этапе: на «парадигматическом» — посредством «естественного механизма внутринаучной эволюции», на «постпарадигматическом» — через социальные приоритеты, которые определяют «норму полезности» научных идей обществу.

Представители штарнбергской школы часто используют идеи и терминологию Т. Куна и С. Тулмина для описания некоторых механизмов производства научных идей. Впрочем, представители школы — Г. Бёмэ и В. ден Деле считают, что языком Тулмина можно описать «второй» этап развития науки (в их концепции), но не современный. Однако, несмотря на эти терминологические заимствования и определенное влияние исторической школы, штарнбергская во многом противоположна ей.

Среди широкого спектра различий этих двух ведущих направлений буржуазной философии науки прежде всего следует выделить различия в методе исследования. Штарнбергская школа использует историко-социологическую реконструкцию научного знания. Историческая — историко-логический метод анализа развития науки (Исключением является только социологическая концепция М. Малкея, которая, вероятно, представляет новую тенденцию в эволюции данного направления).

Два направления противоположным образом решают вопрос о детерминантах научного развития. Для исторической школы характерна абсолютизация внутринаучных факторов. Развитие науки анализируется, в основном, лишь изнутри, с точки зрения имманентных характеристик научного знания и его производства. Само производство научного знания интерпретируется как изменения во взглядах ученых, обусловленные субъективными факторами. Возможность внешнего воздействия на науку практически отрицается. Лишь у М. Малкея подчеркивается роль социокультурного контекста развития научного знания, но только в самых общих чертах.

Представители штарнбергской школы приоритет отдают внешним, внеличностным и вненаучным факторам развития науки: экономическим, политическим и др. Генерация научных идей, во всяком случае на современном этапе ее развития (теория «финализации»), понимается как жестко детерминируемая внешними условиями.

Историческая школа абсолютизирует субъект-субъектные отношения в научной деятельности, оставляя за внешними факторами вспомогательные функции. Штарнбергская, механически отрывая внутренние детерминанты научного развития от внешних, абсолютизирует последние. Субъект научной деятельности оказывается здесь как бы вынесенным за скобки. Возможно, что

свою роль в такой абсолютизации сыграла специфическая трактовка субъект-объектных отношений в науке и социальной деятельности философской герменевтикой, оказавшей значительное влияние на представителей этого направления. Сходство этих направлений состоит в их резко выраженной антипозитивистской направленности. Все модификации позитивизма, как правило, игнорировали исторический метод анализа науки [1, с. 350]. Для постпозитивистских направлений — это основной метод исследования.

Можно констатировать изменение в последнее время взгляда на понятие науки, место и роль субъекта и объекта научной деятельности. Если традиционно наука стремилась абстрагироваться от субъекта, то в настоящее время возникает необходимость субъект-субъектного анализа знания. Данный процесс находит свое отражение и в современной буржуазной философии науки, что было показано путем сопоставительного анализа двух ведущих направлений «философии науки». Эта проблема нуждается в дальнейших исследованиях.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Кезин А. В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. М., 1985. 3. Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977. 4. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983. 5. Материалистическая диалектика как общая теория развития. Диалектика развития научного познания. М., 1982. 6. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. 7. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Fr/M., 1981.

Поступила в редколлегию 07.03.86.

Л. А. АТРАМЕНТОВА, канд. биол. наук,
В. В. ШКОДА, канд. филос. наук

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И ЛОГИКА ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ

При определении конкретной науки прежде всего указывается ее предметная область. Подробный анализ понятия «предмет науки» выходит за рамки данной статьи. Достаточно указать на различие наук по их предметным областям. Представляются правильными, например, следующие утверждения: ботаника отличается от зоологии тем, что первая изучает мир растений, а вторая — мир животных; физика отличается от биологии тем, что первая изучает неживую природу, а вторая — живую; теория чисел отличается от математического анализа тем, что предметной областью первой является натуральный ряд, а предметной областью второй — множество действительных чисел и т. д. Однако как только мы согласились с таким общепринятым представлением, следует довольно неожиданный вывод о происхождении. Задать, например, вопрос о происхождении живого — значит выйти за пределы предметной области биологии. Этот вопрос, следова-

тельно, не может быть адресован самой биологии, поскольку данная наука по *определению* имеет дело с живым как уже возникшим. По этой причине, если рассуждать формально, т. е. на основе принятых определений, такой вопрос не может быть адресован и наукам о неживой природе, которые живое не исследуют.

Как же следует отвечать на вопрос о происхождении? Прежде всего надо различать два принципиально разных вопроса: вопрос о самой предметной области и вопрос о ее элементе. Первый будем называть «трансцендентным»*. Приведенный пример с вопросом о происхождении живого показывает, что с формальной точки зрения трансцендентный вопрос не имеет смысла**. Что же касается вопроса о происхождении индивида (элемента предметной области), то не остается ничего другого, как утверждать: индивид возникает из другого (такого же) индивида, т. е. растение возникает из растения, животное из животного, живое из живого и т. д. Данное положение будем называть генетическим принципом. Название это, на наш взгляд, является подходящим потому, что именно в генетике данный принцип давно сформулирован в виде афоризма: «подобное порождает подобное». Дальнейшее изложение имеет цель раскрыть нетривиальный характер генетического принципа и его важное методологическое значение.

История показывает, что каждая наука рано или поздно начинает руководствоваться генетическим принципом. С этого момента она становится строже и развивается интенсивнее. Повидимому, имеется связь между утверждением в научном познании генетического принципа и отказом от основной нормы натурфилософски ориентированного естествознания — поиска конечных причин.

Противники античного атомизма видели его слабость в том, что не объясняется причина движения атомов, а оппоненты Ньютона не удовлетворялись его теорией потому, что она не объясняет природу тяготения, не отвечает на вопрос: почему тела притягиваются? Когда Гарвей открыл систему кровообращения и установил роль сердца в этом процессе, его не беспокоил вопрос: «почему сердце бьется?» В том смысле, что и без ответа на этот вопрос, а исходя из самого открытия, можно было успешно продвигаться в развитии физиологии. Иначе отнесся к этому Декарт. Объяснение Гарвея без ответа на вопрос «почему бьется сердце?» он считал неприемлемым и пытался решить проблему умозрительно.

Эти примеры показывают, что подлинно научная концепция в отличие от натурфилософской сама постулирует свою ограниченность (конечность системы аргументации) или неполноту. Эту ограниченность, точнее, относительность — право научной дисциплины не отвечать на трансцендентные для нее вопросы — не

* Такой термин используется нами как технический. Смысл его ограничивается латинским *transcendere* — «выходить за пределы».

** Далее будет показано, что и трансцендентные вопросы относятся к компетенции научного познания.

следует отождествлять с агностицизмом. Научная дисциплина определяет тем свою предметную область, сферу своей компетенции. Прекращается регресс в бесконечность, устраняется проблема «начала», разумеется, не вообще, не как проблема научного познания, а как задача, решаемая средствами данной научной дисциплины*.

Возьмем, к примеру, определение (логическое «происхождение») конкретного вида числа. На вопрос «из чего выводится (получается, «происходит») определенное (четное, иррациональное, комплексное и т. д.) число?» следует ответ: «из другого числа». Это ответ конкретной научной дисциплины — теории чисел. На вопрос «как появляется число вообще, число как такое?» эта теория ответа не дает и дать не может. С точки зрения здравого смысла, такое положение кажется странным — теория ведь исследует число. Дело, однако, в том, что она застаёт число как данность, как уже наличествующую объективную сущность. Ее задача — выявить и объяснить различные свойства чисел. Математики всегда это понимали, а Л. Кроникер по этому поводу выразился так: «Бог создал натуральные числа, все прочее — творение человека». Экстравагантная форма данного утверждения не мешает увидеть его глубокое научное содержание: определение натурального числа не может быть дано средствами самой теории чисел (это трансцендентная для нее задача). Но коль скоро понятие о натуральном числе введено, все другие виды чисел и, следовательно, все содержание теории чисел образуются на основе генетического принципа по формуле: X есть число, удовлетворяющее $У$, где X — вид числа, $У$ — заданное свойство.

Но разве проблема происхождения лишена здесь научного статуса? Она ставится и обсуждается в науке, но не только собственно математическими средствами. Ответ на вопрос «как возникает число?» дается комплексом наук, изучающих развитие общественного сознания, включая социальную психологию, этнографию, историческую антропологию, политэкономия (связь происхождения числа с исторически простейшими формами обмена и т. д.).

Только в XIX в. биологи окончательно отвергли теорию самопроизвольного зарождения живых организмов. В свое время вполне серьезно полагали, что «черви возникают из конского волоса в сточных водах, личинки мух — из гниющего мяса, а лягушки — из нильского ила» [1, с. 27]. Эксперименты Пастера и Тиндаля подтвердили, что не только сложные организмы, но и бактерии не могут возникать из неживого вещества. В биологии утвердился генетический принцип. В настоящее время дискутируется вопрос о «границах» живого: считать ли субмикроскопические фильтрующие вирусы уже живыми или еще неживыми?

* Это существенное различие не учитывает позитивизм, квалифицируя проблемы «начала» как метафизические, псевдонаучные и настаивая на их элиминации из сферы науки.

Однако спорность вопроса не является препятствием для применения генетического принципа. «Можно, по-видимому, утверждать,— пишет К. Вилли,— что они (субмикроскопические фильтрующие вирусы.— Л. А., В. Ш.) происходят только от предшествующих вирусов, а никак не из материала невирусной природы» [1, с. 16]. С отказом от теории самозарождения не снимается с повестки дня проблема происхождения живого. Более того, только теперь она осознается как глобальная научная и мировоззренческая проблема.

Основное положение, развитое в «Происхождении видов» Ч. Дарвина до простого тривиально — виды происходят из видов. Но это — кажущаяся простота. Идейный и методологический заряд теории естественного отбора велик чрезвычайно. Дарвин отказался от представления, согласно которому различие между видами изначально и постоянно, а каждый вид произошел от одной прародительской пары. Благодаря его теории, «происхождение» перестало быть особой точкой и приобрело характер непрерывного процесса, к каждому моменту которого вполне справедливо применим генетический принцип: данный организм происходит от такого же организма*. Ч. Дарвин сформулировал научные принципы, объясняющие этот процесс.

Проблема «особой точки» до принятия эволюционной теории Дарвина казалась неразрешимой. Естествоиспытатели уже не могли всерьез принимать простое и всем «понятное» объяснение: первичная пара — результат божественного творения. Однако к концепции особого возникновения неизбежно приводила мысль об изначальном и постоянном различии между видами. Оставалось признать, что каждый вид первоначально образовался отдельным творческим актом, а природа этого акта, если не божественная, то представляет «тайну из тайн» (Д. Гершель)**. Приняв теорию естественного отбора, биологи освободились от необходимости разгадывать тайну происхождения первичной пары просто потому, что само выражение «первичная пара» не имеет смысла. Каждая пара первична для последующего поколения и вторична для предыдущего. При таком подходе внимание исследователя концентрируется на конкретном механизме частичных, локальных во времени изменений. Становится возможной генетика как наука.

Аналогичная ситуация возникает в языкознании. Лингвист решает проблему возникновения конкретного языка, предполагая, что существуют или существовал другой язык, генетически предшествующий данному. Как специалист он не исходит из по-

* Понимание происхождения как особого события, как перводействия, которое отделяет трансцендентное (до события) время от исторического (после события), вносило в биологию мифологические и религиозные мотивы, лишало ее научно-методологических оснований.

** Приведенное выше высказывание Л. Кроникера о творении первичного материала в данном случае уже не выглядело простой метафорой.

ложения: язык возникает из не-языка. Но это положение становится само собой разумеющимся, когда обсуждается проблема возникновения языка вообще, как социально выработанного средства общения. И здесь, кроме лингвистики, в дело вступает целый ряд различных научных дисциплин. Мысль об особой точке в данном случае кажется невероятной. Тем не менее, в истории культуры она фиксирована в разных вариантах. Это указывает на универсальный характер мифологической модели происхождения, когда она понимается как однократный акт, отделяющий неизменное ничто от неизменного же бытия. Наука формируется в процессе преодоления этой модели, замены ее генетическим принципом.

Таким образом, вопрос о происхождении следует рассматривать в двух аспектах: либо речь идет о конкретном индивиде (элементе предметной области) — и здесь ответ дается с опорой на генетический принцип средствами конкретной научной дисциплины, либо имеется в виду сама предметная область. В последнем случае вопрос о происхождении является трансцендентным. Такие вопросы не относятся к компетенции отдельной научной дисциплины, а разрешаются в процессе комплексных, междисциплинарных исследований. Значительную роль играет при этом научная философия, внешние вопросы носят, как правило, мировоззренческий характер. Особенно это относится к универсальной предметной области — миру в целом. С точки зрения материализма, вопрос о происхождении в данном случае не имеет смысла — материя бесконечна во времени и пространстве, она есть *causa sui*. С другой стороны, идеализм и религиозные учения строятся как попытки дать на него тот или иной содержательный ответ.

Р. Карнап — представитель логического позитивизма — рассматривал логику вопроса о существовании. На наш взгляд, это не случайно. В этом интересе к существованию и умолчанию о происхождении можно почувствовать общую установку неопозитивизма: анализировать статику знания и умалчивать о динамике, рассматривать ставшее, но не становящееся. Именно за это «историческая школа» в современной философии науки критикует неопозитивистов. Можно предполагать, что, займись представитель «исторической школы» логическим анализом языка науки, он начал бы с анализа понятия «происхождение», но не «существование».

Р. Карнап говорит не о предметной области, а о языковом каркасе. Он также различает два вида вопросов о существовании — внутренние и внешние. С логической точки зрения, характер внутреннего вопроса ясен: существует ли объект с заданными свойствами в данном каркасе? Внешний вопрос «существует ли система объектов в целом?» имеет, как пишет Р. Карнап, «проблематичный характер, нуждается в тщательном исследовании». В качестве объектов он рассматривает вещи, числа, свойства, суждения и т. п. Как же решается вопрос о существовании мира

вещей? На внутренний вопрос ответ дается эмпирическим исследованием. «Результаты наблюдений оцениваются по определенным правилам как свидетельства, подтверждающие или не подтверждающие основания возможных ответов». В конечном счете, делается вывод: «признать что-либо реальной вещью или событием — значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса» [2, с. 300—301]. Такое понимание не вызывает возражений. Действительно, различать внешние и внутренние вопросы необходимо. Правильно и то, что вопрос о существовании определенного рода материальных объектов (внутренний вопрос) сводится к оценке по заранее установленным правилам наблюдаемых экспериментальных ситуаций (отношение между материальными объектами). Например, многочисленные попытки физиков обнаружить кварки планировались по определенным правилам: появление определенных экспериментальных ситуаций будет означать, что кварки существуют, а если эти ситуации не появятся, то вопрос останется открытым.

Что же касается внешнего вопроса о существовании мира в целом, то здесь Р. Карнап остался верен позитивизму: «предложение, претендующее на утверждение реальности системы объектов, является псевдоутверждением, лишенным познавательного содержания». Аргументация опирается на определение реальности: «быть реальным в научном смысле — значит быть элементом системы; следовательно, это понятие не может осмысленно применяться к самой системе» [2, с. 311, 301]. Почему же не может применяться? Разве аргументация посредством *causa sui*, когда речь идет о происхождении, лишена научного статуса? И разве борьба между материализмом и идеализмом по вопросу о реальности мира (например, известная полемика по этому вопросу между М. Планком и Э. Махом в рамках физического познания) не оказала влияния на развитие науки, была лишена познавательного содержания?

И внутренний и внешний вопросы разрешаются научным методом. Тем не менее различие между ними всегда следует иметь в виду. Чем строже определяется это различие, тем четче ограничивается предметная область конкретной научной дисциплины, сфера ее компетенции.

Обратимся к логике как конкретной дисциплине. Ее предметом является процесс мышления. На вопрос «из чего образуется (возникает) мысль?» логика в соответствии с генетическим принципом должна отвечать: из другой мысли. Логик застает знание, представленное в языковой форме, как исходный материал и выявляет способы, приемы выведения из него нового знания. Он исходит из мыслей и приходит в конечном счете к ним. Конкретное понятие он получает из другого понятия, суждение — из другого суждения. Но такое замыкание исключительно в сфере знания не является недостатком, ограниченностью логика. Напротив,

в этом выражается определенность его занятий, так обретается необходимый для функционирования научной дисциплины профессионализм.

В этом отношении важное методологическое значение имеет закон достаточного основания. Он требует, чтобы мысль признавалась истинной только на том основании, что имеются другие мысли, уже признанные истинными и находящиеся с данной в определенном отношении. Никакие иные апелляции — к очевидности, чувственным данным, авторитету, полезности, простоте и т. д. — не принимаются. Высказывание *A* истинно постольку, поскольку имеется высказывание *B*, истинность которого установлена. Вопрос о том, каким образом должны быть логически связаны *A* и *B* здесь не имеет значения. Важно, что мы судим об истинности одной мысли исключительно на основе заданной истинности другой.

Заметим, что в рамках изложенного здесь закона достаточного основания отнюдь не решается вопрос о природе научной истины. Схватывается формально-логический аспект этой философской проблемы, или, иначе, предлагается формально-логическая модель процесса установления объективной истинности мыслей. Ясно, что в реальном научном исследовании ученых не замыкается в сфере чистого знания. Он «выходит» в эксперимент, в практику и в конечном счете сопоставляет мысли с объективной реальностью. В этом смысле он отвечает на трансцендентный вопрос. Когда же настаивают на всеобщем характере изложенного выше понимания закона достаточного основания, возникает то, что можно назвать «издержками строгости». Например, в логическом позитивизме генетический принцип возводится в абсолют. Утверждается, что наука должна сопоставлять высказывания только с другими высказываниями (когерентная теория истины). Выходить за рамки знания, совершать *transcensus* — удел метафизики. Только она претенциозно настаивает на том, что способна сопоставлять высказывания с реальным миром. На самом деле она занимается псевдонаучными спекуляциями. Таким образом, для неопозитивизма трансцендентность вопроса об объективной истинности мыслей оказывается критерием его бессмысленности, метафизичности. Решение проблемы в формально-логическом аспекте выдается за всеобщее решение.

Но логика претендует на собственную экспликацию понятия истины. Попытки построить таковую экспликацию вполне естественны, ибо истинность — характеристика суждения, и собственное развитие логики требует выяснения сущности данной характеристики средствами самой логики. Логик может объяснить, что он понимает под истинным суждением, что в истинном суждении мысль о предмете и мысль о признаке соединены в соответствии с тем, как этот предмет и признак связаны в действительности. Однако логика не располагает средствами для установления наличия или отсутствия данной связи. Поэтому остается постулировать, что каждое простое суждение либо истинно, либо

ложно, и эта информация задана логике извне — той эмпирической наукой, которая располагает средствами сопоставления суждения с объективной реальностью и, следовательно, решения вопроса об истинности.

А. Тарский построил теорию, которую в контексте данной статьи можно интерпретировать так: понятие истины может быть определено собственными средствами логики без обращения к процедуре *transcensus*. Иными словами, вопрос об истинности может быть принят как внутренний вопрос, а не трансцендентный. А. Тарский определяет истинность некоторого суждения *P* следующим образом: «*P*» — истинно, если и только если *P*, где «*P*» и *P* суть предложения соответственно в объектном языке и в метаязыке. Если считать язык (знание) в целом предметной областью, то можно сказать, что вопрос об истинности высказывания действительно есть внутренний вопрос. В теории Тарского как логической (а не гносеологической!) адекватно решена проблема экспликации понятия «истина».

Интересны попытки соблюсти необходимую методологическую строгость при изложении логики как учебного курса, представить все содержание логики, строго придерживаясь определения ее предметной области (сферы мыслей). Это и есть попытки соблюсти генетический принцип. Например, методы образования понятий излагаются обычно так, что понятие оказывается результатом взаимодействия человека с реальными предметами. Сравнение, абстрагирование, обобщение — все это представляется как операции, имеющие и чувственно-отражательный и предметно-практический план. В принципе это верно, однако без необходимых разъяснений такое представление находится в явном противоречии с исходным определением логики, ибо она не изучает предметно-практическую деятельность. Это замечание, конечно, не следует понимать так, что упоминание о предметно-практическом плане в логическом контексте недопустимо. Оно необходимо, следует лишь указывать на его внелогический, трансцендентный, а точнее, общеметодологический характер. Это представление не следует смешивать с собственно-логическим пониманием, в рамках которого указанные процедуры должны рассматриваться именно как действия над мыслями.

Или вопрос об объеме понятия. Обычно объемом понятия считают множество (класс) предметов. Но вполне резонно, на наш взгляд, следующее возражение: «это определение неточно, так как логика изучает отношения между понятиями, а не между предметами» [3, с. 27]. Предлагается считать объемом понятия множество других видовых понятий. Необходимость такого уточнения сомнений не вызывает, так как оно вытекает из определения предметной области логики. Но оно может повлечь за собой существенные изменения в трактовке некоторых традиционных вопросов. Как быть, например, с единичными понятиями? С традиционной точки зрения, объем и величина понятия включают

один единственный предмет. В рамках предлагаемого определения само выражение «единичное понятие» теряет смысл.

Приведенные замечания указывают на то, что имеется своего рода дополнительность между степенью строгости при изложении формальной логики и возможностью сохранить ее содержание в традиционном виде.

Список литературы: 1. Вилли К. Биология. М., 1966. 2. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1958. 3. Формальная логика. Л., 1978.

Поступила в редколлегию 10.03.86.

А. Ф. ПЛАХОТНЫЙ, д-р филос. наук,

И. И. КУТЬКО, д-р мед. наук

К ПРОБЛЕМЕ ДЕТЕРМИНИЗМА В ПСИХИАТРИИ

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма», выдвигая идею союза передовых естествоиспытателей и философов-марксистов как необходимого условия развития философии диалектического материализма и теоретического естествознания, отмечал: «...Естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» [2, с. 45, с. 31].

Среди категорий марксистско-ленинской философии, выполняющих важную методологическую роль в медицине, центральное место занимают категории причины и следствия. Действительно, в деле лечения и предупреждения заболевания главное — знание всего комплекса факторов, обуславливающих болезнь. Не случайно И. П. Павлов писал: «Знание причин, конечно, важнейшее дело медицины. Во-первых, только зная причину, можно метко устремиться против нее, а во-вторых, и это важнее, можно не допустить ее действия, вторжения в организм. Только познав все причины болезней, настоящая медицина превратится в медицину будущего, т. е. в гигиену в широком смысле» [5, т. 2, с. 358]. Однако успешное изучение причинно-следственных отношений в медицине обусловлено спецификой самого предмета медицины и требует правильного решения проблемы соотношения социального и биологического в человеке. Понятие человека — одно из центральных в марксистской философии, в то же время человек — предмет целого ряда наук как общественных, так и естественных, каждая из которых изучает под своим углом зрения преимущественно одну какую-либо сторону человека. Целесообразно поэтому несколько конкретнее остановиться на этом понятии.

Марксизм определяет человека с позиций материалистического понимания общественной жизни. Человеческое общество — выс-

шая социальная форма движения материи, а «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 3].

Категория человека конкретизируется в диалектике понятий общество — индивид. Поэтому не случайно К. Маркс характеризует человека следующим образом: «...Человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество» [1, т. 1, с. 414]. Однако это не означает, что понятие человека отождествляется с понятием общества; человек — это так же индивид, как элемент общественной системы. Поэтому также не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Предпосылки, с которых мы начинаем...— это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни<...> Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов» [1, т. 3, с. 18—19].

Представляется, что предметом медицины выступает прежде всего человек как индивид, его здоровье и болезни, способы лечения и предупреждения болезней. В человеке биологическое «снято», подчинено социальному и контролируется им. Это прежде всего проявляется в том, что человек как *Homo Sapiens* — уникальный биологический вид, сформированный социальным процессом — трудовой деятельностью. Не случайно ряд исследователей для обозначения специфической биологии человека, социально сформированного, предлагают другие термины — природное, органическое (В. В. Давыдов), естественное (С. Л. Рубинштейн) и др.

В онтогенезе человеческий индивид может нормально сформироваться и успешно осуществлять жизнедеятельность лишь в обществе; прямохождение, речь, мышление — то, что издавна считалось видовыми признаками человека, формируется только в общественных условиях.

Итак, «снятие» биологического социальным — это, во-первых, формирование *Homo Sapiens* в филогенезе, в антропосоциогенезе, под влиянием трудовой деятельности — процесс, который в основном уже завершен. Вместе с тем, как отмечает ряд исследователей (например, Т. В. Карсаевская), данный процесс изменения биологической природы человека под влиянием интенсивно развивающихся социальных условий продолжается, хотя эти изменения осуществляются в пределах вида. Во-вторых, это определяющее влияние конкретных общественно-исторических условий на онтогенез человеческого индивида, зависимость его жизнедеятельности от социальных факторов. Таким образом, «снятие» биологического социальным — отнюдь не его ликвидация; для медицины человек — существо биосоциальное, биологическое (природное, органическое), начало которого осуществляется специфически в разных социальных условиях.

Понятие «социальные условия жизнедеятельности индивида» — также целесообразно конкретизировать. Это прежде всего уровень развития общества, определяющийся способом производства, уровнем развития науки и техники, социально-классовая структура общества, уровень развития здравоохранения и т. д. Именно определенный социально-экономический уровень развития общества, успехи микробиологии, химии и фармакологии позволили человечеству покончить с эпидемиями чумы и холеры, черной оспы, полиомиелита и других заболеваний, ранее уносивших тысячи и миллионы человеческих жизней. Именно уровень развития медицинских знаний, детерминированный в конечном счете развитием производительных сил и науки в целом, позволил сравнительно недавно (100—150 лет тому назад) выделить психические заболевания как объект изучения, достигнуть успехов в их лечении и профилактике. Однако социальный прогресс в целом порождает новые трудности и проблемы: научно-техническая революция, интенсификация жизнедеятельности человека, «информационный взрыв» ведут к учащению стрессовых ситуаций, нервно-психическим перегрузкам, следствием чего является относительный рост онкологических, сердечно-сосудистых, нервно-психических заболеваний, причем последние — болезни человеческого вида, которым не подвержены животные в естественных условиях.

Социальные факторы — это также (в более узком смысле) социально-классовые факторы антагонистического общества. Именно они обуславливают высокий уровень заболеваемости эксплуатируемых масс из-за тяжелых условий труда и быта, низкого уровня организации медицинской помощи и т. д. Непосредственно данный фактор обуславливает распространенность среди «низов» так называемых «социальных заболеваний» — туберкулеза, венерических и т. д. В капиталистических странах важнейшим фактором роста неврозов, алкоголизма, наркомании являются эксплуатация, безработица, постоянная тревога за будущее и т. д.

Наконец, социальными факторами называют и факторы микросреды, посредством которых осуществляются социально-классовые факторы, но они могут определяться и культурой общения в той или иной малой социальной группе, а также носить и в определенной мере случайный характер.

Таким образом, болезнь — «стесненная в своей свободе жизнь» [1, т. 1, с. 64], — сложное биосоциальное явление, возникновение и течение которого определяются процессом взаимодействия биологического и социального. В каждую эпоху, в каждой общественно-экономической формации и даже в каждом определенном случае взаимодействие биологического и социального осуществляется в конкретной форме.

Поэтому плодотворные результаты в медицинской науке может дать применение именно диалектико-материалистических категорий причины и следствия (где следствие активно влияет на причину, а действие причины зависит не только от внешних фак-

торов, но и от внутренних и не является фатальным), а не дармарковский материалистический детерминизм, где причина и следствие механистически разорваны и противопоставлены друг другу.

Одна из специфических особенностей психических заболеваний состоит в том, что при их изучении необходимо учитывать степень искаженности отражения больным действительности, степень сохранности сознания, мышления, эмоционально-волевых процессов, соответственно степень адекватности поведения больного. Выдающийся русский психиатр С. С. Корсаков писал: «Психиатрия из всех медицинских наук наиболее близко ставит нас к вопросам философским. <...> Психиатрия своей близостью к психологии и философским наукам чрезвычайно способствует повышению общего мировоззрения врача, дает более правильное понимание важнейших проявлений индивидуальной и общественной жизни, повышает просветительское влияние врача на окружающую среду» [4, с. 8].

Закон причинно-следственных отношений в медицине конкретизируется через понятия «этиология» и «патогенез». Если патогенез — биологический механизм заболевания, результат действия причины, то этиология — причины и условия болезни, не только внешние, но и внутренние.

В различных видах психических заболеваний соотношение внешних и внутренних, социальных и биологических, в частности, генетических, факторов различно, однако при наличии специфики в детерминизации этих заболеваний имеется и определенная общность.

В возникновении пограничных психических состояний — неврозов — ведущую роль играют внешние причины — воздействие социальной среды — психотравмы (стресс, длительные травмирующие ситуации), однако эти причины социального характера действуют не фатально: следствие — заболевание и его течение зависит от внутренних факторов — предрасположенности организма (слабый или сильный тип нервной системы, общее состояние здоровья; наличие или отсутствие соматических заболеваний и степень их тяжести и т. д.).

При психопатиях — внутренний биологический (генетический) фактор играет более важную роль, но вместе с тем благоприятные условия социальной среды (в частности, семейные) развивают и углубляют болезненные черты патологических личностей, а благоприятные могут корректировать врожденные характерологические особенности. Однако нет абсолютных граней между невротическими и психопатическими личностями. Существует точка зрения о том, что неврозы преимущественно возникают именно у психопатических личностей, сензитивность которых генетически обусловлена, носит более или менее выраженный характер и в экстремальных условиях приводит к заболеванию.

В возникновении так называемых эндогенных заболеваний (психозов) решающая роль принадлежит биологическим (гене-

тическим) факторам, внешний социальный фактор — психотравма — играет роль толчка, пускового механизма, приводящего в действие, выявляющего внутренне созревающий процесс. Причем в ряде случаев, когда заболевание подготовлено созреванием внутреннего процесса в организме, внешний социальный фактор вообще существенного значения не имеет и выступает как повод, иногда даже неуловимый.

При существенных различиях этиологии, патогенеза и клиники психозов и пограничных психических заболеваний между ними есть общность. Так, например, шизоидную психопатию рассматривают как «стертую», субклиническую форму шизофрении; ввиду общности генетических предпосылок шизоидная психопатия — благоприятная основа для возникновения шизофрении.

Наличие внутренних, генетических причин психозов, в частности шизофрении, не вызывает в настоящее время сомнений. В то же время высказываются предположения о том, что это специфически человеческое заболевание возникло в далеком прошлом в ходе антропосоциогенеза в результате мутаций, которые имели социальное приспособительное значение, но позже послужили основой генетической патологии сложного характера [6, с. 840—853].

Генетические причины больших психозов в полной мере еще не раскрыты. Наследование шизофрении не подчиняется законам Менделя; поскольку больные шизофренией часто не имеют потомства, естественно предположить, что количество таких больных должно уменьшаться и болезнь должна исчезнуть естественным путем, однако в обществе имеется более или менее стабильное количество этих больных, т. е. шизофрения постоянно возобновляется. Само наличие данного, как и других психических заболеваний, определяется в конечном счете социальными условиями — относительной неразвитостью науки; только дальнейший прогресс науки, обусловленный социально-экономическими факторами, может вскрыть сущность генетических причин психических заболеваний с тем, чтобы покончить с ними.

Ввиду сложного характера взаимодействия социального и биологического в детерминизме психических заболеваний в их профилактике и лечении необходимо не только медикаментозно воздействовать на биологические процессы в организме, но и учитывать образ жизни человека, семейно-бытовые условия, особенности трудовой деятельности, моральный климат в коллективе. Вся окружающая больного обстановка может и должна быть лечебным фактором; чуткое, внимательное отношение лечащего персонала к больному, щадящий режим трудовой деятельности, работа членов семьи и т. д. — важнейшее, необходимое дополнение к терапевтическим методам лечения.

Отсутствие научной методологии в изучении соотношения социального и биологического в детерминации психических заболеваний в медицине современных капиталистических стран приводит

к концепциям, абсолютизирующим либо один, либо другой фактор в этиологии и патогенезе.

Так, фрейдизм и неофрейдизм не только сводят причины всех психических заболеваний к биологическим факторам, но истолковывают в корне неверно как социально подавляемые эротические и агрессивные инстинкты; при этом решающее значение в лечении всех психических заболеваний, в том числе больших психозов, отводится методам психоанализа. Концепция Фрейда, по сути дела, на практике себя не оправдала, даже его ближайшие ученики (Юнг, Адлер, Хорни) отказались от понимания психических заболеваний как только сексуально обусловленных. Психоанализ прошел сложную эволюцию и сохраняется в настоящее время преимущественно по причинам идеологического, мировоззренческого порядка: современное буржуазное общество в период своего кризиса нуждается в концепциях, биологизаторски истолковывающих сущность человека. Не только войны, эксплуатация, безработица, но и вся культура человечества — искусство, наука, техника — представлены Фрейдом и его современными сторонниками как внешнее, болезненное, сублимированное выражение эротического и агрессивного инстинктов.

С другой стороны, в 60—70-е гг. на Западе возникает течение, получившее название антипсихиатрии. Его представители — сторонники левоэкстремистски, бунтарски настроенных группировок «новых левых», чьим духовным отцом был представитель Франкфуртской школы в философии «фрейдомарксист» Г. Маркузе. Представители «антипсихиатрии» отрицают биологические причины всех психических заболеваний, включая большие психозы; истолковывают неадекватное поведение больных как форму социального протеста против условий «репрессивного», «тоталитарного» общества. Понятно, что такая концепция противоречит данным науки и всей психиатрической практике и не может содействовать восстановлению адекватного поведения психических больных.

Таким образом, для успешного изучения проблемы детерминизма в психиатрии необходимо применение в частно-медицинских исследованиях научной философской методологии, особенно обязательной для конкретного рассмотрения социального и биологического в человеке.

На XXVII съезде КПСС отмечалось: «Для каждого человека, да и для общества нет большей ценности, чем здоровье. **Охрана и укрепление здоровья людей** — дело первостепенной важности. Проблемы здоровья мы должны рассматривать с широких социальных позиций» [3, с. 49].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Корсаков С. С. Избр. произведения. М., 1954. 5. Павлов И. П. Соч. М., 1946. 6. Соотношение биологического и социального в развитии человека. М., 1975.

Поступила в редколлегию 17.03.86.

**О ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «ЕДИНОЕ — МНОГОЕ»
В УЧЕНИИ ПАРМЕНИДА**

Одним из наиболее интересных результатов в развитии квантовой физики последних десятилетий является обнаружение специфической нераздельности, целостности явлений и процессов микромира [7; 6]. И дело даже не в необычной природе этого феномена: современная физика вообще богата открытиями. Оригинальность ситуации заключается в тех концептуальных трудностях, с которыми сталкиваются ученые в процессе осмысления квантовой целостности. Их суть состоит в необходимости последовательного ограничения устоявшейся веками и казавшейся безоговорочно применимой в познании любой области реальности аналитической парадигмы классической науки [5; 6]. В такой связи актуализируются исследования системы абстрактно-логических средств адекватного отражения целостности мира, ее генезиса.

В отечественной литературе наследию Парменида посвящены работы ряда авторов (А. Ф. Лосева, А. О. Маковельского, П. П. Гайденко, В. Я. Комаровой и др.). Вместе с тем повышение значимости категорий «единое-многое» в решении современных проблем естествознания требует уточнения корректного метода определения, классического содержания понятий единого и многого, предвосхищенного мыслителем из Элеи.

Ближайшим основанием учения Парменида было противопоставление двух основных путей познаний мира: посредством чувственного восприятия и посредством логического мышления. Обнаружив расхождение между ними, элеат придал этому расхождению абсолютное значение [3, с. 64—65]. Более того, уяснение самостоятельности сферы логического мышления было доведено до ее онтологизации как особого умопостигаемого мира, противостоящего чувственно данному.

Парменид не только открыл и четко осознал качественное своеобразие логического мышления, но и предвосхитил некоторые из основных его законов, в частности закон противоречия [3, с. 10—11]. Согласно этому закону, следует исключить из мышления (и соответственно из умопостигаемого мира) все противоречия, в том числе и знаменитое гераклитовское «Бытие и небытие одно и то же, все и есть, и не есть...». Исходный тезис в конструировании умопостигаемого бытия — «Только бытие есть, небытия нет...» [4, с. 2] — Парменид доводит «до логического конца с неустрашимой последовательностью». А выводы из такого, казалось бы естественного, утверждения своей необычностью могли привести в замешательство; вокруг них, по свидетельству Диогена Лаэртского, было «больше всего шума» [2, с. 372].

Главным итогом рассуждений Парменида была картина непротиворечивого, а следовательно, истинного бытия. Оно представлялось как абсолютное единое, совершенно чуждое какому-либо многообразию в пространстве и изменению во времени. Раскрывая содержание единства истинного умопостигаемого бытия, элеат утверждает его непрерывность (бытие непосредственно соприкасается с бытием; нет ничего, что преграждало бы бытию доступ к бытию); признает бытие неделимым, неразложимым (бытие — абсолютная полнота) и отрицает у него всякую множественность частей. Наконец, признается законченность бытия в себе, его совершенство. Утверждается, согласно А. О. Маковельскому, и единственность бытия (наряду с бытием нет другого бытия) [4, с. 3]. Таким образом, Парменид исчерпывает признаки единого, выступающего первым и главным предикатом умопостигаемого бытия. В противоположность этой картине чувственно данный мир представляется текучим хаосом многообразия; о нем возможно лишь «мнение смертного люда, в котором нет истинной правды» [2, с. 365].

Парменид раскрывает единое и многое, противопоставляя их как взаимоисключающие атрибуты двух несовместимых миров. Такой разрыв единого и многого прямо отражен в признаках, составляющих содержание категории единого. Они исчерпываются отрицанием множественности и изменчивости: не-прерывность, неизменчивость, не-делимость, единственность. Иначе говоря, Парменид фактически определяет единое как абсолютное отрицание многого, т. е. через соотношение понятия с его противоположностью. Такой метод определения должен быть признан не только уместным, но в данном случае и единственно возможным, поскольку вопрос стоит о дефиниции универсального понятия — фундаментальной философской категории. Найденное Парменидом определение не утратило своего значения и сегодня, являясь одним из ключевых средств осознания специфики квантовой целостности [6].

Основанием взглядов Парменида выступает абсолютное разделение противоположностей — чувственного и абстрактно-логического путей познания, истинного и неистинного, единого и многого и т. д. Такое противопоставление имело некоторое гносеологическое оправдание, поскольку, по словам Гегеля, именно к абстрактному разъединению противоположностей прежде всего и приходит рассудок. Однако его значение и гносеологически, и исторически весьма ограничено. Дальнейшее развитие философии потребовало преодоления абсолютизированного Парменидом разъединения «единого умопостигаемого истинного бытия» и «многообразия чувственно данного неистинного хаоса». Эта проблема по-своему решалась как в рамках зародившейся вскоре «линии Демокрита», так и альтернативной ей «линии Платона». Но окончательное преодоление разрыва возможно, конечно, лишь на основе материалистической диалектики, которая признает, что отношение противоположностей не исчерпывается взаимным отрицанием, но

предполагает также их единство, переход друг в друга [1, с. 98, 203]. Развертывание этого процесса в случае фундаментального противоречия единого и многого формирует систему существенных в теоретическом описании феномена целостности понятий, включающую категории части — целого, элемента — системы и структуры, абстрактного — конкретного, целостности [5].

Если решение проблемы Парменида потребовало осознания единства, взаимопереходов единого и многого, то трудности развития современной науки обращают внимание на другую необходимую сторону отношения этих противоположностей, а именно на их полярность, взаимоотрицательность (столь бескомпромиссно выраженную старшим элеатом). Дело в том, что парадигма классической науки с ее абсолютизацией анализа фактически утратила категорию единого, не-многого, подменив ее тривиальным понятием объединенного «посредством веревок и сил» многообразия. И только успехи квантовой физики заставляют окончательно отказаться от безоговорочного утверждения этой, на самом деле весьма ограниченной, позиции мышления. Необходимо осознать, что реальность не исчерпывается одной стороной противоречия — многим, а требует для своего познания восстановления подлинно диалектического значения категории единого (не-многого).

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. 3. Комарова В. Я. Становление философского материализма в Древней Греции. Л., 1975. 4. Маковельский А. О. Десократики. Казань, 1915. 5. Тягло А. В. Логика системы основных понятий о целостности // Вестн. Харьк. ун-та, 1984. № 261. 6. Цехмистро И. З. О парадоксе Эйнштейна — Подольского — Розена // Филос. науки. 1984. № 1.

Поступила в редколлегию 03.03.86.

С. В. ЖЕРЕБКИН

ОБ ИСТОКАХ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ ЕДИНОГО В ФИЛОСОФИИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА

Важное место в системе категорий материалистической диалектики занимает категория единого. В. И. Ленин подчеркивал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его <...> есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [1, т. 29, с. 316]. Принципиальная неразложимость единого на составляющие элементы, утверждение в нем нераздельности, нерасчлененности и отрицания состояния множественности [6, с. 11], отражающих существенные свойства целостности, не только выступает важной предпосылкой и необходимым условием познания тождества противоположностей, но и существенным образом определяет природу таких фундаментальных философских категорий, как бытие, субстанция, материя и т. д.

Традиционно занимая одно из центральных мест в философской проблематике, категория единого использовалась при решении кардинальных мировоззренческих проблем различными школами и направлениями. В связи с этим возникает необходимость критического переосмысления в рамках марксистской философии истории становления диалектики единого. В процессе решения этой задачи большое значение имеет критический анализ трактовки понятия единого в учении Вл. Соловьева, где единое является одной из основных категорий. Осуществить такой анализ можно, на наш взгляд, только при условии понимания мировоззренческих истоков и социокультурной специфики его философии.

В истории русской философии и общественной жизни конца XIX — начала XX в. Вл. Соловьеву принадлежит значительная роль. В среде русских философов этого времени практически нет ни одного, который бы в той или иной степени не испытал на себе влияния творчества Вл. Соловьева, не занял бы определенную позицию по отношению к нему, к его учению о всеединстве. Значимая для современников Вл. Соловьева и актуальная в свете современных логико-методологических исследований «замечательная соловьевская диалектика всеединства, как и гегелевская, тоже заслуживает постановки с головы на ноги» [2, с. 5]. Осуществить такое критическое переосмысление учения Вл. Соловьева и понять его историческую роль и значение для современности можно, лишь уяснив, какую мировоззренческую нагрузку несет концепция всеединства и категория единого.

Философия Вл. Соловьева относится к началу перехода классической буржуазной философии к ее современным формам. Поэтому черты нового часто проявляются у Вл. Соловьева в изложении привычного и традиционного содержания и развиты в самом общем виде. Отсюда проистекает ярко выраженный схематизм, а порою — догматический строй мысли, которым характеризуются философия и публицистика Вл. Соловьева. Так, оценка философом литературного творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского, а также идей Ф. Ницше заставляет сомневаться в том, насколько Вл. Соловьев мог вообще быть предтечей русского экзистенциализма и персонализма. Ведь по отношению к А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову Вл. Соловьев проводит идею о необходимости для гения прежде всего «разумности, скорее напоминающей рассудочность, преодоления могучей страстности» [3, с. 9, 38, 359], а у Ф. М. Достоевского ценит в первую очередь религиозно-политическую концепцию [3, с. 3, 193]. Обращаясь к философии Ф. Ницше, Вл. Соловьев находит «рациональное зерно» в идее «сверхчеловека», в которой, по его мнению, нашло свое отражение извечное человеческое стремление «хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности», решительно отстраняясь при этом от всякого «ницшеанского психопатизма» [3, с. 9, 49, 268].

Не меньшей схематичностью и прямолинейностью отличается и поэзия Вл. Соловьева, в которой неуклонно проводится жесткое противопоставление «здешнего», обыденного и «нездешнего», «выс-

шего мира». Сколь прямо и безапелляционно сформулировано у Вл. Соловьева превосходство «нездешнего», столь естественнее и проще его отношение с ним. Развивающий и углубляющий эту поэтическую тему Вл. Соловьева А. Блок, воспевая неземной идеал, испытывает гораздо больше сомнений и мук. Поэтому и различие «между Соловьевым и Блоком есть различие между верой и надеждой» [7, с. 521].

И тем не менее А. Блок был учеником Вл. Соловьева. А обостренное акцентирование противоположности высокого и подлинного обывденному — необходимая ступень в выработке такого отношения к миру, которое все более становится личностным сопереживанием бытия. Земная действительность, традиционно противопоставляемая идеалистической философией сфере абсолютного, для Вл. Соловьева не просто неистинная, конечная или обманчивая. Ее ограниченность воспринимается Вл. Соловьевым как личная драма. Показательна в этом отношении одна из лучших работ философа «Жизненная драма Платона», где Вл. Соловьев подчеркивает, что главное для него «личность самого Платона», для которого «философия была прежде всего жизненной задачей» [3, с. 9, 196—197]. Однако в данном исследовании проявляется только общая для всех работ философа тенденция. В подходе к любому общественному явлению и в понимании каждой человеческой судьбы Вл. Соловьев стремится раскрыть их смысл на основе драматизма жизненной ситуации, что обуславливает и соответствующую методологию исследования. Занятый поисками специфики эмоционального состояния личности, определенным образом переживающей конфликт абсолютного и наличного, Вл. Соловьев прибегает к «чуткому вниманию» [3, с. 9, 377], улавливающему смысловую окраску события по различного рода оттенкам и отдельным намекам.

Такая чуткая, пусть и недостаточно еще искушенная, восприимчивость Вл. Соловьева к деталям человеческого характера и определяет в конечном счете его убеждение в том, что истина не является отвлеченной и рассудочной, а выступает жизненной и практической, несет на себе печать драматизма событий и поступков. Есть «мир мысли не отвлеченной, а живой, которая должна осуществляться в действительности» [4, с. 1, 79]. На основе данного убеждения и возникает у Вл. Соловьева учение о всеединстве сущего, в котором также находят свое отражение и наивный схематизм, и утопизм философа. В логической структуре этого учения первостепенную важность имеет различение категорий бытия и сущего вследствие неудовлетворенности философа абстрактным, знеличностным характером категории бытия в ее традиционной для нового времени трактовке. В ходе критики гегелевской диалектики Вл. Соловьев показывает, что всякое наличное бытие составляет в итоге принадлежность субъекта, безразлично ему, а потому в бытие вообще является только предикатом подлинного субъекта, безусловно-сущего. «Философия имеет своим настоящим предметом не бытие вообще, а то, чему бытие вообще принадлежит, то есть безусловно-сущее или сущее как безусловное начало

всякого бытия» [3, с. 2, 305]. Поскольку абсолютное, безусловно-сущее объективно является совершенно тождественным «чистому бытию» Гегеля по своей логической форме, но мыслится Вл. Соловьевым как его прямая противоположность [3, с. 2, 309], встает задача поиска категориальных средств, принципиально отличных от гегелевских. Так же, как и А. Шопенгауэр, Вл. Соловьев решает эту задачу посредством обращения к категориям единого и множественного, диалектика которых традиционно использовалась в философии не только в пределах чистой логики, но, и прежде всего, в конструировании космических процессов и практической вовлеченности в них человека.

Поскольку истина никогда не может быть для Вл. Соловьева чем-то отвлеченным, частным, ограниченным, а всегда есть целое, «все», основным определением безусловно-сущего в его философии становится понятие единого. Вл. Соловьев пишет, что «истина есть сущее всеединое». Такое всеединое сверхсущее, очевидно, принципиально неразложимо на составляющие элементы и «не может представлять ни конкретной множественности, ни отвлеченной общности» [3, с. 2, 297, 306]. Тем самым, разрабатывая данным образом понятие всеединого, Вл. Соловьев фиксирует в нем такие реальные свойства целостности, как неделимость, нераздвоенность, отрицание самого состояния множественности.

Понимание Вл. Соловьевым единого как принципиально неразложимого на составляющие элементы глубоко диалектично и содержит в себе важное рациональное зерно. Поскольку в учении Вл. Соловьева нашли свое отражение объективные закономерности развития действительности как целостной, ему удалось воспроизвести реальную диалектику единого и многого. Эта диалектика, представленная у Вл. Соловьева в форме абстрактно-идеалистического и даже мистического учения, будучи очищенной от данной формы, оказывается одним из жизнеспособных элементов его философии. Развиваемая Вл. Соловьевым идея о целостном, принципиально исключаящем состоянии множественности, едином имеет вполне определенный смысл и созвучна идеям целостности в ряде современных проблем в квантовой теории, психологии, биологии и др., но только при условии ее материалистического переосмысления. Задача материалистического переосмысления диалектики единого у Вл. Соловьева предполагает в первую очередь ее освобождение от мистико-религиозных представлений, в контексте которых она выступает в учении русского философа-идеалиста.

Будучи мыслителем религиозным, сознательно утверждающим мистицизм, Вл. Соловьев использует разрабатываемый им логико-категориальный аппарат в целях обоснования своеобразной социальной утопии, в которой основная сознательная роль отводится христианской церкви. В то же время данный факт отнюдь не дает исчерпывающего представления об историческом значении и месте философии Вл. Соловьева. Во-первых, мистицизм соловьевского учения о всеедином весьма специфичен и далеко не сводится к ортодоксальной религиозности [2, с. 163—164]. А во-вторых, даже

уяснение сути столь близкого сердцу философа «положительного религиозного идеала» отнюдь не дает понимания главного в философии Вл. Соловьева. Убедительное подтверждение тому — философское творчество Е. Н. Трубецкого, пытавшегося развить именно религиозное начало соловьевского учения. При решении поставленной задачи Е. Н. Трубецком приходится на каждом шагу перекраивать и подправлять философию Вл. Соловьева, не укладывающуюся в рамки концепции, подчиненной одному смыслообразующему принципу — религиозному.

Характерной и очень важной чертой Вл. Соловьева, на которую неоднократно обращали внимание братья Трубецкие, было его стремление к универсализму; неприятие любых односторонностей, постоянная нацеленность на целостное синтетическое отображение предмета. «Люди различных партий считали его своим потому, что он признавал их относительную правоту, и они же яростно нападали на него и обвиняли его в отступничестве, когда убеждались, что он не считал их правду безусловной» [5, с. 107]. Поэтому, несмотря на то, что синтезы и органические объединения Вл. Соловьева носят крайне абстрактный и надуманный характер и дают скорее образцы наивного схематизма, нежели подлинной универсальности, его философия, тем не менее, не может быть охарактеризована как осуществление только какой-либо одной идеи или принципа. Сущность соловьевского учения в том и состоит, что оно лежит у истоков новейшего философствования и содержит в себе целый ряд возможностей, еще не предвиденных его автором, сознательные убеждения которого не отражают реальных итогов и многочисленных выходов его философии.

Одним из таких содержащих рациональное зерно выходов и является в учении Вл. Соловьева диалектика единого и многого, тогда как религиозные идеи далеко еще не исчерпывают его содержания. Истоки же соловьевской диалектики единого заключены прежде всего в той специфике, которую приобретает дух новейшей буржуазной философии в контексте русской культуры последней четверти XIX в. Речь в данном случае идет преимущественно об изменении самой формы рациональности и степени восприимчивости событий. Исследование в этом направлении философии Вл. Соловьева имеет определенное значение для изучения процесса формирования и развития человеческого мышления.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. 3. Соловьев В. С. Собр. соч. в 10-ти т. 2-е изд., б. г. 4. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. Соловьева. М., 1913. т. 1—2. 5. Трубецкой С. Н. Основное начало учения Вл. Соловьева // Вопр. философии и психологии. 1901. № 1. 6. Цехмистро И. З. Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого. М., 1972. 7. Чуковский К. Александр Блок // Собр. соч. в 6-ти т. М., 1969. Т. 6.

Поступила в редколлегию 27.03.86.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Курс партии на ускорение социально-экономического развития страны и достижение на этой основе качественно нового состояния общества требуют значительного роста социальной активности трудящихся. Задача кардинального ускорения социально-экономического развития нашего общества назрела объективно. Но выполнение ее возможно лишь при условии приведения в действие всех экономических, психологических, организационных, социальных резервов и в первую очередь — активизации человеческого фактора. В Программе КПСС сказано: «Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении» [3, с. 140].

Все более возрастающую роль в повышении социальной активности трудящихся, которая есть «общественное качество» человека, заключающееся в его способности к самостоятельности на основе потребностей как объективных внутренних противоречий системы [5, с. 85], играет субъективный фактор. Важнейшее значение в понимании субъективного фактора в развитии социальной активности трудящихся, определении путей повышения его роли имеет исследование его как системного явления, определенным образом упорядоченного множества элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство [9, с. 173]. Вопросы системного подхода к изучению общественных явлений приобретают все большую актуальность, ибо советское общество нуждается во все более полных и глубоких знаниях о действительности. «Отдельное бытие (предмет, явление etc.), — писал В. И. Ленин в «Философских тетрадах», — есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... Лишь в их совокупности <...> и в их отношении <...> реализуется истина» [2, т. 29, с. 178].

Таким образом, комплексный системный подход к исследованию общественных процессов возникает как необходимость наиболее адекватного отражения системных взаимоотношений, присущих самой объективной действительности. Такой подход все более используется для уяснения природы субъективного фактора. Б. А. Чагин рассматривает его как структурное образование. Он пишет, что субъективный фактор включает в свое содержание «политическую сознательность и моральную убежденность (идеологический момент), психологическую убежденность, решимость и волю (психологический момент) дисциплину и организованность (организатор-

ский момент), оценку событий и сами активные действия» [12, с. 142].

И. А. Чудинов, выражая системные взгляды на субъективный фактор, также рассматривает его как «деятельность надстройки, составляющей совокупность форм марксистско-ленинской идеологии (политические, правовые, философские взгляды, искусство, мораль и т. д.), учреждений и организаций (КПСС, Советское государство, общественные организации — профсоюзы, комсомол, творческие, спортивные и другие) — с одной стороны; и сознательной деятельности самих масс под направляющим воздействием идеологии и учреждений надстройки — с другой стороны» [13, с. 278].

Некоторые авторы пишут о субъективном факторе как о системе. Так, Л. А. Лихунская считает, что он включает в себя «систему идейных, политических, нравственных, культурных и организационных элементов сознательной деятельности народных масс, каждой социальной личности» [7, с. 11].

Рассмотрим субъективный фактор с точки зрения взаимодействия присущих ему элементов и определения его на этой основе как результата функционирования системы.

Пользуясь методологией системного подхода, используем для анализа и определения субъективного фактора предметный, функциональный и исторический методы изучения явлений. Рассматривая его в соответствии с требованиями предметного подхода о наличии необходимых компонентов для образования целостной системы и достаточных для ее функционирования, становится заметным отсутствие в приведенной Б. А. Чагиным структуре субъективного фактора существенных звеньев. Как уже указывалось, по его мнению, субъективный фактор складывается из идеологического, психологического, организаторского моментов, оценки событий и самих действий. Однако всего этого недостаточно, как правило, для осуществления цели, воплощения ее в результат. Необходимы еще такие присущие субъекту деятельностные качества, как способности, навыки, умения. Очевидно и то, что без осознания и оценки субъектом объекта также нельзя добиться планируемого результата. Следовательно, знания и оценка, гносеологический и аксиологический моменты должны расширить наше понимание субъективного фактора. Обращаясь к анализу идеологического, психологического и организаторского моментов субъективного фактора, необходимо отметить, что каждый из них представляет относительно самостоятельную систему, определение элементов которой имеет принципиально важное значение. На наш взгляд, такие элементы, как программа, план действий и контроль, которые определяют выбор средств и их реализацию, регулируют деятельность, придают ей целеустремленность и организованность, необходимо отнести как важнейшие к организаторскому моменту.

Важное место в системе субъективного фактора должны также занять установки, ценностные ориентации, цель, которые, являясь структурными элементами субъекта, составляют *суть* идеоло-

гической и психологической направленности субъективного фактора.

Таким образом, субъективный фактор развития социальной активности можно представить как совокупность следующих моментов: знания, оценки, установки, убеждения, ценностные ориентации, цели, способности, умения, навыки, план, контроль субъекта. Каждый из перечисленных элементов имеет свое функциональное значение, которое, реализуясь во взаимодействии с другими элементами, превращается в необходимое и неотъемлемое звено всей системы. Большое значение для постановки цели имеет такой элемент, как знания, которые являются основой для выработки оценки объекта, т. е. для определения его значимости как в целом, так и отдельных свойств. На их базе также формируются все остальные указанные компоненты. Оценка в этой цепи является тем феноменом, благодаря которому потребности и интересы субъекта, его отношения с объектом, имеющие объективный характер, приобретают субъективную форму. Будучи соотношенной с убеждениями и ценностными ориентациями, она выступает необходимым основанием принятия решения. Оценка — это и важная предпосылка формирования установки, представляющей собой «состояние готовности, предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации» [11, с. 708].

Своеобразием этого психологического феномена является то, что установка в значительной мере обусловлена предыдущим опытом человека в том смысле, что чем значительнее опыт, тем стабильнее установка. Советская теория установки, представленная школой Д. Н. Узнадзе, исходит из понимания установки как диалектического единства variability и стабильности. Своей стабильностью установки способствуют формированию убеждений личности, а своей variability обеспечивают стабильность данной системы, т. е. адаптацию субъекта к вариациям объективной среды.

Вступая в сложное взаимодействие, знания, оценки, установки личности, оплодотворенные ее волей, превращаются в своеобразное состояние сознания — убеждение, в силу которого оно готово к достижению цели. Эти убеждения, приобретая ценностную окраску (т. е. превращаясь в ценностные ориентации), становятся главным основанием формирования цели деятельности как идеального образа будущего, как способа интеграции действий. Однако неверно было бы полагать, что цель является пассивным продуктом взаимодействия указанных элементов. Она играет активную роль в их формировании. Новые цели с неизбежностью требуют новых подходов в оценке избранного объекта, проработки их через своеобразный фильтр установок, убеждений, ценностных ориентаций, в ходе чего происходит видоизменение как тех, так и других. Немаловажное значение в выработке цели имеет соотношение ее со способностями субъекта, под которым понимают «комплекс психических свойств человека, делающий его пригодным к опре-

деленному, исторически сложившемуся виду профессиональной деятельности» [10, с. 348].

Сама постановка цели требует для воплощения ее в жизнь определенных способностей, вместе с тем и способности определяют собой реальность выдвигаемых целей. Способности, являясь субъективными условиями успешной деятельности, выражаются в быстроте усвоения соответствующих знаний, а также в оригинальности их исполнения. Последняя особенность имеет особое значение, ибо придает деятельности творческий характер. В ней они занимают особое место, так как переходят в форму предметного воплощения и обратно, представляя собой процесс усвоения личностью выработанных человечеством в процессе исторического развития способов деятельности. В субъективном факторе способности занимают особое место, выступая в качестве средств регулирования и развития умений и навыков. В литературе умение определяется как «освоенный субъектом способ выполнения действия, обеспечиваемый совокупностью приобретенных знаний и навыков» [6, с. 365]. Навык же рассматривается как «доведенное до автоматизма умение решать тот или иной вид задачи» [11, с. 393]. Отличие умений от навыков состоит не только в различной степени усвоения действий, но и в том, вытекающем из предыдущего, что навык как способ действия, доведенный до автоматизма, не требует сознательного контроля, в то время как умение предполагает его, благодаря чему умение создает возможность выполнять действие не только в привычных, но и в изменившихся условиях. В научной и учебной литературе нередко встречается точка зрения, согласно которой умение и навык рассматриваются как действия [8, с. 126].

Полагаем, что это неверно. Действительно, умения и навыки формируются в ходе осуществления действий, без них нет ни тех, ни других, однако на данном основании нельзя отождествлять умения и навыки с действиями, как нельзя отождествлять содержание и форму, хотя не исключается их взаимный переход. Представляется, что умения и навыки следует рассматривать как субъективные элементы, выражающие различную степень овладения теми или иными действиями и существующие на базе определенных динамических стереотипов.

Способности, умения и навыки находятся в тесном взаимодействии с другими элементами субъективного фактора. Они не только определяются знаниями, но и требуют определенного их уровня, оказывают влияние на формирование оценок, установок, целей, убеждений, ценностных ориентаций как элементы, в которых особенно запечатлен *опыт* практической деятельности. В свою очередь, оценки, установки, убеждения, цели в силу своего изменения требуют *развития* способностей, умений и навыков.

Особенно тесное взаимодействие существует между знаниями, способностями, умениями и навыками. Умения — это знания в действии. Отрыв знаний от умений их применять ведет к формализму знаний. Знания и умения — две неотделимые и функционально

взаимосвязанные части любого целенаправленного действия. Умения и навыки тесно взаимосвязаны как способы выполнения действий. Умения совершенствуются по мере овладения навыками, качество выработки которых во многом определяется умениями субъекта. Легкость овладения навыками, знаниями, умениями свидетельствует о высоком уровне способностей человека. При этом знания, умения и навыки — не только показатель его способностей, но и движущая сила их развития. Более развитые способности, в свою очередь, оказывают влияние на развитие знаний, умений и навыков. В своем единстве и противоречии знания, способности, умения и навыки составляют мастерство человека. Однако для того, чтобы действие совершилось, недостаточно перечисленных элементов. Необходимо мысленно сконструированный план его осуществления как по элементам, так и по времени, как плод убежденности и готовности действовать, так и наличия для этого необходимого мастерства. И, наконец, все эти звенья будут функционировать как система, если со стороны субъекта будет осуществляться основанный на циркуляции информации контроль, по результатам которого предоставляется возможность вносить соответствующие коррекции.

Таким образом, субъективный фактор — это сложное взаимобусловленное взаимодействие совокупности различных элементов, каждый из которых в системе субъективного фактора играет специфическую роль.

Это положение находит свое яркое подтверждение на современном этапе развития советского общества. Неблагоприятные тенденции, проявившиеся в 70-х начале 80-х гг. в экономике и социально-духовной жизни нашей страны, осложнение международной обстановки потребовали осознания партией принципиально новой ситуации внутри страны и на международной арене, что нашло свое яркое воплощение в выдвинутой апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС установке на ускорение социально-экономического развития общества, разработке основ политической линии, нашедшей всестороннее воплощение в решениях XXVII съезда КПСС. Все это — свидетельство громадного значения, которое приобретает в современных условиях развития советского общества идеологический компонент субъективного фактора. Задачи по реализации стратегического курса партии на ускорение развития общества потребовали переориентации общественного сознания. «Убедить широкие слои трудящихся в правильности избранного пути, заинтересовать их морально и материально, перестроить психологию кадров, — подчеркнул на XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — важнейшие условия ускорения нашего роста» [3, с. 24]. Следовательно, все большее значение приобретает психологический элемент субъективного фактора. Наряду с этим возрастает роль организаторского момента по претворению в жизнь решений XXVII съезда КПСС.

Системный подход к анализу субъективного фактора предполагает определение его системообразующего элемента. На наш

взгляд, таким компонентом является «цель». Она более всего объединяет в себе идеологический, психологический, организаторский, гносеологический и аксиологический моменты; в выработке цели находят наибольшее взаимодействие знания, оценки, установки, убеждения, ценностные ориентации, мастерство, план и контроль; изменение цели придает субъективному фактору иную качественную определенность. Она как закон определяет способ и характер человеческих действий [1, т. 23, с. 139].

Представив субъективный фактор таким образом, нам остается, наконец, для определения его как системы найти то системное качество, которое возникает в результате ее функционирования, но не сводится к качествам составляющих ее элементов.

Все рассмотренные нами компоненты субъективного фактора относятся, как следует из предыдущего анализа, к стадии подготовки субъекта к действию или деятельности и составляют содержание его деятельностной готовности. Причем отсутствие хотя бы одного из перечисленных выше элементов лишает субъект этой готовности к действию. Без любого из них невозможен переход к деятельности. Если рассматривать деятельность как единство причины и действия, то указанное взаимодействие перечисленных компонентов можно считать внутренней причиной действия, т. е. мотивом, который определяется в философии как то, «что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается» [11, с. 389]. Л. П. Буева также рассматривает мотивы «в качестве внутренних побудителей к действию, которые представляют собой отражение в сознании людей их объективных потребностей и интересов» [4, с. 202—203]. При этом мотив невозможно свести ни к одному из компонентов субъективного фактора, ибо каждый из них становится причиной, побуждающей деятельность лишь в совокупности с другими. Следовательно, мотив — это то системное качество, которое появляется в результате взаимодействия перечисленных элементов.

Таким образом, мотив наиболее полно воплощает в себе сущность субъективного фактора, является важнейшим условием пробуждения трудовой и общественной активности масс, их энергии и инициативы.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Буева Л. П. Личность и ее социальная деятельность // Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. 5. Дениско Л. Н., Бардин Ю. П., Морозко Л. Г. О связи категории «социальная зрелость личности» с другими философско-социологическими категориями // Вести. Харьк. ун-та. № 281. 1985. 6. Краткий психологический словарь. М., 1985. 7. Лихунская Л. А. Социально-философский анализ функций марксистско-ленинской идеологии общества развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1985. 8. Рудик П. А. Психология. М., 1967. 9. Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. М., 1966. Т. 1. 10. Философский словарь. М., 1981. 11. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 12. Чагин Б. А. В. И. Ленин о диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. Л., 1985. 13. Чудинов И. А. Общественное мнение в системе субъективных факторов в период

А. М. КРИВУЛЯ, канд. филос. наук

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Дальнейшее развертывание активности советских людей диктуется как социально-экономическими и политическими требованиями, так и необходимостью решения таких задач, как развитие общественного самоуправления, всестороннее и гармоничное развитие личности. КПСС уделяет большое внимание созданию эффективных рычагов, которые способны выводить трудовые коллективы, руководителей и рядовых работников из состояния успокоенности, благодушия, пассивности. Этого требует тот рубеж, на который вышла наша страна, — необходимость решительного ускорения социально-экономического развития общества. «Мы рассчитываем, — подчеркивает М. С. Горбачев, — на высокую творческую активность и мастерство нашего рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, инженеров и ученых» [1, с. 31].

Исследования социальной активности приобрели сегодня характер широкого междисциплинарного движения, в котором важная роль отведена проблеме условий и факторов повышения активности на различных структурных уровнях общества. Эта серьезная и относительно самостоятельная проблема требует комплексного подхода специалистов разного профиля. Однако исходным, очевидно, должен стать формационный подход. В этой связи нельзя не согласиться с В. Н. Шевченко, который считает, что прежде чем говорить о социальной активности конкретного человека (рабочего, крестьянина, интеллигента) или целой социальной группы, необходимо знать, как вообще существование такого рода людей или социальных групп обуславливается характером и уровнем развития общества, какие в той или иной формации имеются социальные структуры и институты, в рамках которых они живут и действуют [6, с. 31].

Применительно к социализму в качестве важнейших условий формационного уровня следует назвать общественную собственность на средства производства, т. е. отсутствие эксплуатации человека человеком; развитые формы социалистической демократии (наиболее полное осуществление демократических прав и свобод), господство марксистско-ленинской идеологии, высокий уровень общекультурного развития масс. Можно добавить и некоторые другие условия, например, достаточно развитый уровень материального благосостояния масс, без чего нельзя вести речь об активности в целом ряде областей.

Сужение поля анализа условий активности при движении к ее конкретным субъектам требует обстоятельного изучения того, как преломляются общие формационные факторы через конкретные обстоятельства места и времени, через конкретную социальную среду. Большое значение имеет деятельность партийных, государственных и общественных организаций по эффективному использованию всех возможностей, предоставляемых обществом для развития социальной активности. Так, например, Закон о трудовых коллективах, создавая правовую основу активизации трудящихся в сфере управления производством, не будет действенным без настойчивого проведения его в жизнь. Само по себе расширение круга функций трудящихся еще не ведет автоматически к формированию у них внутренней потребности участвовать в управлении. Такую потребность необходимо формировать, а социально-экономические, политико-правовые факторы — лишь первые условия на этом пути.

Проблема условий важна и в разрезе задач управления социальной активностью, поскольку целенаправленное создание условий — стимул свободного проявления творческих потенций человека. Большая роль в управлении активностью принадлежит нормам. Именно через социальные нормы общественные отношения осуществляют свою функцию форм деятельности (активности). В соответствии с видами общественных отношений можно различать и нормы: политические, правовые, нравственные, эстетические. Производственные же отношения в той их части, которая попала в сферу общественного сознания, воплощаются в нормы права. Другая часть, также обладая признаком нормативности, реализуется в чистом виде в форме действия экономических законов, требований экономической необходимости. Ряд социальных норм приобретает форму традиций, обычаев. Иногда действие этих норм ограничивают областью морали, но, думается, они носят сквозной характер и имеют место в любых видах деятельности.

Исследуя условия и факторы социальной активности, взвешивая различные аспекты данного понятия, нельзя обойти вниманием и полярные ему понятия. Некоторые авторы находят оппозиционные оттенки в самом понятии социальной активности: она может быть прогрессивной или негативной, реакционной.

На наш взгляд, «активность» с отрицательным знаком не следует называть «социальной» только на том основании, что она разворачивается в обществе. Она может быть названа антисоциальной, социальным отклонением и т. п. За понятием социальной активности целесообразнее сохранить смысл социально-позитивной деятельности, который несет в себе классовую окраску, оценку действий людей с точки зрения прогрессивных сил общества.

Понятием, которое может быть в действительной оппозиции к «социальной активности», является «пассивность». Изучение феномена социальной пассивности еще не получило развития в литературе. Косвенно, как явление, идущее рядом с активностью, оно, конечно, попадает в поле зрения исследователей. Однако глубоко

и всесторонне, с выявлением причин пассивности отдельных категорий людей данное явление еще не изучено. Особенно это касается анализа уровня социальной среды и уровня отдельного индивида. Более того, сама проблема здесь еще не поставлена. А ведь именно здесь, на микроуровне, важно знать, почему одни и те же или близкие социальные условия ведут к формированию активного отношения к действительности, а в других уровнях не срабатывают. Абстрактного указания на то, что прямой связи между общесоциальными, формационными условиями и конкретным поведением личности нет, сегодня уже недостаточно. Сейчас, как никогда ранее, стоит задача формирования активной жизненной позиции каждого советского человека.

Одним из перспективных направлений, которое позволит расширить рамки анализа активности и пассивности в единстве с исследованием условий и факторов, их порождающих, может служить соотнесение этих явлений с феноменом социальной ответственности. Глубокий категориальный анализ, проведенный А. Ф. Плахотным, показал ее тесную взаимосвязь с понятиями свободы, необходимости, социальной активности, деятельности и общения, ее общую направленность на поведенческую проблематику. В его определении «социальная ответственность» связывается в целом с позитивной деятельностью в интересах прогрессивных сил общества [4, с. 8]. Применительно к проблеме социальной активности понятие социальной ответственности позволяет сосредоточить внимание на совокупности внутренних, субъективных характеристик в их сочетании с внешними факторами активного отношения отдельных индивидов к общественным целям и интересам.

В связи с этим возникает важный вопрос методологического порядка: на каком уровне анализа условий социальной активности уместно «подключение» такого существенного фактора, как ответственность? Необходимо установить место наиболее эффективного употребления столь важного для современного обществознания понятия. По нашему мнению, «подключение» ответственности наиболее уместно на этапе перехода от формационного уровня рассмотрения к микроуровню. Отношения ответственной зависимости между людьми (реальные, а не абстрактные) имеют достаточно определенное поле действия, ограниченное, как правило, сферой межличностного взаимодействия и взаимодействия организаций и трудовых коллективов как структурных подразделений общества. Поэтому скорее на этом уровне можно найти наиболее полный набор характеристик социальной ответственности, ее социально-политический, правовой, нравственный, социально-психологический и другие аспекты.

Развивая сформулированное выше положение, можно сказать, что поскольку ответственность индивидов никогда не осуществляется в обществе абстрактно, вне времени, места, социального окружения, то средой, где она реализуется, является коллектив. Коллектив, взятый в его многообразных социальных функциях, — это та система координат, к которой отнесена позитивная, общест-

венно значимая деятельность индивида, где сосредоточены первичные ячейки подавляющего большинства общественных организаций, через которые индивид включается в политическую жизнь страны, в управление делами производства, быта и досуга. И дело обстоит таким образом, что, только предварительно став членом трудового коллектива и его органов, индивид через их политический и правовой статус, свои конкретные функции и роли может стать реально ответственным индивидом. Таким образом, ответственность как условие и фактор развития социальной активности обретает свою подлинную силу только в коллективе.

Обращение к непосредственному социальному окружению личности, к тому месту, где реализуется отношение ответственной зависимости, вызывает необходимость обязательного учета единства объективного и субъективного моментов. Ответственность как фактор социальной активности — это совокупность объективно обусловленных требований общества (класса, коллектива) к поведению социальных субъектов, преобразованных во внутренние мотивы их деятельности. Здесь важно подчеркнуть ту сторону понятия социальной ответственности, которая обращена к оценке личности как носителя сознательного, политически и нравственно взвешенного действия. Социально ответственная линия поведения осуществляется на основе высокой политической сознательности, понимания личностью своей роли и места в обществе. Именно на эту сторону социальной ответственности обращено внимание в литературе [3, с. 74]. Идя в направлении от внутреннего мира субъекта к его деятельности, можно заметить, что именно сознание своей социальной ответственности ведет к высокому уровню социальной активности. Конечно, эта связь взаимозависимая: сформированное чувство социальной ответственности побуждает к социальной активности, а вовлечение индивида в активную творческую деятельность воспитывает ответственное отношение к линии своего поведения. И все же следует отметить, что взаимосвязь социальной ответственности и активности носит асимметричный характер. Если социальная активность — это в конечном счете реальное действие, то социальная ответственность — его внутренняя побудительная причина.

Констатация связи социальной ответственности и активности открывает возможности для изучения и проблем пассивности, условий, порождающих ее. Укажем на некоторые из них. Поскольку и активность, и отношение ответственной зависимости реализуются по преимуществу в трудовых коллективах и различных общественных организациях, то именно в структуре и управлении совместной деятельности следует искать одну из причин пассивности. Иногда ее называют «диффузией ответственности» [2, с. 94], (когда ответственность как бы теряет своего конкретного носителя, субъекта, повисает в воздухе). Это характерно для коллективов, где отсутствует четкая регламентация обязанностей, закрепление конкретного человека за конкретным участком работы, ослабляется контроль за исполнением. В таких случаях формируется привычка

либо переключать «дело» на других, либо переносить исполнение «дел» на неопределенное будущее. Результаты специальных исследований и практика организации труда в коллективах подсказывают простые и эффективные средства преодоления таких негативных явлений. «В тех видах совместной деятельности, где создается угроза переключения работы друг на друга, каждому исполнителю должна быть поручена строго определенная часть деятельности, что как бы ставит нормативные «перемычки», через которые невозможна «диффузия» ответственности» [2, с. 94]. Практика предлагает и многие другие средства преодоления пассивности, «социального инфантилизма» и созерцательности. Там, где люди не только простые исполнители решений, но и активные участники их выработки и принятия, ответственность и уровень социальной активности выше. И наоборот, излишняя регламентация управленческой деятельности сковывает активность коллектива, ставит большинство работников в положение только исполнителей директив вышестоящих органов [5, с. 29].

Оценивая роль социальной ответственности в отношении развития активности, нельзя не учитывать многогранности самой ответственности и того обстоятельства, что в различные периоды времени на первый план может выйти тот или иной аспект социальной ответственности. Нельзя, например, не видеть усиления роли правовых аспектов регуляции деятельности. Правовое стимулирование социальной активности осуществляется различными способами, в том числе и тем, что более четкая регламентация деятельности и усиление правовой ответственности создают лучшие условия для общей творческой обстановки как в трудовых коллективах, так и в обществе.

Список литературы: 1. Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещ. в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. М., 1985. 2. Магун В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983. 3. Миккульский К. И. Экономические законы социализма и социальная активность трудящихся. М., 1983. 4. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. Х., 1981. 5. Социальное управление в производственных коллективах: опыт, проблемы и перспективы. М., 1985. 6. Шевченко В. Н. Социально-философский анализ развития общества. М., 1984.

Поступила в редколлегию 17.03.86.

Л. Г. МОРОЗКО

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИИ ЗРЕЛОСТИ ДУХОВНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ

На современном этапе значительно возрастает роль человеческого фактора в решении практических задач совершенствования социалистического общества. В связи с этим становится все более актуальной проблема формирования всесторонне развитой, духовно

зрелой личности. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивалось: «Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека» [3, с. 91].

Проблема зрелости личности в различных аспектах (физическая, профессиональная, моральная и т. д.) давно и всесторонне анализируется в различных направлениях советской науки: медицине, педагогике, психологии, философии. Исследованию социальной зрелости как понятия, интегрирующего все стороны зрелости личности, посвящены работы Н. В. Андреевской, И. В. Бестужева-Лады, Л. П. Бугево, И. М. Даниленко, И. С. Кона, О. П. Целиковой, Е. А. Якубы и других. Критерий социальной зрелости личности большинство исследователей видят в сфере ее социальной деятельности (производственной, познавательной, общественно-политической и т. д.). Через деятельность человек регулирует свои отношения с обществом, в процессе деятельности происходит развитие и саморазвитие личности. Процесс достижения социальной зрелости выступает как «постепенное присвоение совокупности социальных качеств, видов деятельности и функций, присущих социалистическому обществу на данном этапе его развития» [4, с. 151].

Применим ли к духовному миру критерий деятельности, выдвигаемый как определяющий при анализе социальной зрелости личности? В самом широком смысле — да. «По каким признакам, — писал В. И. Ленин, — судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...» [2, т. 1, с. 423—424]. Однако при определении критерия духовного мира личности важно выявить и ее личное, внутреннее отношение к объективным условиям своего бытия, к ситуациям, связям, формам деятельности, ибо «личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает...» [1, т. 29, с. 492]. Субъективное отношение человека к занимаемому им в обществе месту, формам деятельности и связям оказывает существенное влияние на характер исполнения, уровень реализации общественных функций. Психологическая, личностная сторона отношений чрезвычайно многогранна и выявляется в целой гамме интеллектуальных, эмоциональных и волевых реакций. В своей совокупности они отражают принцип активной, творческой роли сознания. «Человек в своей практической деятельности, — указывал В. И. Ленин, — имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность», сознание же человека не только отражает, но и творит мир [2, т. 29, с. 169—170]. Являясь качественной характеристикой сознания, наполненный конкретно-историческим содержанием, духовный мир личности отражает степень усвоения культуры во всей целостности и находит конкретное выражение в системе потребностей, интересов, ценностных ориентаций и социальных установок.

Зрелый духовный мир — это мир, в котором отсутствует антагонизм между личным и общественным, внутренняя борьба между «хочу» и «должен» разрешается в пользу второго, в нем гармонично взаимодействуют разум, чувства и воля; потребности, интересы, идеалы общества интериоризованы таким образом, что воспринимаются как личные. Представляется, что критерий зрелости духовного мира личности должен, во-первых, отражать во всем разнообразии взаимодействие социального и психологического, выполнять регулятивную функцию в процессе их гармонизации; во-вторых, характеризовать отношение «личность — общество» и выступать, таким образом, существенным фактором формирования зрелого духовного мира. На наш взгляд, этим требованиям отвечает социальная ответственность, понимаемая как «мера свободного проявления субъектом своей обязанности и права избирать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества» [7, с. 8].

Как социально-психологический феномен ответственность представляет собой сложное духовное образование, сочетающее в себе объективное и субъективное. Объективное содержание ответственности вытекает из самой природы социальных отношений ответственности, общественного характера деятельности и выступает как объективно необходимая и социально полезная связь, объединяющая людей, повышая эффективность их совместной деятельности. Оно характеризует образ действий личности, дает представление об ответственных поступках, действиях. Эта сторона ответственности наблюдаема, сравнительно легко поддается объективной оценке, ей принадлежит несомненный приоритет в определении уровня развития духовного мира личности.

Субъективное содержание ответственности характеризует различные состояния сознания личности и дает представления о характере проявления социального на уровне духовного мира. В данном аспекте ответственность есть результат интеграции всех психических функций личности: «субъективного восприятия окружающего мира, оценки собственных жизненных ресурсов, эмоционального отношения к должному, воле» [6, с. 21]. В силу этого социальная ответственность является своеобразным фундаментом, на который опираются основные социально значимые черты духовного мира личности. Например, совесть может выступать как самооценка собственной деятельности человека, как побудительный стимул к определенным действиям только тогда, когда человек осознал свою социальную ответственность. Коммунистическое отношение к труду формируется по мере того, как у человека появляется определенное представление о его месте в жизни, о его ценности для общества и о тех обязанностях, которые накладывает на него общество. Показатели зрелого духовного мира и показатели ответственности личности социалистического типа во многом совпадают, среди них можно назвать точность, пунктуальность личности в исполнении обязанностей, ее готовность отвечать за

последствия своих действий, честность, справедливость, принципиальность. Названные качества обуславливают проявление социально значимых эмоций: способность к сопереживанию, чуткость. Социальная ответственность, — отмечает А. П. Растигеев, — это и состояние духовного мира, проявляющееся в виде «беспокойства, тревоги, озабоченности, а отсюда и активности» [8, с. 18]. С данным определением можно согласиться, если, подчеркиваем, речь идет о чувстве ответственности в духовном мире личности *социалистического типа*, ибо состояние тревоги — это показатель близости к сердцу того дела, которому человек служит. Е. А. Якуба справедливо характеризует ответственность в условиях коммунистического строительства как «установку на максимальное использование активной, свободной деятельности» [11, с. 154].

Зрелость духовного мира во многом определяется тем, насколько гармонично развиты, скоординированы, субординированы его основные сферы: разум, чувства, воля. Абсолютизация одной из сфер духовного мира, гипертрофия ее в ущерб другим приводит к односторонности, одномерности его формирования. Личность, уповающая только на силу своего мышления, не имеющая или не доверяющая своим чувствам, превращается в бездушное счетно-вычислительное устройство. Невозможно достичь абсолютного знания, позволяющего с совершенной точностью «вычислить» оптимальную линию поведения и ее последствия. В каждой конкретной ситуации остаются неучтенные, непознанные моменты, которые невозможно выявить при помощи самой точной науки. И тогда незаменимым основанием выбора того или иного поступка выступает чувство ответственности как отражение объективных требований подчинения личных интересов интересам общественного прогресса.

Обособившееся, противопоставленное разуму чувство делает человека своим рабом. Личность, руководствующаяся только чувством, ведет себя неадекватно своим подлинным интересам и действительным ситуациям. Развитое чувство ответственности, с необходимостью включая в себя элементы самосознания (самооценка, чувство социальной зависимости), позволяет личности критически относиться к способу проявления самое себя, предвидеть последствия принимаемой линии поведения. Не контролируемые разумом и волей чувства в определенных ситуациях могут проявляться как социально опасные. Здесь особую роль приобретает социально-нормативный аспект ответственности, выступающий как механизм регуляции поведения со стороны общества и как саморегуляция, возможность которой вытекает из единства общественного и индивидуального сознания, наличия в последнем социальных норм и ценностей.

Самоконтроль, самоограничение личных интересов во имя прогрессивных интересов общества невозможны без развитой сильной воли. Безвольный, нерешительный, безынициативный человек, являясь безответственной личностью, не может эффективно выполнять возложенные на него обязанности. В. И. Ленин подчер-

кивал, что строителям нового необходимы такие качества, как «выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели» [2, т. 40, с. 316].

Таким образом, зрелый духовный мир предполагает разумное соотношение, взаимодействие разума, чувства, воли, в котором чувства контролируются разумом, разум окрашен чувствами, а воля представляет собой единение деятельности чувства и разума. В этом процессе ответственность, не лишая человеческий дух многообразия и дифференцированности, не устраняя его внутренней противоречивости и борьбы мотивов, определяет меру соотношения в нем социального и психологического, индивидуального и общественного.

Выделение ответственности в качестве критерия зрелости духовного мира личности обусловлено и особенностями развития человеческого общества на современном этапе. По сравнению с прошлыми столетиями значительно усложнились формы и способы включения человека в систему «личность — общество», что с необходимостью предполагает более высокий уровень развития индивидуального сознания и ответственности. Вторая особенность — обостряющаяся экологическая ситуация. В процессе взаимодействия «общество — природа» ответственность выступает как один из решающих факторов разрешения имеющихся между ними противоречий, механизм контроля, своего рода заградительный щит природы. Богатство окружающей человека природной среды не только выступает как средство удовлетворения материальных потребностей, но и обуславливает богатство человеческих чувств, эмоций. При безответственном отношении к природе одна из изумительных и сильных духовных потребностей человека — потребность в общении с природой — приводит к разрушению или истреблению природных образований. В ответственном отношении к природе ярко проявляется зрелость духовного мира личности.

Третья особенность состоит в том, что никогда еще человек «не оказывался столь уязвимым перед мощью, которую сам же создал» [3, с. 7]. В распоряжении людей оказалась энергия, способная уничтожить человечество. Это свидетельство силы человеческого разума создает не виданный ранее уровень требований к духовности человека: все, так или иначе причастные к созданию и эксплуатации этой энергии, должны нести в себе способность к духовному напряжению, равному уровню «Я в ответе за человечество». В этих условиях историческая ответственность выявляет отношение личности к высшим гуманистическим идеалам, готовность к активным действиям за сохранение мира на Земле.

Зрелость духовного мира не определяется социальным положением личности, образованием, профессиональным мастерством. Прямая корреляция здесь отсутствует. Действующие механизмы образования, казалось бы, обеспечивают передачу всего богатства духовной культуры отдельным людям, что, на первый взгляд, довольно просто решает проблему: чем больше человек знает, тем

выше уровень развития его духовного мира. Однако, если технические и естественные знания все более тесно взаимодействуют с производством, действительно меняя формы технического освоения мира, то гуманитарная культура нередко застывает в форме присвоенного, но ни к чему не обязывающего знания, пополняя число эрудитов, неспособных к действию [10, с. 90]. Растущий уровень знаний людей, предполагающий и высокую ответственность, иногда воспринимается самой личностью лишь как основание для больших личных притязаний. Зрелость духовного мира предполагает высокий уровень идейно-нравственного развития личности, преодоление индивидуализма и эгоцентризма, понимание высшего смысла человеческой деятельности — служения обществу, — умение строить свое поведение, не приспособляясь к обстоятельствам, а на основе гуманных целей и ценностей, вносить свой вклад в изменение неблагоприятных обстоятельств.

Личная жизнь, лишенная социального содержания, гражданской направленности, утрачивает главное качество — духовность, — и ее отсутствие не могут восполнить никакие материальные блага. В настоящее время проблема мнимого престижа обладания той или иной вещью обсуждается широко. Нередко в вещах видят причину появления духовной убогости, потребительской психологии, забывая о другой стороне проблемы — «фактическом состоянии нравственной культуры многих людей, оказавшихся неспособными решить дихотомию материального и духовного в интересах развития самой личности» [9, с. 119]. Дело не в вещах самих по себе, а в ответственном отношении человека к ним, осознании того, что вещи должны служить духовному обогащению личности, не превращаясь в самоцель. Суть этой проблемы образно передал Кант: «...зрелый, обладающий опытом разум, ставший мудростью, устами Сократа среди ярмарки всевозможных товаров радостно восклицает: сколько (здесь. — Л. М.) ненужных мне вещей!» [5, с. 350]. Вещизм, слепое приобретательство подавляют, подрывают духовные ценности человека, делают его духовный мир ограниченным. Психология подобных людей характеризуется не только отсутствием ответственности, долга перед обществом и другими людьми, но и определенной умственной ограниченностью, напористостью в достижении своих мелких приобретательских целей и трусливостью, страхом потерять «выгодную позицию» в жизни.

Как категория, определяющая меру свободного проявления личностью своей обязанности и права действовать во имя интересов общества, ответственность служит своего рода гранью, которая отделяет духовность от бездуховной активности. Отвлеченность, стерильность высоких идей, обособленность от действий постигнувших их человека означает, что действует этот человек по другим законам, исходя из цели, продиктованной сугубо личными соображениями. Даже аскетизм, принимающий иногда трагические и уродливые формы (умерщвление плоти, погребение живого, проповедуемое на Востоке и Западе как высшее проявление

человеческого духа), не имеет ничего общего с истинной духовностью. Оставаясь погруженным в личное самоустроение, человек снимал с себя ответственность за решение самой главной задачи — совершенствования реально существующих норм жизни. Поэтому существенным признаком зрелости духовного мира человека является чувство ответственности за реализацию своего собственного «Я» в процессе жизнедеятельности, не пассивное созерцание происходящего в обществе, а активное участие в совершенствовании его как условия совершенствования самого себя.

Выделение ответственности в качестве критерия зрелости духовного мира личности позволяет наиболее адекватно выявить уровень его развития, направленность, готовность к социально значимым действиям. Рост социальной ответственности обуславливает рост духовной зрелости личности, что отвечает задаче формирования всесторонней, гармонически развитой личности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Ивкина Н. В., Лисина С. А. Коммунистическая убежденность как критерий социальной зрелости студенческой молодежи // Научное управление социальными процессами в развитом социалистическом обществе. Красноярск, 1982. 5. Кант И. Соч. В 6-ти т М., 1964. 6. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. 7. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. Х., 1981. 8. Растигеев А. П. Социально-психологические основы ответственности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1971. 9. С чего начинается личность. М., 1983. 10. Холостова Т. В. Проблема духовности человека // Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Л., 1979. 11. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Х., 1970.

Поступила в редколлегию 10.03.86.

А. А. ПЕТРОВ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Современный этап развития общества, как это с особой силой подчеркнуто в материалах XXVII съезда КПСС, апрельского и октябрьского (1985 г.) Пленумов ЦК, требует дальнейшего роста активности, инициативы и ответственности, повышения роли человеческого фактора [2; 3; 4].

«Партия и государство,— указал в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— стремились и стремятся к тому, чтобы советский воин — солдат и офицер,— неся свою нелегкую службу, всегда чувствовал заботу и внимание общества, чтобы наша армия была школой воспитания гражданской ответственности, мужества и патриотизма» [2, с. 62].

Резкое обострение по вине империализма международной обстановки, угроза третьей мировой войны вызывают необходимость пристального изучения социальной ответственности будущих

А. А. ПЕТРОВ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Современный этап развития общества, как это с особой силой подчеркнуто в материалах XXVII съезда КПСС, апрельского и октябрьского (1985 г.) Пленумов ЦК, требует дальнейшего роста активности, инициативы и ответственности, повышения роли человеческого фактора [2; 3; 4].

«Партия и государство,— указал в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— стремились и стремятся к тому, чтобы советский воин — солдат и офицер,— неся свою нелегкую службу, всегда чувствовал заботу и внимание общества, чтобы наша армия была школой воспитания гражданской ответственности, мужества и патриотизма» [2, с. 62].

Резкое обострение по вине империализма международной обстановки, угроза третьей мировой войны вызывают необходимость пристального изучения социальной ответственности будущих

офицеров. Она рассматривается как один из важнейших принципов управленческой деятельности. В. И. Ленин требовал установления индивидуальной ответственности каждого за точно определенную работу, а безответственность считал самым опасным злом, «которое... в военном деле сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению» [1, т. 45, с. 169; т. 39, с. 46].

Разработанные методологические основы понимания ответственности позволяют верно осмыслить социальную ответственность личности вообще, военных кадров и советского курсанта в частности.

По определению А. Ф. Плахотного, «социальная ответственность есть категория для обозначения меры свободного проявления социальным субъектом своей обязанности и права избрать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества» [9, с. 8].

В данном определении особо подчеркивается позитивный аспект, заключающийся прежде всего в соответствии деятельности субъекта данным требованиям. Этот срез ответственности представляется, на наш взгляд, определяющим в деятельности советского офицера. Вместе с тем нельзя недооценивать и негативный аспект данной категории — необходимость отвечать за что-либо вследствие безответственных действий и в этой мере подпадать под определенные санкции. Диалектика требует рассмотрения этих аспектов ответственности во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Подчеркивая объективный характер социальной ответственности, нельзя не видеть и ее субъективную сторону как преломление в сознании общественных отношений. В данном случае ответственность всегда сохраняет индивидуальную окраску, выступает как личностное качество.

Научная постановка проблемы ответственности курсанта возможна лишь в том случае, если его личность рассматривается с позиций марксизма-ленинизма, как сила активная, творческая и инициативная. Поэтому нельзя полностью согласиться с утверждением З. Г. Кулиева о том, что ответственность военнослужащих в основном носит формальный характер и сужает поле свободных инициативных действий [7, с. 60]. Во-первых, термин «формальный характер ответственности» применен не совсем удачно. Целесообразнее употребить понятие «строго регламентированная», или «формализованная деятельность, выполняемая субъектом ответственности». Во-вторых, нельзя не видеть и диалектику регламентации деятельности, приводящую не только к сужению поля свободных действий, но и побуждению к инициативным, творческим действиям в рамках определенных норм, правил, приказов. Искусство командира как раз и проявляется в его способности из многообразия средств, методов выбрать те, которые обеспечат успех, победу, лучшие результаты. «Объективные закономерности общественного бытия, — правильно отмечает А. Ф. Пла-

хотный, — не река, которая несет в одном направлении все, что есть на ее поверхности. Эти закономерности — сложный водоворот, в котором действуют самые разные противоборствующие силы.

Человек постоянно ощущает на себе, вокруг себя и в самом себе разногласия стихий, он принимает «сигналы» бесчисленных импульсов. Он, как судно под парусом: оно целиком зависит от ветра, который ему то друг и спаситель, то враг и губитель. Вся жизнь, все движение — в этой стихии. И если без ветра оно мертво, неподвижно, то оно может плыть против ветра, искусно используя определенные комбинации воздушных течений. А полного безветрия практически ведь не бывает. Так появляется возможность выбора направления своего практического действия, т. е. возможность ответственного поведения» [10, с. 150].

История войн и сегодняшняя практика подтверждают, что успеха добивается командир с высокой ответственностью, идейно убежденный, инициативно мыслящий, волевой, деятельный, тесно связанный с массами и решительный.

Социальная ответственность курсанта имеет сложное внутреннее строение, в основе которого в тесном единстве и взаимодействии находятся как социальные, так и психологические компоненты. Вполне оправданно Л. Д. Вялых [5, с. 248] и А. В. Нечипорук [8, с. 5—6] включают в число структурных компонентов социальной ответственности военнослужащего следующие.

Осознание своей общественной роли и необходимости действовать в соответствии с требованиями общества, партии и государства по надежной защите социалистического Отечества, мирного, созидательного труда советского народа. Это мобилизует волю и энергию офицера, курсанта на решительное проведение в жизнь военной политики КПСС, обостряет его чувство непримиримости ко всему тому, что снижает боевую готовность войск.

Постоянный контроль за своими действиями с учетом их последствий для себя и коллектива, самоотчет и самооценка на основе общественно значимых критериев. Более высокая должность повышает требования к социальной ответственности. В. И. Ленин учил различать ответственность рядового исполнителя и руководителя.

Ответственность как личное качество курсанта включает социально активную деятельность. Нет и не может быть ответственности вообще, не связанной с выполнением определенных обязанностей.

На наш взгляд, к числу структурных компонентов социальной ответственности будущих офицеров целесообразно отнести готовность личности понести определенные санкции, взыскания.

Ответственность офицера имеет особое значение, поскольку он осуществляет все стороны управления — политическую, административную, боевую, воспитательную, хозяйственную. Для успешного решения этих задач он должен органически сочетать в себе качества политического руководителя и военного специалиста,

администратора и педагога, организатора и воспитателя. Ответственным явится такое поведение, когда курсант будет готовить себя к полному и верному выполнению в интересах общества всех возлагаемых на него социальных ролей. В противном случае будет иметь место безответственное поведение.

Ответственность — это не застывшая, раз и навсегда данная категория. Ее содержание, структура изменяются под действием ряда объективных причин. К объективным условиям развития социальной ответственности военных кадров можно отнести те, которые не зависят от их воли, сознания, действия и т. д. Это экономические, политические, духовные, материально-бытовые условия жизни, правовые, этические, демографические, этнографические воздействия. Немалое значение оказывает и международная обстановка на процесс формирования ответственности военнослужащих. Существуют и другие общественные, в том числе и воинские условия, которые весьма многообразны. Так, в содержании социальной ответственности советского офицера все большее значение приобретают ее интернациональные аспекты. В Программе КПСС сказано: «Партия будет и впредь неизменно заботиться о том, чтобы боевой потенциал Советских Вооруженных Сил представлял собой прочный сплав воинского мастерства и высокой технической оснащенности, идейной стойкости, организованности и дисциплины личного состава, его верности патриотическому и интернациональному долгу» [2, с. 161].

По мере развития советского общества, в зависимости от международной обстановки содержание социальной ответственности советских воинов будет претерпевать изменения, сохраняя свою сущность.

Деятельность любого субъекта оценивается по результатам, за которые он несет личную ответственность. Она всегда носит общественный характер, так как опосредована целым комплексом общественных отношений. В связи с этим деятельность военнослужащего, ее результаты всегда затрагивают интересы различных категорий граждан. Эти результаты могут отвечать или противоречить интересам других членов общества. Следовательно, ответственность будущего офицера наступает перед определенной инстанцией. Все его действия оцениваются на основе требований общественного мнения, моральных и юридических норм, идеалов, мировоззрения, положений, приказов и директив, распоряжений командиров и начальников. Нарушение этих норм влечет за собой применение соответствующих санкций. В ряду многочисленных инстанций ответственности можно выделить следующие уровни: общегосударственный, как ответственность перед Родиной, партией и Советским правительством. Требования этого уровня ответственности пронизывают все остальные; ответственность перед воинским коллективом, семьей, родителями; ответственность перед самим собой.

Благотворное влияние на выполнение воинского долга оказывает диалектическое единство требований этих трех уровней

социальной ответственности. Она может проявляться в различных формах: политической, правовой, моральной и профессиональной.

Таким образом, социальная ответственность выступает важной чертой социального облика будущих офицеров, которую необходимо изучать, формировать и воспитывать.

Список литературы: 1. *Денин В. И.* Полн. собр. соч. 2. *Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986. 3. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985* 4. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. М., 1985.* 5. *Вялых Л. Д.* Социальная ответственность советских воинов. М., 1974. 6. *Грядунова Л. И.* Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма. К., 1979. 7. *Кулиев З. Г.* Принцип ответственности в системе деятельности // *Вестн. Харьк. ун-та.* 1984. № 261. 8. *Нещипорук А. В.* К вопросу о содержании и структуре социальной ответственности советских воинов // *Армия в современном обществе. Материалы всесоюз. научн. конференции.* М., 1985. 9. *Плахотный А. Ф.* Проблема социальной ответственности. Х., 1972. 10. *Плахотный А. Ф.* Свобода и ответственность (социологический аспект проблемы). Х., 1969.

Поступила в редакцию 10.03.86.

А. И. ШИБКО, канд. филос. наук

ВОЗРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА

Достигнутый уровень развития социализма в СССР значительно расширил масштабы исторического творчества масс, повысил роль и значимость управленческого воздействия КПСС и Советского государства на все сферы жизнедеятельности общества. В Программе КПСС сказано: «На новом этапе исторического развития перед нашей партией, советским народом во весь рост встала задача всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ в целях дальнейшего продвижения к коммунизму» [2, с. 128]. Эта задача отражает требования объективных законов развития нашего общества, потребности и интересы всех трудящихся.

Социальная ответственность является компонентом социальной задачи, которая означает необходимость для субъекта (общества, человеческой общности, личности) осуществить определенную деятельность в будущем в интересах достижения той или иной цели, представляющей собой идеальное отражение потребностей субъекта и условия их удовлетворения [3, с. 4—5, 134]. Таким образом, социальная ответственность выступает в качестве *средства (условия) достижения всех социальных целей, стоящих перед советским народом.*

Управление социалистическим обществом представляет собой управление и регулирование ответственных зависимостей во всех подсистемах в отдельности, связей между ними и всей системой

исходя из требований социальных задач. Система управления для своего нормального функционирования нуждается в выработке целей, основанных на научном познании объективных законов социального развития. Субъект управления обязан учитывать не только действие общественных законов, но и потребности и интересы субъектов общественных отношений. Потребности и интересы всего советского народа выражает в своей деятельности КПСС, которая на основе познанных объективных законов вырабатывает научно обоснованные цели. Проанализировав процессы, происходящие во всех сферах общества, партия разработала концепцию ускорения социально-экономического развития страны, которая имела огромное значение для постановки новых целей деятельности, изложенных в Программе КПСС.

Реализация целей коммунистического строительства предусматривает целенаправленную деятельность советских людей, которую обеспечивает система социальной ответственности. Социальная ответственность является средством (условием) координации и регулирования деятельности всех субъектов общественных отношений, средством (условием) приведения этой деятельности в соответствие с поставленными целями. Цель и средство (условие) находятся в диалектическом единстве — каждая конкретная цель требует адекватного ей средства (условия). Само средство (условие) выступает основой и причиной постановки определенной цели [4, с. 145]. Так, например, ответственное поведение и деятельность личности в условиях социализма возможны только при наличии объективных ответственных зависимостей, но это условие делает установление цели формирования ответственной личности также необходимым.

С дальнейшим усложнением и увеличением масштабности задач совершенствования социализма и повышением требований ко всем членам общества возрастает и роль социальной ответственности как фактора, обеспечивающего развивающуюся целостность социальной системы. Всевозрастающее значение социальной ответственности и проявление ее в качестве исторической необходимости позволяют сформулировать закон *возрастания социальной ответственности*. Содержанием закона является превращение исторической необходимости в потребность для каждого субъекта социальных отношений свободно избирать оптимальный вариант поведения и деятельности в интересах прогрессивного развития общества, что является средством (условием) решения социальных задач социализма.

Закон возрастания социальной ответственности проявляется в двух взаимосвязанных формах: в форме совершенствования объективных ответственных зависимостей, пронизывающих все структурные компоненты (подсистемы) общества и выраженных в системе социальных принципов и норм (экономических, политических, правовых, моральных, эстетических, норм социалистического общежития, общественных организаций и коллективов), являющихся регуляторами поведения и деятельности всех субъектов

общественных отношений; в форме превращения социальной ответственности из внешнего детерминанта поведения и деятельности во внутренний побудительный компонент психологической структуры личности, превращения социальной ответственности в потребность каждого члена общества.

Закон возрастания социальной ответственности, будучи отражением структурной взаимосвязи компонентов социалистического общества, есть в то же время отражение его функционирования и развития. В процессе функционирования социальных взаимосвязей осуществляется и их развитие — о чем свидетельствует возрастание социальной ответственности. Социальная ответственность — необходимое средство (условие) функционирования и развития общества, его интегрирующий, системообразующий фактор, т. е. закон возрастания социальной ответственности представляет собой закон структуры, функционирования и развития социалистического общества в диалектическом единстве этих форм своего проявления.

Социальная ответственность — это объективно существующее общее, необходимое, повторяющееся во взаимодействии различных компонентов (подсистем) общества как целостной системы, поэтому закон возрастания социальной ответственности с полным основанием относится к социологическим законам. Как отмечает А. К. Уледов, «специфическими чертами социологических законов, позволяющими отличать их от других типов общественных законов, являются системность, интегративность и высокий уровень общности» [6, с. 111]. Ответственные зависимости пронизывают всю структуру общества как по вертикали (общество — класс — коллектив — личность), так и по горизонтали (экономика, политика, право, мораль, эстетика). Социальная ответственность есть та форма взаимосвязи, которая объединяет, интегрирует общественные процессы в единую, целостную систему. Возрастание социальной ответственности является общесоциологическим законом социализма, ибо выражает не существенные и необходимые связи между отдельными сферами общественной жизни, между обществом в целом и его подразделениями, что свойственно частносоциологическим законам, а взаимосвязи общества как целостного социального организма [6, с. 131].

В. И. Ленин отмечал, что для строительства коммунизма нужно создать новые общественные отношения, новую социальную среду, что вызовет и новое отношение людей к социальной среде [1, т. 41, с. 316—318]. Так как одним из субъектов общественных отношений является личность, то процесс охватывания каждого члена общества по всем сферам системой социальных принципов и норм, превращение социальной ответственности во всеобщность, тотальность бытия советских людей представляет собой тем самым процесс совершенствования общественных отношений. Из определения структуры как совокупности устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождество самому себе [7, с. 657], следует, что полное претворение в социальную практику идеаль-

ной модели всеобщей, тотальной ответственности всех субъектов общественных отношений является средством (условием) построения *целостного социалистического общества* как качественно нового состояния социальной системы.

Целостность социальной системы требует адекватной целостности, единства всех социальных отношений и их субъектов, т. е. целостность системы должна и может быть обеспечена только гармоническим единством своих компонентов (подсистем). А так как личность — главный компонент системы и условие развития системы, то целостной системе должна соответствовать и целостная личность. Формирование целостной личности предполагает ее социализацию, что возможно только на основе создания ответственных зависимостей во всех подсистемах общества. Закон возрастания социальной ответственности требует, чтобы личность в процессе социализации перевела на внутриличностный уровень целостную систему социальной ответственности как непереносимое условие формирования целостной (ответственной) личности. Система всеобщей, тотальной ответственности как средство (условие) решения социальных задач социалистического общества находит свою завершенность в формировании ответственной личности. Поэтому представляется вполне правомерным следующий вывод А. Ф. Плахотного о том, что исполненная высоким сознанием ответственности созидательная деятельность людей, их инициатива и активность, их трудовой энтузиазм и самодеятельность являются не только залогом роста темпов коммунистического строительства, но и специфическим показателем уровня зрелости социализма [5, с. 173]. Из этого следует, что важнейшей задачей субъекта управления и воспитания является формирование потребности каждой личности в социальной ответственности во всем богатстве ее видов — во всестороннем их присвоении. Решение этой задачи представляет собой *создание основ всесторонней личности*.

Закон возрастания социальной ответственности требует не только всестороннего присвоения личностью социальных принципов и норм, но и их *оптимального* присвоения, означающего превращение целостной системы социальной ответственности в потребность личности путем интериоризации в органическом единстве ее связей координации и субординации и с учетом индивидуальных наклонностей и способностей каждой конкретной личности. Такое оптимальное формирование ответственной личности есть *создание основ гармонически развитой личности*.

Закон возрастания социальной ответственности не только сохранит статус социологического закона при полном коммунизме, но только тогда и развернет вполне свое социально-преобразующее содержание, являясь средством (условием) достижения самоцели коммунизма — воспитания целостной, всесторонне и гармонически развитой личности. В соотношении определений коммунистической личности как целостной, всесторонней, гармонической следует подчеркнуть, что именно целостность (ответственность) как выражение объективной необходимости является

средством (условием) развития личности к ее всесторонности и гармоничности (поэтому с достаточным основанием можно утверждать, что формирование ответственной личности есть создание основ нового человека).

Следовательно, важнейшая социальная задача совершенствования социалистического общества — формирование целостной (ответственной) личности, которая воспринимает задачи общества как свои необходимые (потребностные) задачи, в силу чего активно включается в процесс созидания коммунистического общества, все более полно проявляет свои сущностные силы, тем самым развиваясь к своей всесторонности и гармоничности, что является самоцелью нашей социальной системы.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. К., 1972. 4. Общество и сознание. М., 1984. 5. Плеханов А. Ф. Проблема социальной ответственности. Х., 1981. 6. Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975. 7. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Поступила в редколлегию 12.03.86.

А. М. РУСАНОВ, канд. филос. наук

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Реализация программной цели партии — достижение качественно нового состояния советского общества — требует разработки вопросов социальной сферы и ее качественных ориентиров. Огромный теоретический и практический интерес в этом плане представляет раскрытие проблемы качества жизни и в частности такой малоизученной ее стороны, как разграничение материальных оснований и социальных характеристик, что выступает как соотношение качества условий жизни людей и качества их жизни.

Параметры качества условий жизни очень обширны. Схематично их можно разделить на три большие группы: социальные условия — качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания, структура досуга, расселения и т. д. Определяющая роль в числе социальных факторов принадлежит общественно-политическому устройству общества, определяемому характером производственных отношений: предметная среда — качество пищи, одежды, жилья, транспорта, дорог; природные условия — качество атмосферы и гидросферы, земельных и лесных ресурсов, растительного и животного мира и т. п. Взятые сами по себе, эти показатели скорее говорят об уровне развития производительных сил, оставляя в тени самое существенное — характер производственных отношений. Замыкаться на этих факторах — значит пой-

ти на поводу у буржуазных идеологов, которые, абсолютизируя их роль, пытаются тем самым сгладить качественные социальные различия между социалистическим и буржуазным образом жизни.

Материальной основой образа жизни является уровень жизни, фундаментом качества жизни — качество условий жизни. Хотя последнее понятие во многом совпадает с уровнем жизни, по своему содержанию оно гораздо глубже и богаче и включает в себя не только количественные, но и качественные характеристики. Жизнь все более настоятельно требует не просто удовлетворения потребностей людей, а удовлетворения их на более высоком качественном уровне. «Задача первостепенной важности,— говорится в Программе КПСС,— полное удовлетворение возрастающего спроса населения на высококачественные и разнообразные товары народного потребления — продукты питания, добротную и красивую одежду и обувь, мебель, предметы культурного назначения, сложную бытовую технику и товары хозяйственного обихода» [2, с. 152].

Улучшение качества условий жизни — важная составная часть экономической и социальной политики партии. В условиях социалистического общества решение этой задачи не самоцель, а средство к развитию социально значимых качеств личности, ее духовного богатства. «КПСС ставит задачу поднять благосостояние советских людей на качественно новую ступень, обеспечить такие уровень и структуру потребления материальных, социальных и культурных благ, которые будут в наибольшей степени отвечать целям формирования гармонично развитой, духовно богатой личности, создания необходимых условий для полного раскрытия способностей и талантов советских людей в интересах общества» [2, с. 151].

Повышение качества условий жизни людей — материальный фундамент развития всех сфер жизни общества. Своим неизбежным следствием оно будет иметь формирование новых качеств личности, нового качества жизни как одной из сущностных сторон реализации программной цели — достижения качественно нового состояния советского общества.

Проблема качества жизни остается по существу открытой в марксистской философии. Постановка и разработка вопроса о качестве жизни в его научном виде возможна только на основе марксистско-ленинской философии и практически разрешима лишь в условиях социалистического общества. Предметом изучения качества жизни являются проявление условий жизни (и прежде всего общественных отношений) в жизнедеятельности людей, а также их отношение к ним. При этом следует иметь в виду, что отношение личности, коллектива, класса к социальным условиям бытия образует сущностные характеристики качества жизни, а их отношение к природной и предметной среде — вспомогательные характеристики, которые занимают подчиненное место в анализе данной проблемы. «Чтобы производить,— отмечал К. Маркс,— люди вступают в определенные связи и отношения, и только

в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [1, т. 6, с. 441].

Как сущность отдельного человека, по словам Маркса, «...составляет не её борода, не её кровь, не её абстрактная физическая природа, а её *социальное качество...*» [1, т. 1, с. 242], так и сущность образа жизни заключается не в уровне, стиле или укладе жизни, а в его качестве. Качество жизни — это центральная характеристика образа жизни, его внутренняя определенность, выражающая его социальную сущность и отличающая один образ жизни от другого.

Социалистическое качество жизни фиксирует принципиально новый характер связи личности и общества, взаимоотношения между людьми, их растущую интеграцию и единство и выступает как конкретно-историческая мера реализации обществом достигнутого материального и духовного богатства общества. Соответственно двум противоположным способам производства — социалистическому и капиталистическому — правомерно говорить и о двух противоположных разновидностях качества жизни: социалистическом и буржуазном.

Коммунистической перспективой, целью, на которую ориентируется весь ход развития социалистического качества жизни, является богатство жизни, которое, по мысли Маркса, заключается в абсолютном выявлении творческих дарований человека, в развитии «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*» [1, т. 4б, ч. I, с. 476].

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «Ускорение социально-экономического развития страны призвано обеспечить материально и духовно богатую, социально динамичную жизнь советских людей в условиях мира, еще полнее и ярче раскрыть возможности и преимущества цивилизации исторически нового типа, олицетворяемой социалистическим строем» [3, с. 357].

Широкая программа всестороннего повышения качества условий жизни советских людей, выдвинутая КПСС, позволит достичь новых завоеваний в развитии социалистического качества жизни, в достижении качественно нового состояния советского общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. О проектах новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 октября 1985 г. // М. С. Горбачев. Избранные речи и статьи, М., 1985.

Поступила в редколлегию 17.05.86.

О ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В социалистическом обществе образ жизни направлен на решение задач быстрого увеличения общественных производительных сил, использования материальных, общественно-политических и духовных условий в интересах общества, всех трудящихся, при решении которых всестороннее развитие личности выступает как самоцель общественного процесса. Это вытекает из того, что «...общественная история не имеет в конечном итоге смысла, кроме развития субъекта, т. е. кроме развития сущностных сил самих человеческих индивидов. Одновременно это значит, что индивидуальное развитие человека в деятельности и есть самая глубокая движущая «причина», толкающая вперед всемирную историю, и что именно этим развитием «измеряется» и подлинным образом оценивается общественный прогресс» [4, с. 93]. Основоположники марксизма-ленинизма связывали критерий прогресса прежде всего с определением меры развития общественной природы человека, его сущностных сил. По их мнению, это объясняется тем, что люди, общественные индивиды, являются единственными субъектами исторического действия [1, т. 2, с. 102]. Человек как субъект исторического действия выступает не только производящей причиной любого исторического изменения, происходящего в обществе, но и наиболее показательным результатом этих изменений.

Главная цель коммунистического общества — развитие человека. Его интересам подчинено все общественное производство, которое совершается ради подъема благосостояния и его всестороннего развития. Поэтому одной из основных задач коммунистического строительства является всестороннее развитие личности, которое не только отражает потребности общества, но и выступает внутренней потребностью самого человека.

Дальнейшее совершенствование социалистического образа жизни будет органически связано с развитием личности, заинтересованной в присвоении всего богатства окружающего мира и способной присваивать это богатство в интересах своего всестороннего развития. И осуществляться такая взаимосвязь будет в рамках единой системы, охватывающей как процесс последующих качественно-количественных изменений социалистического образа жизни, так и всестороннего развития личности.

Одной из характерных особенностей социалистического общества на современном этапе является постоянное повышение роли человеческого фактора в его развитии. «Успешное решение намеченных задач партия связывает с повышением роли человеческого фактора,— отмечается в Программе КПСС.— Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни» [2, с. 140].

Возрастание роли человеческого фактора в развитии социалистического общества оказывает влияние и на процесс совершенствования социалистического образа жизни. По мере развития социализма общественные отношения все более адекватно выражают родовую сущность человека, а образ жизни все больше превращается в воплощение и реализацию его сущности как активного, творческого существа. В этой связи сутью процесса развития и совершенствования социалистического образа жизни и становится процесс всестороннего развития личности.

Всестороннее развитие личности в условиях социализма выступает способом социалистической жизнедеятельности как всего общества, так и отдельной личности.

Всестороннее развитие личности отражает меру целостности социалистического образа жизни, критерий его развития.

В социалистическом образе жизни преломляются социальные условия существования личности, духовные и культурные ценности, предоставленные обществом, характер участия индивидов в их созидании, степень социальной свободы, формы раскрытия их различных потенций как субъектов исторического процесса, содержательность и направленность жизнедеятельности. Социалистический образ жизни предоставляет личности необходимые возможности для ее дальнейшего совершенствования.

В условиях социализма, в соответствии со своим социальным статусом, личность вовлечена в определенные общественные отношения, которые преломляются в различных формах ее жизнедеятельности. В этих формах она выступает как член тех или иных исторически сложившихся общностей и объединений людей: класса, нации, различных социальных групп, слоев и др. Характер жизнедеятельности обуславливает и их развитие. «Какова жизнедеятельность индивидов, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — таковы и они сами» [1, т. 3, с. 19]. Поэтому та или иная структура личности будет складываться на основе определенного образа жизни. Всестороннее развитие личности, являясь идеалом коммунистического общества, формируется уже в условиях социализма посредством включения ее во все сферы общественной жизни, в которых она предстает как сознательный носитель общественных отношений.

Таким образом, сущностные характеристики социалистического образа жизни становятся сущностными признаками личности, и она превращается в меру, критерий его развития. Как отмечает В. Г. Афанасьев, «человек в этой системе не только основное субстанциональное, структурное и функциональное, но и, если можно так выразиться, целевое звено. Он главный внутренний масштаб, главная мера всех явлений и процессов, которые протекают в социалистическом обществе» [3, с. 342]. Личность в социалистическом обществе выступает носителем и выразителем основных характеристик системы социалистического образа жизни.

Один из существенных признаков социалистического образа жизни — творческая активность, которая в социалистическом об-

естве выступает необходимым условием роста общественного и личного благосостояния граждан. Данный признак позволяет в достаточной степени раскрыть сущность социалистического образа жизни как результата исторического творчества советских людей и социалистической личности, как способа реализации социалистических общественных отношений. Творческая активность в социалистическом обществе становится закономерной формой и средством прогресса личности, выступает качественной характеристикой ее социальной активности.

Творческая активность пронизывает все основные сферы жизнедеятельности личности: производственно-трудовую, общественно-политическую, социально-культурную, семейно-бытовую. Для социалистического строя, социалистического образа жизни характерно то, что все эти различные виды деятельности в своих многообразных формах дополняют и обогащают друг друга и только при этом условии дают личности возможность гармонически сочетать в них общественные и личные интересы. Нельзя считать творчески активным человека, который успешно выполняет свою производственную норму, владеет профессиональным мастерством, но в то же время не участвует в общественной жизни коллектива.

Таким образом, творческая активность не только выступает сущностным признаком социалистического образа жизни, но и оказывает влияние на развитие самой личности, превращаясь тем самым в ее сущностный признак.

Всестороннее развитие личности как способ жизнедеятельности выступает одновременно и как житнетворчество, предполагающее творческое включение личности во всю систему общественных отношений, во все сферы жизнедеятельности. Житнетворчество предполагает развитие личности творца, способной проявлять свой творческий потенциал во всех сферах жизнедеятельности. Однако результаты конкретно-социологических исследований, проведенных кафедрой этики, эстетики и научного атеизма ХПИ в 1985 г., показали, что творческая активность как сущностный признак всесторонне развитой личности присуща еще не всем членам социалистического общества, но становление ее уже началось. Так, согласно данным исследования «Нравственное и эстетическое воспитание как фактор становления и развития творческого потенциала специалиста», проведенного в 14 вузах Украинской ССР, студенчество в основной своей массе обладает устойчивыми ориентациями на творчество, творческую деятельность. На вопрос: «Если после окончания вуза вы думаете заниматься научно-исследовательской работой, то чем она вас привлекает?» большинство (23,1 %) респондентов ответило: «творческим характером труда». В то же время у студентов еще недостаточно развиты умения и навыки, обеспечивающие овладение таким видом деятельности. 73,1 % опрошенных ответили, что владеют ими только отчасти, 30,8 % — практически не владеют. 42,3 % студентов указали на отсутствие у них силы воли, 40,6 % — на неумение планировать и распределять свое время.

Кроме того, отвечая на вопрос анкеты: «что из перечисленного выше необходимо специалисту вашего профиля?», только 36,6 % отметили фантазию, воображение. А ведь без перечисленных выше знаний, умений, качеств личность не сможет превратиться в подлинного творца своей жизнедеятельности. В этой связи необходимо обратить внимание общественных организаций и трудовых коллективов на важность совершенствования работы по формированию творческой активности трудящихся масс. «Главное, что должно обеспечить нам успех,— подчеркнул в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— живое творчество масс, максимальное использование огромных возможностей и преимуществ социалистического строя» [2, с. 22].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. *Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986. 3. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. 4. Батищев Г. Д. Деятельная сущность человека в современной философии // Пробл. человека в современной философии. М., 1969.

Поступила в редколлегию 17.03.86.

Н. О. БАРАНОВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ПРОГРЕСС ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

Проблема отношений человека с природой всегда была одной из центральных для марксистско-ленинской философии. Основные принципы ее решения были заложены К. Марксом: «Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [1, т. 42, с. 92]. Особую роль в обеспечении единства играет преобразующая активность человека по отношению к природе. «Практическое созидание *предметного мира, переработка неорганической природы* есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа...» [Там же, с. 93].

Экологический кризис стимулирует повышенное внимание к проблеме отношений человека с природой [8, с. 155—156]. Это одна из глобальных проблем современности [2]. Однако многие вопросы, касающиеся ее, пока остаются не решенными. В частности, отсутствует единый подход к пониманию содержания экологических отношений человека. Имеющиеся различия в подходах к данному вопросу предопределяют различное понимание эколо-

гического прогресса. Цель данной статьи — проанализировать различные подходы к пониманию экологических отношений и обобщить содержание понятия «экологический прогресс».

В общем случае экология изучает отношение организма со своей средой, соответственно и экология человека изучает отношение человека с его средой. Однако человек — существо социальное, поэтому его среду определяют не только природные, но и социальные факторы. Это обстоятельство обусловило возможность предельно широкого понимания экологических отношений. Например, И. И. Кравченко считает, что «есть основание употреблять понятие «экологическое» в более широком значении, нежели только отношение человека к физической среде его обитания, ...включив в него непосредственно социальные и гуманитарные культурные изменения» [5, с. 6]. При таком подходе понятие «экологическое» приближается по своему значению к понятию «общественное», утрачивает специфику отношений человека с природой, а экологический прогресс как прогресс отношений человека со своим столь широко понимаемым окружением становится трудно отличаемым от общественного прогресса. Такое предельно широкое понимание экологических отношений человека не получило широкого распространения в советской философской литературе.

Более предпочтителен другой подход, при котором экологическая проблематика рассматривается как один из аспектов целостной системы отношений человека с природой и связывается в первую очередь с преодолением современного экологического кризиса. Однако здесь, по сути дела, речь идет о кризисе биосферы, вызванном деятельностью человека, и об отрицательном воздействии на человека последствий этого кризиса. При таком понимании экологических отношений экологический прогресс сводится лишь к преодолению регресса биосферы, а для действительного прогресса места не остается. Узость данного подхода затрудняет целостное исследование экологических отношений как отношений человека с природой, в том числе и в аспекте экологического кризиса.

В советской литературе уже четко обозначился, на наш взгляд, наиболее перспективный подход, согласно которому существо экологической проблемы составляет «взаимодействие общества и природы» [2, с. 151]. Отношения общественного человека со своей природной средой и представляют собой экологические отношения. В этом случае под ними понимается не только воздействие человека на процессы в биосфере, но и целостная система всех видов обмена между человеком и природой. Здесь важно подчеркнуть, что целостность системы экологических отношений предполагает не только учет всех форм и типов воздействий человека на природу и природы на человека, но и живую взаимосвязь обоих направлений воздействий. Иначе говоря, экологические отношения нельзя исследовать, рассматривая только воздействие человека на природу или только воздействие природы на человека. При таком подходе кризис биосферы оказывается лишь одним из проявлений

экологического кризиса как кризиса обмена между человеком и природой, к которому принадлежат и другие явления, угрожающие стабильности этого обмена (в первую очередь, различные ресурсные кризисы). Экологический кризис, как отмечают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, свидетельствует о том, что «полностью исчерпал себя старый тип отношений природы и общества, что человечество созрело для перехода на новый этап взаимодействия с природой» [3, с. 213]. Такой переход — качественный скачок в разворачивании экологического прогресса, т. е. если рассматривать экологические отношения как целостную систему отношений общественного человека и его природной среды, естественно встает вопрос о развитии этих отношений, об экологическом прогрессе.

Экологический прогресс является неотъемлемой частью общественного прогресса и начался одновременно с ним. Экологический прогресс выражается в том, что человек ставит между собой и «дикой» природой природу, преобразованную своим трудом. Один из важнейших элементов этой преобразованной природы — техника, которая служит также необходимым инструментом осуществления любых преобразований. Поэтому технический прогресс составляет основу экологического. В то же время экологический прогресс не сводится к техническому: выведение новых сортов растений и новых пород животных, улучшение климата в результате создания оросительных систем и посадок зеленых насаждений, повышение плодородия почв, совершенствование здравоохранения и улучшение жилищных условий — далеко не полный перечень процессов, улучшающих условия обмена человека с природой, но не входящих непосредственно в сферу технического прогресса.

Однако драматизм экологических функций технического прогресса заключается в том, что он всегда несет в себе зародыш экологического кризиса. Технический прогресс — это всегда шаг в неизвестное, обязательно меняющий что-нибудь в окружающем нас мире, и изменение это посредством бесчисленного множества связей распространяется в материальном мире и возвращается к человеку, отразившись от различных природных объектов, порой ему неизвестных. Лабораторные исследования, конечно, помогают снизить вероятность неприятных последствий, но никакие ограниченные во времени исследования не могут охватить безграничное количество связей. Кроме того, определенный тип связи человека и природы предполагает использование определенных природных ресурсов и свойств, возможности которых в ограниченном пространстве не могут быть безграничными, а технический прогресс увеличивает интенсивность обмена и с неизбежностью приводит (в рамках старого типа связи) к исчерпанию возможности имеющегося природного окружения обеспечивать стабильность дальнейшего обмена между природой и человеком. Переход технического прогресса в форму научно-технического прогресса позволяет лучше предвидеть возможные отрицательные последствия, осу-

ществить определенную переориентацию развития техники, однако не лишает технический прогресс его драматической экологической роли. Угроза экологического кризиса не может быть устранена полностью, но нет и неизбежности превращения этой угрозы в реальность.

Экологический кризис — неизбежность только при стихийной форме экологического прогресса, когда общество оказывается не способным сознательно управлять своими отношениями, своим обменом с природой. Одной из важнейших предпосылок возможности такого управления является общественная собственность на средства производства, которые определяют конкретный тип связи природы и общества. Нежелание капиталистов поступиться своими прибылями и отсутствие у общества возможности произвести необходимые изменения производительных сил обостряют экологический кризис. Так, в США уже сейчас химические отходы отравляют около 90 % всех речных бассейнов страны, около 65 % американцев живут в районах, где качество воздуха не соответствует медицинским нормам. В то же время правительство США уже несколько лет проводит политику ликвидации законодательства, направленного на защиту окружающей среды, принятого в конце 60-х годов. Главная причина такой политики — не экономические факторы, хотя многомиллиардная экономия за счет природы тоже играет свою роль, а политические. Законодательство об охране окружающей среды подрывает сами устои частного предпринимательства. Так, закон о чистом воздухе вызвал дискуссию о необходимости государственного планирования в химической промышленности и смежных отраслях [4].

Общественная собственность на средства производства, являясь необходимым условием преодоления экологического кризиса, сама по себе не решает всех проблем. Следует еще знать, как управлять экологическим прогрессом и располагать необходимыми для этого техническими средствами. Иными словами, для преодоления экологического кризиса необходимы как социальные, так и научно-технические предпосылки, а также определенные изменения самого человека, его сознания и понимания своей роли и места в природе. Несвоевременное решение этих задач создает возможность экологических затруднений в социалистическом обществе.

Социалистическое общество впервые в истории человечества создает возможность управления экологическим прогрессом (до этого он реализуется лишь в стихийной форме, через кризисы). С одной стороны, нельзя отрицать постоянное улучшение в ходе исторического прогресса условий жизни человека, с другой — имели место регулярные экологические кризисы различного масштаба — та самая «мечь природы», о которой писал Ф. Энгельс. Наиболее серьезных по своему значению среди них два — это современный кризис и кризис неолитического периода.

Видимо, есть необходимость обосновать целесообразность и возможность выделения кризисных явлений в отношениях чело-

века с природой в эпоху неолита. В современной литературе широко используется термин «неолитическая революция», общепризнана огромная роль связанных с ней изменений в жизни общества, проводятся сравнения тех событий с событиями современной эпохи. Например, С. Н. Соломина выделяет «два скачка, характеризующие качественные сдвиги во взаимодействии природы и общества. Первый связан с эпохой неолита и определяется изменением хозяйственной деятельности людей — в обществе произошел переход от присвоения готовых продуктов природы (охоты, рыболовства, собирательства) к производству материальных благ. Второй качественный скачок ... у начала которого оно (человечество.— Н. Б.) находится сегодня, в период научно-технической революции, в эпоху перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе, связан с превращением биосферы в ноосферу» [7, с. 15—14]. В обоих случаях неизбежность скачка определяется тем, что «полностью исчерпал себя старый тип отношений природы и общества» [3, с. 213], т. е. тем, что старая форма этих отношений дошла до кризисного состояния и требует замены. Так должно быть. Покажем, что так и есть.

В книге «История первобытного общества» указывается: «Важнейшим достижением мезолитической техники было появление лука и стрел. <...> Это новое дальнобойное оружие дало новый толчок развитию охоты» [6, с. 92]. Вплоть до позднего мезолита основу питания человека составляли крупные животные, но в конце мезолита и начале неолита, несмотря на успехи техники охоты, людям пришлось, как показывают данные раскопок, восполнять «нехватку охотничьей добычи употреблением в пищу морских и речных моллюсков» [6, с. 95], причем в таких количествах, что о них можно говорить как о преобладающем продукте питания. Такое явное ухудшение структуры питания указывает на относительное ухудшение условий обмена между человеком и природой, т. е. на экологический кризис, в основе которого лежит несоответствие между возросшим уровнем развития техники и уже устаревшим типом связи человека с природой. Совершенные средства охоты позволили человеку присваивать продуктов питания больше, чем способна была воспроизвести природа. Такое положение нарушило баланс круговорота веществ в природе, породило кризис биосферы, который, в свою очередь, вызвал нехватку традиционных источников питания, или, иначе говоря, породил ресурсный кризис. Технический прогресс, способствовавший вызреванию этого экологического кризиса, помог и преодолеть его. Переориентация творческих сил человека с развития средств охоты, которые уже ничего не могли дать, на развитие средств производства продуктов питания сделала возможным качественный скачок в отношениях природы и общества — переход от присвоения к производству. Эта неолитическая революция не сводится только к преобразованию производительных сил, а включает в себя и глубокие сдвиги в сознании людей и в социальной структуре первобытного общества.

Технический прогресс способствовал вызреванию и современного экологического кризиса, который, в свою очередь, со всей остротой поставил вопрос о несовершенстве старого типа связи общества и природы и о необходимости его замены на базе преобразования биосферы в ионосферу путем соответствующей переориентации технического прогресса.

Современный экологический кризис имеет много общих черт с экологическим кризисом эпохи раннего неолита. В частности, общей является их относительность, т. е. сейчас, как и в прошлом, нет абсолютного ухудшения условий обмена человека с природой: современная НТР, несмотря на связанные с ней кризисные явления, позволила почти вдвое увеличить среднюю продолжительность жизни людей, что указывает на явный экологический прогресс. Однако у современного кризиса есть и существенные отличия, связанные со значительно более глубоким, чем в эпоху неолита, кризисом биосферы, наличием сознательной социальной силы (в лице класса буржуазии), препятствующей преодолению кризиса, и истощением невозполнимых ресурсов. Эти и другие подобные им особенности усиливают драматизм ситуации, повышают опасность экологической катастрофы т. е. уже не относительного, а абсолютного ухудшения условий обмена человека и природы. По мнению американских ученых, в том случае, если не будут приняты срочные меры, уже в следующем поколении каждый второй американец станет жертвой раковых заболеваний, огромные территории некогда плодородной земли превратятся в безжизненные пустыни [4].

Но есть и другие особенности современного экологического кризиса, связанные с ростом возможностей научного предвидения будущего, способностью широких масс осознать угрозу экологической катастрофы, и наличием организованных общественных сил (прежде всего коммунистических партий стран социалистического содружества), которые ведут активную борьбу за новый тип отношений общества и природы. Эти особенности укрепляют надежду на благоприятный для человечества исход, надежду на то, что в ходе экологического прогресса люди сумеют качественно перестроить систему своих отношений с природой и поднять их на уровень, достойный коммунистического общества.

Таким образом, экологический прогресс — это диалектический процесс совершенствования отношений общественного человека с его природным окружением. Современный экологический кризис представляет собой одно из проявлений противоречивости экологического прогресса в качестве явления, органически входящего в систему процессов, образующих прогресс общества как целого. Полное преодоление современного экологического кризиса в мировом масштабе невозможно без ухода класса капиталистов с мировой политической арены. Встает вопрос о путях и характере переориентации технического прогресса. Этот вопрос уже стал предметом обсуждения в советской философской литературе, возрастает и его прикладное значение. Однако внесенные предложения

зачастую представляют собой разрозненный набор мер, не образующих единое целое. Преодолеть этот недостаток может анализ экологических отношений, учитывающий всю совокупность процессов, которые находят свое концентрированное выражение в понятии «экологический прогресс».

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Загладин В. В. Глобальные проблемы и социальный прогресс человечества // Вопр. философии. 1983. № 4. 3. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981. 4. Кортунов А. Еще одна «необъявленная война» Белого дома // Красное знамя. 1983. 22 нояб. 5. Кравченко И. И. Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М., 1982. 6. Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982. 7. Соломина С. Н. Взаимодействие общества и природы. М., 1983. 8. Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983.

Поступила в редколлегию 10.03.86.

В. П. ПЕДАН, канд. филос. наук

РОЛЬ ИСКУССТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ

Проблема взаимосвязи философии и искусства, хотя и имеет давние традиции в истории философии, является сравнительно новой в советской философской литературе. В ряде работ последних лет (Р. А. Зобова и А. М. Мостепаненко, А. Я. Зися, Ю. Н. Давыдова, А. В. Гулыги, П. Н. Федосеева) сделаны первые попытки обрисовать общий контур проблемы, выделить совпадающие, близкие и специфические черты философии и искусства как особых способов духовного освоения действительности, очертить проблематику, в рамках которой осуществляется их взаимодействие.

Понимание взаимосвязи философии и искусства в значительной степени зависит от ответа на вопрос, способно ли искусство быть носителем философского знания. Более того, может ли оно, не утрачивая своей специфики, выдвигать новые философские идеи, обогащать философскую мысль, в определенные исторические периоды быть «предвестником более развитых и совершенных форм общественного самосознания» [3, с. 143]. При всем разнообразии в оттенках истолкования философского потенциала искусства большинство советских исследователей положительно отвечает на этот вопрос. Конечно же, марксистам чужды неоднократно воспроизводившиеся в истории философии воззрения, отождествлявшие философию и искусство, представлявшие искусство как наиболее совершенный способ выражения философского содержания. Такие точки зрения имеют неодинаковый конкретно-исторический смысл. В частности, позиция многих экзистенциалистов, концентрированно выраженная в дерзкой и эпатажной формулировке А. Камю («Хочешь быть философом — пиши роман»), бы-

да безоговорочно оценена как субъективно-идеалистическая, иррационалистическая попытка разрушить научный фундамент философии.

Однако явной недооценкой познавательных и мировоззренческих возможностей искусства было бы признание за ним способности лишь иллюстрировать философские идеи, ставить, но не решать мировоззренческие проблемы. Представления, отрицающие философское начало искусства, чрезвычайно живучи. Они основываются на поверхностном сопоставлении познавательных средств философии и искусства (понятия и категории в философии, конкретно-чувственный образ в искусстве) со стороны их внешней формы, а также на узком и ограниченном понимании механизмов мышления.

Современная наука преодолела абстрактный логицизм в объяснении мыслительной деятельности, убедительно показала разнообразие ее видов, несводимость мышления к понятийно-словесной форме. Художественное мышление даже на невербальной основе обладает в большей или меньшей степени логическим инструментарием (селекция материала, анализ, обобщение, абстрагирование, синтез), необходимым для сущностного постижения действительности, концептуального осмысления человеческой деятельности, места личности в социальном и природном универсуме. «Формальные, колористические, композиционные системы,— подчеркивают В. И. Шинкарук и Т. И. Орлова,— являются важными компонентами исторических стилей в искусстве, концентрирующих в себе эстетические критерии, стиль мышления и мировоззрение эпох, системы их политических, религиозных, идеологических представлений» [7, с. 24].

Такой подход к истолкованию природы художественного мышления помогает глубже осмыслить как непрерывное взаимовлияние философии и искусства в истории духовной культуры, так и их взаимопроникновение. По отношению к искусству это взаимопроникновение может проявляться не только в насыщенности художественного творчества философской проблематикой, но и в использовании элементов философского категориального синтеза. Это делает отдельные художественные произведения фактами как истории искусств, так и истории философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая исторически меняющийся социально-классовый смысл гедонистической этики, отмечают, что в эпоху позднего средневековья философия наслаждения, выражавшая мировоззренческие ориентации феодальной знати, находила свое воплощение не столько в самой философии, сколько в художественном творчестве. «У этой знати философия наслаждения сохраняет ещё форму непосредственного наивного непонимания, получившего свое выражение в мемуарах, стихах, романах и т. д.» [1, т. 3, с. 418].

Философия на определенных этапах своего развития, оставаясь в целом теоретически систематизированным мировоззрением, в большей или меньшей степени прибегает к средствам художест-

венной выразительности, образному мышлению, художественной интуиции. Особенно интенсивно искусство влияет на философию в периоды коренной ломки мировоззренческих систем, смены исторических типов рациональности, обострения борьбы между материализмом и идеализмом, когда новое мировоззренческое содержание философии вступает в противоречие с устоявшейся категориальной структурой. Степень интеграции философией элементов художественно-образного осмысления действительности существенно зависит от характера исторической преемственности в развитии философии, соотношения в ней гносеологических и ценностных сторон, достигнутого уровня научной зрелости.

Философское содержание искусства не всегда лежит на поверхности, хотя в некоторых произведениях художественной литературы сравнительно легко вычлениаются фрагменты «чистой» философии, имеющие относительно самостоятельное значение. Чаше философские вкрапления в художественный текст органически входят в образную ткань произведения, более того, они могут быть и *средствами* создания художественной образности. Еще чаще философско-концептуальное содержание искусства является синтезом всей его образной системы, формируясь в результате своеобразного «снятия» событийного (или бытийного), образно-концептуального слоев художественного произведения. Будучи интегральной частью художественного целого, философско-концептуальное содержание произведения может кристаллизоваться в философскую идею, обретать самостоятельность, подвергаться логической трансформации, становиться элементом развивающегося философского знания.

Художественное творчество сыграло важную роль уже в процессе становления философии, что отмечается многими историками философии (Ф. Х. Кессиди, А. С. Богомоловым, М. Г. Макаровым, А. Н. Чанышевым). Искусство старше философии, хотя своими корнями оно, как и философия, восходит к мифологии. Между распадающейся мифологией и возникающей философией искусство в виде эпической поэзии занимает основное место среди предфилософских форм сознания. Не случайно термином «софос» греки первоначально называли ремесленника, затем эпического поэта и лишь впоследствии мудреца, человека многоопытного и многознающего, и гораздо позднее — натурфилософа.

По отношению к возникающей философии первоначально эпос, а затем лирическая поэзия и театр играют двоякую роль: прежде всего они расчищают для философии почву, разрушают мифологический синкретизм, отслаивают мифологическую образность от действительности, субъективное от объективного, лишают миф эстетической привлекательности, подрывая тем самым мировоззренческую значимость мифологии. С одной стороны, миф художественно обрабатывается, упорядочивается, систематизируется, частично даже рационализируется. Используя мифологию, по выражению К. Маркса, в качестве «арсенала», а не способа мышления о мире, эпос формирует исторически первое немифологическое

мировоззрение, которое непосредственно повлияло на содержание и форму философствования древних мудрецов.

Под влиянием эпического мировоззрения возникает древнегреческая натурфилософия, начальная форма философского знания в Европе. Эпос, особенно древний, как известно, не имеет лирического начала. Первая натурфилософия также не только не ставит проблему субъективного, но даже на первых порах не осмысливает саму возможность несовпадения субъективного восприятия с объективным ходом вещей.

Через художественно-образное мышление осуществляется формирование понятийного языка философии, методологических приемов построения начальных форм философского знания. В частности, античные философы в качестве методологической процедуры чрезвычайно широко пользуются аналогией, происхождение которой связано с художественными сравнениями и метафорами.

Практически все философы Древней Греции и стран Востока были одновременно и поэтами, а иногда и драматургами, музыкантами, скульпторами. Традиция излагать философские знания языком поэзии была столь сильна, что одному из наиболее ярких античных доксографов Диогену Лаэртскому пришлось вести специальные разыскания относительно того, кто из философов первым начал писать прозой. Поэтическая форма ранних философских учений не была чем-то случайным и безразличным по отношению к их содержанию. Вся античная философская теория даже на относительно развитом этапе философского мышления в Древней Греции несет на себе явный отпечаток эстетического созерцания, представляя собой, как пишет А. С. Богомолов, «своеобразный синтез чувственного, рационального и образно-художественного знаний» [2, с. 135].

Сформировавшись первоначально как относительно самостоятельное знание, а затем и как форма общественного сознания, философия на протяжении всей своей истории испытывает в той или иной мере постоянное воздействие искусства. Это воздействие может быть прямым и непосредственным, однако чаще оно опосредовано многосторонними связями философии с общественно-исторической практикой, конкретно-научным знанием, другими формами общественного сознания.

Объективная тенденция исторического развития философии — ее становление в качестве общего научно-теоретического мировоззрения как по содержанию, так и по форме. В результате столкновения идей и принципов противоборствующих направлений, дифференциации и дивергенции учений философия вырабатывает логико-методологические средства для научного исследования и теоретического воспроизведения в системе категорий интегральной целостности мира, постепенно элиминируя из своего логико-гносеологического основания некритические, догматические установки и элементы художественно-образного мышления. Данный процесс, в котором выражается главная закономерность прогресса философского знания, получает относительное завершение в

диалектическом и историческом материализме. Но даже превращение философии в науку не ослабляет интенсивного влияния искусства на ее развитие.

Искусство как в прошлом, так и в настоящем является мощным катализатором философского знания прежде всего потому, что оно воспроизводит проблемные мировоззренческие ситуации, требующие теоретического осмысления и решения. Искусство может выступать и в качестве своеобразного канала связи между философией и действительностью, переводя социальные идеалы философских учений на уровень конкретных, жизненно убедительных, наполненных личностным смыслом мировоззренческих ценностей. Б. Брехт считал, что «театр века науки может превратить диалектику в наслаждение» [3, т. 5/2, с. 211]. Конечно, немецкий драматург и реформатор театра имел в виду не простую популяризацию философии. К такого рода репродуцированию философских идей искусство крупных художников никогда не сводится, если даже в своем творчестве они вдохновляются философской проблематикой, стремятся, как говорил Ф. М. Достоевский, «разрешить мысль». Используя, а иногда и выявляя ценностные аспекты философских теорий, искусство обладает способностью творчески достраивать мировоззренческое знание до целостности, прояснять смысл и значимость для человеческой деятельности онтологических и гносеологических утверждений. Связующим звеном между художественным творчеством, философией и социальной практикой является проблема человека. Ее конкретно-исторические решения, всегда неполные и относительные, в соотношении с действительным положением человека в обществе неизбежно порождают противоречие, служащее импульсом для дальнейшего развития как искусства, так и философии.

На развитие философии искусство влияет также и тем, что оно может быть острым и действенным средством критики философских учений и даже частичным критерием их истинности. Есть все основания утверждать, например, что в развенчании схоластического любомудрия, в любых его исторических вариантах, искусство играет не меньшую роль, чем философская самокритика. Многоплановый мир искусства, выступающий перед человеком как уникальная «вторая» реальность, в конечном счете как творчески осмысленная и эстетически преобразованная социальная практика, представляет собой своеобразный испытательный полигон для мировоззренческих, в том числе философских, идей. Искусство обладает способностью не только внушать мировоззренческие представления (что общепризнано), но и обосновывать, аргументировать, доказывать их. Трудно согласиться с мнением о том, что в отличие от философии «искусство только ставит проблему, но ее решение, сам процесс доказательства лежит за пределами искусства» [5, с. 42]. Окончательное доказательство истинности и ценностной значимости мировоззренческих знаний принадлежит общественно-исторической практике, но в этом отношении искусство и философия находятся в одинаковом поло-

жении. Если же говорить о собственных средствах обоснования мировоззренческих позиций, то они у философии и искусства относительно различные. Художник обычно не ссылается на эксперимент, предшествующую теорию, а тем более на научный авторитет, аргументируя эстетически преобразованным фактом, столкновением идей и характеров, результатами художественного исследования диалектики человеческой души, логикой движения всей образной системы художественного произведения.

Наконец, искусство может выдвигать и новые философские идеи. В частности, положение о целостной личности впервые в развернутом виде было сформулировано Гете. Причем автор «Фауста» не просто высказал эту мысль, а попытался обосновать ее не только в философски насыщенных монологах и диалогах своей знаменитой трагедии, но главным образом — судьбой ее героя, прошедшего все искусства «частичной» жизни и осознавшего в конце концов, что счастье личности состоит в полноте и многосторонности жизнедеятельности, поставленной на службу человечеству.

Рассматривая влияние художественного творчества на развитие философии, следует помнить, что не всегда, не во всех жанрах и не у всех художников искусство поднимается на уровень глубоких философских обобщений. У искусства есть свои в мировоззренческом и эстетическом отношении цели и задачи. Но в самых значительных своих проявлениях оно способно становиться не только «энциклопедией жизни», но и ее духовной квинтэссенцией, соперником философии и других форм общественного сознания в выработке мировоззренческих программ целых исторических эпох, социально-классовых и других общественных движений.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. 3. Брехт Б. Театр в 5 т. М., 1963—1965. 4. Водолагин А. В. Проблема философского содержания литературно-художественного произведения // Филос. науки. 1982. № 6. 5. Шевцов Е. В. Искусство и духовный мир человека. М., 1984. 6. Шинкарук В. И., Орлова Т. И. Художественное мышление и виды мыслительной деятельности // Вопр. философии. 1984. № 3.

Поступила в редколлегию 19.03.86.

Л. Н. ДЕНИСКО, канд. филос. наук, Ю. П. БАРДИН

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СИСТЕМА

В литературе отмечается, что социальная зрелость человека имеет сложную структуру: ее элементы не составляют механическую сумму, а определенным образом упорядочены, объединены в систему, обладающую внутренним органическим единством. В качестве элементов такой системы называют гражданскую, идейно-политическую, моральную, эстетическую, трудовую, правовую,

профессиональную, интеллектуальную, эстетическую зрелость индивида. Однако единое мнение по вопросу определения состава компонентов социальной зрелости отсутствует. Характерно, что даже в тех немногочисленных работах, где специально исследуется проблема структуры социальной зрелости, авторы идут по пути простого перечисления тех или иных компонентов, не обосновывая принципы, критерии, по которым производится структурирование. Так, И. М. Даниленко в качестве аспектов, «срезов» высшего уровня социального развития человека называет следующий ряд: умственная, интеллектуальная, духовная, мировоззренческая, политическая, гражданская, правовая, нравственная зрелость [4]. Многие из этих понятий являются смежными, взаимодополняющими, и, следовательно, здесь всегда необходимы пояснения.

На наш взгляд, стремление к построению системы зрелой личности на основе возможно большего количества разнородных, а потому нередко противоречивых или перекрещивающихся элементов (естественно, понятий), не только не способно обогатить исследования, но может и дискредитировать саму идею ее анализа. Именно нечеткость исходных методологических установок приводит многих авторов к описательности при рассмотрении структуры сознательной личности. При этом нередко нарушаются правила логики, требующие, чтобы элементы деления исключали друг друга, а деление производилось по одному основанию. Ограниченность описательного подхода заключается в том, что, во-первых, всегда существует возможность указать на неполноту предложенного перечня элементов; во-вторых, данный подход не позволяет понять системный характер социальной зрелости, раскрыть внутренние связи между различными ее сторонами.

Представляется, что выявление системы компонентов социальной зрелости личности может идти по различным основаниям, ибо необычайно многогранен и сложен сам объект исследования. На структурно-функциональном уровне социальная зрелость человека может рассматриваться как система качеств личности, формирующихся в основных видах общественных отношений. В гносеологическом плане — как единство объективного и субъективного, практического и духовного компонентов, сознания и поведения. В генетическом — как органическое и последовательное единство уровней или ступеней социального развития человека. Все эти аспекты или подходы к исследованию структуры социальной зрелости тесно связаны между собой, их реализация дает возможность составить целостное представление о механизмах функционирования и развития изучаемого явления.

Исходным пунктом или отправной точкой рассуждений о структуре социальной зрелости личности должно стать, на наш взгляд, определенное понимание структуры самой личности. Этой проблеме посвящен ряд работ, в которых отмечается, что могут существовать различные модели структуры личности в зависимости от избираемого исследователем системообразующего принципа.

Представляется, что целям нашего исследования в наибольшей мере отвечает подход, базирующийся на принципе единства общественных отношений и деятельности. К. Маркс подчеркивал, что сущность человека представляет собой совокупность общественных отношений [1, т. 3, с. 3]. Однако общественные отношения не входят в структуру личности непосредственно, а персонализируются как ее специфические черты и свойства. Таким образом, данную структуру можно представить как совокупность качеств, обусловленных включенностью индивида в систему общественных отношений, которые формируются и проявляются в деятельности.

Такое понимание личности и ее структуры получило свое обоснование в работах Л. П. Буевой, Б. Ф. Ломова, В. Г. Тугаринова и других ученых. Так, Л. П. Буева определяет личность как «человека в совокупности его социальных качеств, формирующихся в различных видах общественных отношений» [3, с. 112]. Б. Ф. Ломов подчеркивает: «...общим объективным основанием свойств личности является система общественных отношений. В этом смысле общество порождает личность» [6, с. 300]. Он отмечает, что хотя социальные качества личности формируются в процессе общения, тем не менее основанием личных и межличностных отношений выступают общественные, существующие независимо от воли и желаний отдельных личностей. Именно включенность индивида в те или иные социальные общности определяет содержание и характер выполняемых им общественных функций, круг и способы общения, а следовательно, и его социальные качества.

Таким образом, система личности выступает как совокупность ее социальных качеств и черт, их взаимосвязей, характеризующих человека как субъекта важнейших видов общественных отношений и деятельности — трудовой, общественно-политической, правовой, нравственной, эстетической, семейно-бытовой.

Исходя из предложенного понимания структуры личности, основными компонентами системы социальной зрелости следует считать зрелость трудовую, политическую, нравственную, эстетическую и семейно-бытовую.

При рассмотрении системы социальной зрелости человека важно выяснить и вопрос об «опорном», основном компоненте, а также взаимосвязь и соподчиненность элементов. Исследователи придерживаются на этот счет различных позиций. И. М. Даниленко, например, полагает, что нравственное начало составляет ядро человеческой личности, поскольку оно выступает фактором, связующим все стороны духовного и эмоционального мира человека в единое индивидуальное целое. Отсюда и нравственная зрелость рассматривается им как основной компонент системы социальной зрелости, выражающий внутреннюю сущность остальных ее компонентов [4, с. 12—13]. Я. С. Бролиш считает, что ядром, сердцевинной системы социальной зрелости современного человека выступает интернациональная зрелость — способность действовать

в соответствии с идеями и принципами интернационализма [2, с. 16].

На наш взгляд, с приведенными точками зрения трудно согласиться. В них абсолютизируются некоторые современные тенденции развития личности: усиление взаимосвязи и взаимозависимости различных сторон личности, проявляющиеся, в частности, в особой роли нравственности, формировании качественно новых социальных характеристик человека, соответствующих возросшей зрелости общественных отношений на современном этапе. В концепциях этих ученых нарушается также одно из важнейших требований диалектического метода — единство исторического и логического. Применительно к сформулированной нами проблеме принцип единства исторического и логического предполагает отыскание такого свойства или компонента личности, которое бы и исторически, и актуально, и в филогенезе, и в онтогенезе выступало как доминантная ее характеристика. Таким основополагающим свойством личности и, соответственно, элементом системы социальной зрелости является, на наш взгляд, способность личности к труду, трудовая зрелость.

Данный вывод основывается на фундаментальных марксистско-ленинских положениях о труде как процессе изменения человеком внешней природы, в процессе которого он изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил собственной власти. Воздействуя на природу и изменяя ее, человек не только создает материальные и духовные ценности, но и формирует себя как личность: вырабатывает у себя определенные социальные качества, потребности, развивает свои способности. Первостепенная роль производственно-трудовой деятельности в социальном становлении людей состоит в том, что только на ее основе практически осуществляются их разносторонние потребности, вырабатывается личный жизненный и социальный опыт, формируется определенная социальная позиция.

Именно эти основополагающие идеи марксизма имел в виду А. В. Луначарский, выступая с речью на III съезде комсомола: «Мирозерцание дай, гражданское воспитание дай, техническое тоже, эмоциональное воспитание тоже, и все это нельзя будто бы привести ни на какой стержень, нельзя никаким образом объединить в одном принципе, в одном начале. Еще Карл Маркс это начало указал. Это начало — труд. Труд есть то начало, исходя из которого можно дать все это» [7, с. 146].

В советской философской литературе достаточно убедительно обосновывается мысль о том, что именно трудовая деятельность лежит в основе формирования как нравственных, так и иных социальных качеств человека.

Феномен социальной зрелости человека — это сложное образование, несущее на себе печать диалектики общего и единичного, общественного и индивидуального. Личность, как отмечает ряд авторов, это не только социализированный индивид, но и индивидуализированный социальный субъект. Поэтому в понятие «со-

циальная зрелость личности» целесообразно, на наш взгляд, включить наряду с ее непосредственно социально-детерминированными элементами и элементы индивидуализированные, характеризующие биопсихические особенности индивида. Последние носят опосредованно социальный характер.

Теоретическим основанием подобного вывода является широко распространенное в философско-социологической, а также психологической литературе положение о том, что личность как целостный объект познания есть единство социальной, психологической и биологической подструктур при определяющей роли социального. Исследователи этой проблемы исходят прежде всего из классических определений К. Маркса, который в своих произведениях подверг критике, с одной стороны, натуралистическое понимание сущности человека (Л. Фейербах), с другой — абстрактно-идеалистическое отождествление личности с самосознанием (младогегельянцы). Анализируя действительных людей и их отношения, К. Маркс немало страниц посвятил раскрытию социально-биологической природы человека, места и значения в общественной жизни и в самом человеке природных начал [1, т. 3, с. 3]. Определение им сущности человека как совокупности всех общественных отношений отнюдь не означает игнорирование или недооценку роли биологического, он лишь стремится подчеркнуть определяющий характер социальной детерминации человека.

Основываясь на диалектико-материалистической концепции соотношения биологического и социального, можно утверждать, что зрелость человека как личности включает в себя в снятом виде зрелость его как индивида. Последняя представляет собой генетически запрограммированный оптимум физического состояния человека, т. е. зрелость его организма. Современная наука полагает, что физическое развитие человека завершается примерно к 25 годам: достигается максимальный рост, обретает устойчивость костно-мышечная система и т. д. По такому показателю, как половое развитие, зрелость достигается еще раньше.

В последние десятилетия XX в. нарушилась синхронность физического и социального созревания людей. Под влиянием целого ряда факторов существенно ускорилось физическое развитие индивидов (так называемая акселерация). С другой стороны, качественные сдвиги в общественной жизни, прежде всего в сфере производства, нередко приводят к увеличению сроков подготовки молодежи к вступлению в самостоятельную жизнь. Возникающие в этой связи житейские и социальные коллизии были уже предметом живейшего обсуждения на страницах советской периодической печати (Е. Богат, А. Лиханов, И. Кон, В. Лисовский, И. Бестужев-Лада и т. д.).

Относительная дисгармония социального и физического созревания — одно из основных противоречий формирующейся структуры личности молодежи, которое вносит элементы напряженности и зачастую нарушает целостность индивидуального развития. Все это ставит перед марксистско-ленинской теорией личности,

педагогической наукой и практикой серьезные проблемы, связанные с осмыслением новой ситуации развития личности в современных условиях, критическим анализом традиционных приемов и методов воспитания и выработкой новых, соответствующих темпам развития современного человека. «Современная педагогика,— справедливо отмечает Т. В. Карсаевская,— должна быть ориентирована на правильную оценку психофизического состояния детей. Правовая наука должна разрабатывать научные обоснования для применения юридических требований в подростковом и юношеском возрасте, для трудового законодательства» [5, с. 188].

Социализм как общественная система объективно создает все необходимые возможности для развития личности. Однако это не исключает необходимости целенаправленного участия субъективного фактора в их реализации и преодолении временных трудностей. Возможными путями разрешения указанных противоречий могут быть, на наш взгляд, переход к обучению детей с более раннего возраста, разработка методов интенсификации и оптимизации учебной деятельности детей и подростков, всемерное использование роли труда. Их осуществление поможет ускорить процесс социального становления молодежи, с большей пользой для общества и самой формирующейся личности использовать ее растущие физические возможности, в конечном счете, преодолеть «ножницы» между физической и социальной зрелостью. Решению этой задачи будет способствовать реформа общеобразовательной и профессиональной школы.

Наряду с физической (биологической) зрелостью представляется правомерным выделение в системе личностной зрелости психологического компонента. В философско-социологическом исследовании личности, ее структуры, процесса социализации анализ психических свойств и особенностей имеет хотя и подчиненное, но весьма важное значение. Дело в том, что социальная структура конкретной личности существует и проявляется как психологическая структура. Социальные качества индивида, определяемые его включенностью в общественные отношения и движением в них, — «не ярлыки, наклеенные обществом на индивида». Они проявляются в его действиях и поступках, в эмоциональных, интеллектуальных, волевых и других психических свойствах [6, с. 306]. Психологическая структура личности составляет как бы непосредственную основу, фон, внутренний механизм формирования различных компонентов системы социальной зрелости. По мнению П. М. Якобсона, она включает зрелость интеллектуальную, эмоциональную и волевою [8].

Отмечая положительное значение развиваемой П. М. Якобсоном концепции структуры психологической зрелости человека, следует отметить, что в ней, на наш взгляд, упущена из виду мотивационная сфера личности — система ее потребностей, интересов, мотивов, целей, т. е. то, что составляет «ядро» личности. Без нее интеллектуальная и волевая активность личности лишается своего

внутреннего содержания и источника развития. Именно здесь «стыкуются» психологическая и социальная структуры личности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Броуши Я. С. Формирование интернациональной зрелости у советских людей в условиях развитого социализма. Л., 1984. 3. Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. 4. Даниленко И. М. Моральные критерии социальной зрелости личности. М., 1980. 5. Карсаевская Т. В. Социальная и биологическая обусловленность в физическом развитии человека. Л., 1970. 6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 8. Якобсон П. М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психол. журнал. 1981. № 4.

Поступила в редколлегию 20.03.86.

И. Н. КРАПИВНЫЙ

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Проблема общественного прогресса всегда была на переднем крае борьбы между марксистско-ленинской наукой и буржуазной. Современные буржуазные идеологи, всеми средствами стремясь представить капитализм как общество, способное достичь вершин общественного прогресса, изображают социализм в качестве системы, тормозящей экономическое и социальное развитие.

Сегодня, когда наша страна претворяет в жизнь разработанную XXVII съездом КПСС грандиозную программу всестороннего прогресса советского общества, суть которой — достижение качественно нового состояния общества через социально-экономическое ускорение, проблема общественного прогресса становится особенно актуальной. Подчеркивая огромную важность и необходимость усиления наступательной борьбы с буржуазной идеологией, М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечал: «...забывать о том, что «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры, не имеем права.

Изворотливости и беспринципности буржуазных пропагандистов должны быть противопоставлены высокий профессионализм наших идеологических работников, мораль социалистического общества, его культура, открытость информации, смелый и творческий характер нашей пропаганды» [3, с. 88].

Марксистская наука понимает под общественным прогрессом развитие общественной природы человека, ее сущностных сил. Она связывает прогресс общества с развитием каждой человеческой личности, с расширением возможностей ее свободного всестороннего развития. Развитие сущностных сил человека, его свобода по отношению к природной и исторической необходимости — самоцель и критерий общественного прогресса.

Человек всегда был важным объектом мировой общественной мысли. Великие гуманисты и просветители прошлого видели смысл

общественного развития в достижении идеалов гуманности, освобождении человека от гнета и невежества. Особое место эта проблема занимает в философии эпохи ранних буржуазных революций, где цель социального прогресса связывается со счастьем человека, с прогрессом человеческой свободы.

Проблема прогресса человеческой свободы разрабатывается Гегелем, а идеал дружбы и сотрудничества между людьми — в системах утопических социалистов.

Данные идеи мы находим и в современной немарксистской философской и экономической литературе. Так, К. Малман свою задачу видит в определении условий для достижения целей развития, которые «всегда должны выражаться в удовлетворении потребностей...» [12, с. 46]. «Началом же экономической науки, — утверждает А. Пигу, — является не страсть к знанию, а общественный энтузиазм, который восстает против убожества грязных улиц и безрадостности загубленных жизней» [6, с. 66].

Однако подлинно научное решение проблемы общественного прогресса принадлежит марксизму, который, продолжая лучшие традиции идейного наследия прошлого, преодолел принципиальные недостатки как идеалистических, так и метафизически-материалистических концепций человека. Известный французский философ-марксист Л. Сэв, рассматривая проблему человека, приходит к выводу о необходимости обращения к принципам марксизма-ленинизма, прежде всего исторического материализма, который является «общей теорией научной концепции человека», «завершает материализм как общую теорию научной концепции природы...» [8, с. 209].

Марксистская концепция человека исходит, в отличие от идеалистических интерпретаций, из признания единства человека и природы, основывается на материалистическом понимании человека как природного существа. Вместе с тем марксизм преодолел и историческую ограниченность предшествующего материализма, который недооценивал роль активных способностей субъекта, подчинял его законам природы.

Марксистско-ленинская философия исходит из положения Маркса о социальной и предметно-деятельной сущности человека [1, т. 3, с. 1]. Человек как природное существо особого рода в отличие от животных — не просто «продукт» окружающей среды, но и творец ее. В процессе развития общества человек, покоряя природу, приспособлявая ее к своим целям, подчиняя своей сознательной деятельности на основе познания законов ее развития, постепенно отделяется от природы, становится независимым от природных условий. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс отмечал, что, чем больше люди «удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели» [1, т. 20, с. 358].

Особенность жизнедеятельности человека состоит в том, что он осуществляет обмен веществ с природой посредством труда, который носит характер общественного производства. В процессе этого обмена человек создает орудия труда, преобразовывает с их помощью вещества природы, использует их в своих целях и интересах для поддержания и воспроизводства себя, своей жизни. Трудовая деятельность — необходимое и естественное условие существования людей, развития общества.

В процессе развития общества возрастают и человеческие потребности. К. Маркс отмечал: «На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних» [1, т. 23, с. 520].

Процесс взаимодействия производства и потребностей, который находит свое выражение в законе возвышения потребностей, Маркс рассматривает в качестве одной из наиболее общих закономерностей, выражающих сложный процесс взаимодействия человека с объективными условиями материальной жизни. Закон возвышения потребностей, открытый К. Марксом, рассматривается В. И. Лениным применительно к условиям капитализма [2, т. 1, с. 101].

Объективный процесс возвышения потребностей рассматривается и буржуазной наукой. Однако метод исследования, с помощью которого строят свои теоретические измышления о закономерностях развития общества буржуазные идеологи, полностью ненаучен.

Общая философская основа буржуазных концепций — идеализм, гносеологическими корнями которого, по выражению В. И. Ленина, являются «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота...» [2, т. 29, с. 322]. Идеализм буржуазных исследователей проявляется в том, что они выдвигают на первый план идеи, в соответствии с которыми произвольно создается любая система. Основой познания для буржуазных ученых является не объективная реальность (и прежде всего материальные условия жизни общества), а их отражение в сознании, действиях человека или общества.

«Каждый индивидуум является лучшим судьей своего благосостояния», — так сформулировал «основополагающий принцип современной экономики» Дж. Криди [11, с. 35].

Ничего нового этот принцип не содержит. Современная буржуазная наука использует давно известные, подвергнутые критике еще К. Марксом положения.

К примеру, взгляды А. Маршалла на экономический прогресс сформировались, по мнению Д. Шасса, под влиянием утилитаризма Бенгтама и идеи общественного прогресса Гегеля [9, с. 383, 385]. Сочинения А. Пигу, получившего в наследство от А. Маршалла не только кафедру в Кембридже, но и основные идеи экономики благосостояния, также «пронизаны духом утилитаризма» [7, с. 311].

На принципах либерализма и утилитаризма строятся теория социального благосостояния и политическая экономия «общественного выбора» [16], нормативная экономика [13] как варианты теории благосостояния. Эти принципы можно найти и в современной «экономике» [11]. Данные теории, которые исходят при определении движущих сил общественного развития из «субъективного выбора», основанного на оценке покупателем полезности вещи, тем более не могут претендовать на научность.

В буржуазной социологии создаются различные теории иерархии потребностей, исходя из которых объясняются движущие мотивы поведения человека. В этих теориях широко используется концепция свободы Гегеля, согласно которой высшим в иерархии стимулов является стремление к самоактуализации. Эта идея, которую Гегель заимствует у Спинозы, развивается затем Гуссерлем и «современными психологами — гуманистами, наиболее известным среди которых является Абрахам Маслоу» [9, с. 384].

Ненаучность буржуазных концепций общественного прогресса выражается не только в идеализме, но и в абстрактном подходе к человеку, его потребностям. К. Маркс, критикуя Бентама, который определяет человеческую природу на основе абстрактного принципа полезности, подчеркивал, что для оценки человеческих действий «мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [1, т. 23, с. 623].

Наряду с выявлением наиболее общих закономерностей развития общества марксизм обращается к общественно-исторической действительности, к конкретно-историческому анализу человека, характера его труда, общественных отношений. Марксистская наука исходит из того, что общественные потребности всегда имеют конкретно-исторический характер, определяются системой господствующих производственных отношений.

Общественные отношения производства, являясь базисом в любом обществе, определяют и потребности населения, которые формируются как результат отражения в сознании человека объективных условий его жизни. К. Маркс в работе «Нищета философии» писал: «Потребитель не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и его потребностях. И те и другие определяются его общественным положением, которое зависит, в свою очередь, от организации общества в целом. Конечно, и рабочий, покупающий картофель, и содержанка, покупающая кружева, оба следуют своему собственному мнению. Но различие их мнений объясняется различием положения, занимаемого ими в обществе, а это различное положение в обществе является продуктом организации общества» [1, т. 4, с. 80].

Современная буржуазная наука не отрицает влияния общественных отношений на человеческие потребности. Еще Б. Гильдебранд, представитель исторической школы, критикуя классиков за их антиисторизм, писал, что они «совершенно забывают, что человек как существо общественное есть прежде всего продукт цивили-

лизации и истории и что его потребности, его образование и его отношения к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одни и те же...» [4, с. 243].

К. Малман, рассматривая связь потребностей и общественного развития, исходит из идеи «динамического взаимодействия людей в обществе друг с другом, а также с их политическим, социальным и экономическим окружением». Об историческом характере потребностей, о необходимости связывать теорию потребностей с общественной организацией пишет другой философ, Р. Рой. Но историзм понимается ими ограниченно, как зависимость от окружающей среды, как простое чередование порожденных и удовлетворенных потребностей. Так, Малман в качестве примера, подтверждающего влияние на людей «политического, социального и экологического окружения», рассматривает человека, который, удовлетворяя свои потребности, вынужден будет, в силу воздействия указанного «окружения», не просто есть, а есть «флегматично», есть «только овощи», более того — есть «только шпинат и горох», так как в данном месте и времени «только они есть в наличии». Рой сводит историзм лишь к процессу возвышения потребностей, а «связь между человеческими потребностями и общественными формациями» — к взятым у Маркса принципам: «Общество — продукт человека. Общество является объективной реальностью. Человек — продукт общества» [12, с. 39, 192, 43, 200].

Марксистская наука процесс возвышения потребностей связывает не только с материально-технической стороной производства, развитием производительных сил, но и с экономическими отношениями, что находит свое выражение в особенностях действия закона возвышения потребностей на различных ступенях исторического развития.

Каждая новая смена общественно-экономических формаций знаменует собой ускорение процесса возвышения потребностей. С одной стороны, новая ступень развития производительных сил общества, сопровождаясь научными и техническими переворотами, дает толчок новым потребностям. С другой — революционные изменения в общественных отношениях ломают кастовые, сословные, расовые границы в потреблении, в результате чего ранее сословные потребности становятся насущными потребностями более широких слоев населения. В эпохи рабства, крепостничества, капитализма общественные и личные потребности развились несравненно выше по отношению к потребностям доклассового общества.

Особенно наглядно этот процесс наблюдается при переходе к капитализму, который, освобождая человека от личной зависимости, внеэкономических форм принуждения, свойственных феодализму, открывает новые пути для развития и применения творческих возможностей человека. «...Развитие капитализма, — отмечает В. И. Ленин, — неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата» [2, т. 1, с. 101].

Вместе с тем, отмечая зависимость потребностей от господствующего типа общественных отношений, не следует абсолютизировать действие закона возвышения потребностей, ибо тот же капитализм, порождая невиданные в истории темпы экономического развития, с самого начала оказывается организацией, где функционирование этого закона наталкивается на противодействие хищнических тенденций капиталистического порядка.

В условиях капитализма решающее значение имеют социальные контрасты, острые противоречия. «...Хотя доступные рабочему наслаждения возросли, — пишет К. Маркс, — однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества» [1, т. 6, с. 446]. Ограниченный характер действия закона возвышения потребностей проявляется также в действительном порождении нищеты при капитализме, в усилении нищеты по отношению к «пограничным областям» капитализма [2, т. 4, с. 208].

В наибольшей мере антигуманная сущность капитализма проявляется в характере труда, который становится отчужденным трудом. Человек здесь выступает лишь как средство производства вещей, а труд — как нечто внешнее и чуждое по отношению к человеческой жизни.

Все эти присущие капитализму противоречия были замечены еще в период его становления. Однако историческая заслуга решения проблемы общественного прогресса принадлежит марксизму, который не остался на позиции одного лишь нравственного возмущения несправедливостью, отказался от морального самоусовершенствования как определяющего фактора освобождения человека. Марксизм заменил культ абстрактного человека, который при ближайшем рассмотрении оказался буржуазным индивидуумом, научной теорией социального освобождения трудящихся.

Поиски реальных путей освобождения человека приводят К. Маркса к выводу о том, что существуют материальные основы порабощения личности, а следовательно, «земная основа... сама должна быть понята в своём противоречии, а затем практически революционизирована путём устранения этого противоречия» [1, т. 3, с. 2].

Марксизм-ленинизм решение проблемы общественного прогресса связывает с социализмом — обществом, в котором, отмечается в Программе КПСС, «средства производства — в руках народа, навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком, социальным угнетением, властью привилегированного меньшинства, нищетой и неграмотностью миллионов людей» [3, с. 127].

В наше время, когда буржуазная наука не в состоянии ни объяснить истоков общего кризиса капитализма, ни теоретически осмыслить формирование мировой системы социализма, она изобретает все новые и новые теории развития. Но, несмотря на все различия в подходах к проблеме общественного прогресса, эти концепции едины в одном: социальное освобождение человека возможно в

рамках буржуазного общества. Современные идеологи империализма ничего нового, прогрессивного для решения проблемы человека предложить не могут. Они становятся на путь сознательной апологетики капитализма.

Оригинально свою позицию пытался обосновать А. Маршалл, который ратовал за развитие машинного производства, замену человека машиной как движущих сил экономического прогресса. Ссылаясь, на то, что «права собственности... в прошлом... были неотделимы от неуклонного прогресса», он заявляет, что «долг ответственных людей заключается в том, чтобы действовать осторожно и вдумчиво при аннулировании или ограничении даже таких прав, которые могут представляться не отвечающими идеальным условиям общественной жизни» [5, с. 106].

Как в условиях капитализма машинное производство способствует развитию человека убедительно показала марксистская наука, подтверждает это и само развитие буржуазного общества. Поэтому, отказавшись от метода совершенствования капитализма, предложенного Маршаллом, буржуазные идеологи ищут новые пути. Эти моменты уже можно найти у Пигу, который в качестве средства решения проблемы предлагает преодоление противоречий «промышленной системы» путем «передачи трудящимся большего контроля над их собственной жизнью» [6, с. 80—81].

Другие, взяв на вооружение критику Маркса отрицательных последствий разделения труда при капитализме, вместе с тем утверждают, что смена частнокапиталистической собственности не приведет к устранению отчуждения, покуда существует крупное машинное производство.

Все болезни капитализма, описанные Марксом, считает Р. Рой, — от возросших масштабов производства, которое будет существовать и при коммунизме. Б. Глазер также считает, что отчуждение нельзя отменить, пока существует его источник — производство. Поэтому он предлагает вернуться к удовлетворению потребностей на индивидуальной основе путем «внедрения новых форм участия, индивидуального принятия решений, ответственности и коллективной активности» [12, с. 203, 324—325].

Предлагаются и пути установления принципа распределения «по потребностям» в рамках буржуазного общества. У. С. Тсуру, ссылаясь на положение Маркса о том, что изменения в производстве являются основой развития человеческого общества, делает вывод, что развитие производительных сил неизбежно приводит к трансформации способа производства, к распределению по потребностям. «Конечно, — отмечает он, — мы еще не подошли к этой стадии, но эволюцию способа производства в указанном направлении можно уже наблюдать» [10, с. 289].

А. Волкер предлагает «новый подход к социальному планированию — структурное планирование, которое наряду с «демократизацией процесса планирования» и преодолением «разобщенности» предполагает «планировать социальное развитие согласно потребностям» [17, с. 189—190].

Таким образом, современная буржуазная наука в силу своей классовой ограниченности не показывает путей подлинно свободного развития человека. Только социализм превращает научный гуманизм в практику социального переустройства общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Афанасьев В. С. Этапы развития буржуазной политической экономии М., 1985. 5. Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1983. Т. 1. 6. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 2. 7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. 8. Свэ Л. Марксизм и теория личности. М., 1972. 9. Chasse J. Marshall, The human agent and economic growth: wants and activities revisited // History of Political Economy. 1984. № 3. 10. Classical and Marxian Political Economy, L., 1982. 11. Creedy J. Economics: An integrated approach. N.-Y., 1984. 12. Human needs: A contribution to the current debate. Cambridge, 1980. 13. Mishan E. Introduction to Normative Economics. N.-Y., 1981. 14. Sinden J. Application of quality of life indicators to socioeconomic problems // The American journal of Economics and Sociology. 1982. № 4. 15. Social welfare in society. N.-Y., 1981. 16. Sugden R. The Political Economy of Public Choice: An introduction to Welfare Economics. Oxford, 1981. 17. Walker A. Social planning. A strategy for social welfare. Oxford, 1984.

Поступила в редколлегию 20.03.86

Н. Ф. НИКОЛАЕВСКИЙ, д-р филос. наук,
И. И. ШЕРЕМЕТ, канд. филос. наук

ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ДУХОВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИНЖЕНЕРА

Уходящая корнями в глубокую общечеловеческую историю проблема «инженер и общество» неизменно вобрала в себя высокую остроту динамизма и сочетания двух фундаментальных начал: материального и социального прогресса. Но еще никогда эта проблема не приобретала столь мощного общественного резонанса как в современных переломных условиях совершенствования социализма, обозначенных решениями апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии. Налицо не просто утверждающийся новый идейно-нравственный климат целостной перестройки мысли и действия, но и объективно обусловленная потребность общества в том, чтобы каждый, буквально каждый из уникальной по масштабу 6-миллионной армии советских инженеров был заряжен на творческую дерзость, умел проявить себя во всех жизненных ситуациях комплексно и как яркий профессионал, и как общественно активный гражданин, и как интеллигент, постоянно совершенствующий свой духовно-нравственный потенциал.

Усилиями руководящих политических и хозяйственных институтов в последние годы много сделано для последовательного повышения социального престижа инженера, Экспериментально

апробирован и уже внедряется ряд организационных решений, приводящих в органичное соответствие отдачу инженера и оплату его труда [2, с. 226—229], прочно входят в практику интеграционные межведомственные системы объединения усилий ученых и производственников, начали функционировать внедренческие инженерные центры, принят ряд радикальных мер по совершенствованию специальной и мировоззренческой подготовки инженеров в высшей школе. Наряду с фронтальными регулирующими действиями на уровне общества все большее значение приобретает неисчерпаемое множество социальных переменных, хотя и имеющих статус микрофакторов, но существенно влияющих на тонус активности и общественный почерк инженера. В большинстве случаев они являются прерогативой трудовой ассоциации, и поэтому в рамках названной выше проблемы самостоятельное значение приобретает подсистема «инженер — трудовой коллектив — общество».

Исследование общественного мнения инженеров, проведенное авторами в составе социологической группы Харьковского горкома партии в 1975—1985 гг., позволило выяснить некоторые достаточно устойчивые ориентации и позиции научно-технических инженеров относительно природы и функциональных возможностей трудового инженерного коллектива в сфере мобилизации социально-творческого потенциала его членов. В этой связи показательно, что в широких кругах инженеров нет еще однозначного понимания общественного назначения трудового коллектива. На основании предварительных интервью с ними были выявлены четыре наиболее распространенные инженерные позиции: 1) Трудовой коллектив — это нормативно-необходимое объединение людей, подчиненное прежде всего выполнению государственных плановых заданий. В то время как социальное и духовное развитие личности преимущественно протекает вне трудового коллектива — в семье, приятельском кругу, различных организациях по месту жительства и т. д.; 2) Трудовой коллектив — это не только место работы, но и место многостороннего раскрытия каждым человеком своих творческих способностей — профессиональных, социальных, духовных, а также удовлетворения многих важнейших потребностей (материальные блага, духовные ценности, общение); 3) Трудовой коллектив — это не просто нормативно-необходимое производственное объединение трудящихся, но и устойчивая социальная общность людей, сплоченных совместным трудом, общественной деятельностью. Главная задача трудового коллектива — добиваться всестороннего развития человека, органичного сплава профессиональной, духовной, общественной активности рабочих и служащих, воспитывать у них политическую сознательность, социальную зрелость, хозяйское отношение к общественному достоянию; 4) Трудовой коллектив — это своеобразная клеточка, ячейка общества. Его деятельность не может ограничиваться достижением только производственно-экономической эффективности; коллектив должен обеспечивать неразрывную связь каждого человека с делами всего общества, его насущными задачами и целями.

Трудовой коллектив призван преломлять задачи общества к задачам каждого человека, формировать социальную активность трудящихся, их гражданскую причастность к общему делу, воспитывать в них разумные потребности, соответствующие современному уровню развития общества, умение добровольно подчинять личные интересы общественным.

Вариант 1) (трудовой коллектив лишь как место работы) нашел немногих (9,5 %) сторонников, в то время как на образ жизнедеятельности вариант 2) (коллектив — сфера раскрытия комплексного потенциала) сориентированы 29,5 % инженеров, а на вариант 3) (коллектив как фактор направленного формирования многосторонней активности) — 35 %. Остальные предпочли более зрелую модель 4), где коллектив выступает как связующее звено в системе «личность — общество».

Точно так же мнения инженеров разделились относительно социально-психологической атмосферы взаимодействия различных микропроцессоров в целостной жизнедеятельности первичного инженерного коллектива.

Основываясь на собственных наблюдениях и с помощью инженеров-слушателей теоретического семинара проектного института Южгипроцемент, авторами были сформированы пять собирательных моделей жизнедеятельности типичных первичных инженерных подразделений. По замыслу исследования в каждом из них взаимодействуют лишь в определенной подчас альтернативно-противоречивой дозированной факторы, влияющие на усиление или замедление профессиональной, общественной и духовной активности их членов, и ни одна из групп не является оптимально сбалансированной. Затем ученые естественнонаучного и технического профиля и инженеры оценили по 5-балльной шкале, в какой мере каждое такое реальное соотношение влияет на интенсивность их комплексной социально-творческой отдачи, тем самым был применен в какой-то мере эффект заочной деловой игры. Ниже показано содержание основных процессов в каждой из пяти групп.

I. Деловая группа (названия этих групп условны). Положение в группе строго и четко определяется только творческим вкладом. Трудовое соперничество существует, его результаты объективно оцениваются и неукоснительно подводятся. Межличностные отношения несколько формализованы, дружеских связей мало, досуг, как правило, члены группы вместе не проводят, но помогают в работе и в личных делах, охотно делятся своим профессиональным опытом. Общественная работа в группе поощряется, но скорее на «любителя»; занятие ею на статус в группе практически не влияет; различные массово-политические мероприятия проводятся регулярно, однако сухо и без активных обсуждений. Как правило, каждый имеет хобби и достаточно сильно увлечен им.

II. Индивидуально-целевая группа. Коллектив внутренне не сплочен. Профессиональные контакты не глубоки и не устойчивы. Разделение труда возведено в абсолют, и творческие задачи членов группы часто не стыкуются. В престижной шкале группы вы-

соко ценится талант, умение самостоятельно и творчески решать вопросы. В группе легко проявить себя, но и, напротив, можно показать свою исследовательскую и научную несостоятельность. Характерная мотивировка инициативы членов группы — стремление к повышению своего профессионального статуса, к продвижению по службе. Общественной работой занимаются все, соблюдая очередность и равномерность. Идеино-воспитательная работа в этом коллективе проводится интенсивно. Все понимают ее значимость, и, как правило, каждый по очереди участвует в ней как слушатель и как носитель информации: в роли политинформатора, лектора, пропагандиста и т. д. Мероприятия проводятся живо, дискуссионно.

III. Статическая группа. В такой группе хорошо работаете аккуратным, исполнительным сотрудникам. Преобладает равнодушие к инициативе, творчеству. Все начинания и идеи выдвигаются руководителем коллектива или «спускаются» сверху. Отношения в группе ровные, атмосфера хорошая. Общественной работой охотно занимаются все, а труд наиболее инициативных общественников учитывается и в должностном росте. Члены группы всегда активно посещают идеологические мероприятия, активно дискутируют по общественно-политическим проблемам.

IV. Динамическая группа. Это сильный, сплоченный коллектив, группа научных единомышленников, одержимый выполнением единой задачи. Здесь далеко не всегда соблюдается должностная иерархия, группа безразлична к документальной оценке индивидуального вклада, все идет на общее дело. Вписываться в такой коллектив, стать «своим» можно, лишь полностью и безраздельно приняв как свою собственную, групповую цель. В группе слабо проводится соцсоревнование, формально подводятся его итоги, но в целом общественная работа ведется в общем без срывов, спокойно. Досуг иногда проводят вместе, но все подчинено реализации научной темы. Духовная жизнь такого коллектива по характеру — продолжение профессиональной, т. е. наличествует какое-то традиционное увлечение, и все индивидуальные интересы «вращаются» вокруг него. Идеологические мероприятия проходят здесь дисциплинированно, с хорошей явкой, но скорее в силу долга, чем с позиции активного интереса.

V. Неустойчивая группа. Характеризуется подвижностью социальной атмосферы, частой сменяемостью духовно-психологических отношений между членами группы. Причиной этому — разобщенность коллектива на мелкие группки, члены которых спаяны едиными ориентациями и целями. Принятие каких-либо значимых общеколлективных решений проводится путем горячих дискуссий, острых вопросов. Это порождает обстановку открытых стабильных дискуссий. Активно при участии всех членов коллектива подводятся итоги соревнования и различных конкурсных мероприятий. Эти же принципы широкой и открытой полемики соблюдаются и при аттестации общественной активности членов коллектива. Идеологические мероприятия проходят часто и активно. На них в известной

степени переносится тонус дискуссионных отношений по производственным делам, но, как правило, каждый член коллектива имеет устойчивые духовные интересы, стремится мыслить оригинально, имеет свой «почерк» духовно-познавательной активности.

По условиям теста, наиболее предпочитаемой группе присваивался балл «5», наименее привлекательной в разрезе того или иного вида активности — «1», остальные баллы «2» — «4» отражали промежуточные уровни предпочтения.

Обращаясь к содержанию групповых процессов, нетрудно заметить, что определенное число «переменных» как в профессиональной, так и в общественно-активной плоскостях стабильно повторяется, создавая тем самым некоторую типичность ситуаций. В профессиональном плане такими «переменными» являются: «Уровень профессиональной самостоятельности», «профессиональный контроль группы», «широта профессиональных интересов». Причем они размещены в группах таким образом, что нигде не достигается идеальное соотношение. Так, интенсивность профессиональной самостоятельности изменяется в диапазоне — от ее практического отсутствия в группах III и IV, через неустойчивую структуру (V) до абсолютизированного воплощения этого свойства (I — II).

Профессиональное влияние группы как реально и повседневно действующий фактор также неоднозначно «присутствует» в оцениваемых моделях: отсутствует, в группе II; эффект его опосредован нейтрально равнодушным оттенком в группе III и неустойчивой скоротечностью в группе V, оно (вместе) представлено ограничено-фрагментарно в группе I и, наконец, проявляется столь же подчеркнуто абсолютизированно в группе IV. Заметна и различная величина интенсивности такого остро заявленного НТР качества, как широта инженерной мысли. В группах I, II такое количество внедрено весьма глубоко, в III — его объем уже значительно ограничен организационными механизмами, в IV ограничителем выступает внутренне осознанная потребность подчинить себя научному направлению группы.

На фоне профессиональных особенностей видны и оттенки межличностных отношений членов группы и характер подхода к общественной деятельности. Общественная работа поощряется или организационно-целевыми стимулами (III), или же самим фактом признания ее необходимости. Сам же тонус своеобразного общественного «кипения» сознательного и планомерного втягивания и приобщения к нему всех не одинаков. Наиболее высок он в группе V и явно низок в III и IV.

Тонус духовно-познавательной деятельности всех групп достаточно высок, и в целом это соответствует реальным прототипам. Но механизм активности в каждом из таких трудовых микрообъединений покоится на различных основаниях. В I группе генератор духовных ориентаций и их реализации — личность. Но личность как бы сама по себе, ее духовные индивидуальные импульсы не встречают резонанса у группы, а групповые нормы и традиции

слабо влияют на личность. Во II, напротив, личностная индивидуальность как бы оттеснена на второй план, здесь превалирует осредненная равномерность, некое раз и навсегда данное «равноучастие» в идеологической работе без поправок на интересы отдельного человека. Члены III группы «переносят» в духовно-идеологическую сферу неизрасходованный потенциал инициативы и профессионально-творческой энергии. Другими словами, в этой группе духовная деятельность выполняет своеобразные «компенсационные» функции. В IV группе, в отличие от предыдущей, налицо органическое единство характера и направленности трудовых и духовных процессов. В то же время здесь, как и во II группе, групповое превалирует над индивидуальным, но на иной, более благоприятной психологической основе. Члены V — пламенные сторонники дискуссий. Сопоставление позиций здесь возведено в абсолют, и, как всякое чрезмерное явление, несет в себе негативные моменты: группа разобщена, ее имманентные коллективные образования — нормы, стиль, традиции — формируются медленно и не оказывают эффективного обратного воздействия на личность.

Накладываясь друг на друга, эти качественно определенные состояния и создают духовный климат коллектива. Конечно, в идеале все ясно: всегда высоко ценились (а в современных, так сказать, «НТР-овских» условиях и того более) оригинальная активная инженерная мысль, умение специалиста идти на творческий риск, смотреть дальше инструкции, искать самому новое исследовательское русло, бороться за идею и привлекать к такому «пламенному состоянию» и других. Но в реальной жизни немало и промежуточных оттенков. И чтобы направить их в то идеальное русло, следует искать неиспользованные текущие резервы.

Как показали исследования, некоторое предпочтение в профессиональном плане отдано двум группам: I, в которой за основу взят индивидуальный творческий вклад, и IV, где имеет место столь же явная и сознательная растворенность индивидуального в групповом на принципах полной самоотдачи. И все же большинство высоких оценок отдано I группе, в которой индивидуальное творчество подкреплено хотя и некатегорически обязательной, но добровольно коллективной помощью друг другу и где последовательно осуществляется оценка вклада каждого в общее дело. Практически же, судя по средним балльным оценкам (4,2—4,7), модели профессиональной деятельности групп I — IV равнозначны. Скорее доброжелательно отнеслись члены инженерных коллективов к организационной схеме II группы, покоящейся на жестком разделении труда, узкой специализации. В интервью специалисты пояснили, что полезным в такой группе являются достаточно четкая перспектива: если человек мобилизует свои творческие ресурсы, будет энергичен и целеустремлен, то получит и признание и улучшит свой профессиональный статус. Именно эта возможность работать с полной отдачей и является оздоровляющим «климатообразующим» моментом.

Менее терпимы широкие круги научно-технической интеллигенции к ситуации, которая тормозит реализацию творческого потенциала (группа III). Такие первичные подразделения есть во многих институтах, и, очевидно, в сложном организме научного творчества они несут не бесполезную функцию. Но в стремительный век НТР престижность дерзания повседневно врывается в такие герметичные профессиональные мирки и субкультуры мышления, вызывая психологическую напряженность и конфликты. Единодушно был отвергнут вариант V, где психологическая неустойчивость и разобщенность порождают неконструктивную профессиональную обстановку.

Зато применительно к общественной жизни коллектива, призванной расширить естественно складывающиеся узкие рамки специфично организованного исследовательского труда, одним из авторитетных является стиль именно группы V, основным содержанием которой является дискуссия и соревновательность. Наименее удачным признан «засушенно-равнодушный» подход к общественной работе, свойственный группе I. В остальном мнения разделились. Исследователи и инженеры исходили нередко из предпочтения тех организационных принципов, которых не доставало в своем реальном коллективе.

Нет единодушия у специалистов и в выборе приемлемых «образов» групповой духовно-познавательной деятельности. Большинство предпочло варианты III и V. Отличительная черта групп: сочетание устойчивого духовного интереса каждого члена коллектива со встречной заинтересованностью группы. Напротив, формальные, хотя и регулярные формы работы, ценятся низко (группа V). Как признали сами респонденты, эффективней было бы соединение профессиональных принципов групп I и II с конструкцией общественной работы в группе V и высоким тономом духовной деятельности, свойственным группам III и IV. Что же касается целостных сравниваемых групп, то по сумме всех видов активности наивысшую оценку получила «динамическая группа» (IV).

В любом случае — и в этом суждения специалистов однозначны — здоровый климат коллектива это не только продукт желаемого сочетания различных видов деятельности, но и функция от уже реализованного предназначения каждого из таких видов, т. е. высокопрофессиональные виды активности не должны быть неким вторичным явлением, дополнением и продолжением трудового процесса в общественной сфере. Они призваны функционировать согласно своим закономерностям, усиливая сильные стороны реальной профессионально-организационной структуры или компенсируя ее издержки. При этом, по мнению членов инженерного коллектива, существует несколько основных направлений.

Около 40 % специалистов считает, что возрастание сферы активности необходимо искать в экстенсивных решениях, т. е. побуждать или даже принуждать, если это потребуется, всех по очереди выполнять общественные поручения, регулярно чередуя

их. Их оппоненты (30—35 %), наоборот, исходя из того, что нужно углубить распределение общественных поручений и на основе специального социологического изучения наклонностей и черт характера всех членов коллектива закрепить их навсегда или же на определенный период за какими-то конкретными звеньями общественной работы.

В любом случае социальный климат совместного труда мог бы стать более весомым регулятором всех жизнепроявлений членов коллектива, если бы из традиционного фиксатора конфликтности (или бескомпромиссности) межличностных отношений он превратился в особое интегративное качественное состояние, своеобразной единицей которого явились бы оценки и самооценки вклада каждого в общее дело. А такое коллективоемкое зрелое состояние возможно лишь на массовой и стационарной платформе реального влияния каждого на дела коллектива, т. е. посредством острозвучного времени института социалистического самоуправления. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев отметил, что Закон о трудовых коллективах, содержащий уникальные права трудящихся, работает еще не в полную силу [1, с. 59]. Наше целевое исследование (интервью с 257 научными работниками и инженерами десяти НИИ и проектных институтов Киевского района г. Харькова в апреле—мае 1986 г.) показало, что 75—80 % инженеров не ощутили пока каких-либо заметных сдвигов в деятельности администрации и общественных организаций, вытекающих из содержания этого Закона. В то же время столько же рядовых специалистов и сами не сделали ничего, чтобы политические и юридические платформы Закона эффективно воплотились в их практику. Возникает парадокс: смысл Закона о трудовых коллективах в том, чтобы расширить круг тех проблем, по которым решение коллектива является обязательным, но — в силу недостаточного знакомства с этим документом или в силу неопределенной инерции к восприятию нового, нестандартного — весьма ощутимая масса членов инженерных коллективов остается пассивной. Чтобы разомкнуть этот, казалось бы, замкнутый круг «встречных» ожиданий по линии «руководство — рядовые работники», следует искать и утверждать механизмы воспроизводства социального творчества, не ограничиваясь привычной уже формулой «суть идеологической работы в воспитании социальной активности», но укреплять механизмы, позволяющие формировать активность в самом процессе воспитания или организации общественных внутриколлективных дел. Конкретных вариантов здесь неисчерпаемое множество. Даже элементарный цикл лекций или тематических вечеров, проведенных по заявкам инженеров, конкурсное гласное распределение общественных поручений и поощрение их за добросовестное выполнение, доверие молодежи в проведении завершеного круга профессиональных и общественно-политических инициатив и многое другое — могут стать деятельным рычагом в создании жизненно активной системы хозяйски заинтересованного отношения работ-

ников к общественному достоянию. Сейчас по примеру рабочих Новосибирска начато полезное движение «Резервы рабочего места — в действие» [3, 1986, 11 апр.]. Инженеры могут внести конструктивный вклад в это начинание.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности*. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров и ВЦСПС от 22 мая 1985 г. //Укрепление социально-экономического развития страны — задача всей партии, всего народа. Сб. докладов и материалов. М., 1986. 3. *Правда*.

Поступила в редколлегию 17.03.86.

В. Л. ПАСИСНИЧЕНКО

К КРИТИКЕ ТЕИСТИЧЕСКОГО «ОБОСНОВАНИЯ» НАУКИ В УСЛОВИЯХ БУРЖУАЗНОГО АНТИСЦИЕНТИЗМА

Задача ускорения социально-экономического развития социалистического общества на основе научно-технического прогресса, поставленная XXVII съездом КПСС, диктует необходимость глубокого марксистско-ленинского анализа социальных последствий НТР. К проблемам социального, ценностного содержания научно-технического развития, ставшим объектом ожесточенной идеологической борьбы, активно обращаются и представители религиозно-идеалистического направления в буржуазной философии и науке, стремящиеся создать впечатление перехвата у марксизма инициативы решения комплекса сложных проблем современной науки и техники. Критическому анализу фидеистического варианта их решения и религиозной «защиты» науки от антисциентистской критики и посвящена данная статья.

Поворот западной науки к социально-аксиологической проблематике в значительной мере обусловлен возникновением и развитием нового явления буржуазного сознания — «критики науки», пришедшей на смену дискредитировавшим себя техницистско-сциентистской абсолютизации научно-технического развития и позитивистской установке на ценностную нейтральность науки. Нынешняя мощная вспышка антисциентизма представляет собой реакцию на ограниченность социальной практики использования достижений НТР в условиях капитализма и дегуманизацию научно-технического прогресса. В обществе, основанном на частной собственности на средства производства, эксплуатация науки, теоретического прогресса человечества [1, т. 47, с. 554] стала настолько очевидным фактом, что, по признанию председателя Всемирного Совета церквей Ф. Поттера, «для людей наука и технология выступают на стороне насилия и несправедливости» [5, с. 28]. Поставленная на службу монополистическому капиталу наука в буржуазном общественном сознании отождествляется с «неприкрытой идеологией от начала и до конца, орудием в руках тех, чьи полити-

ческие интересы состоят в сохранении эксплуататорского статуса кво» [9, с. 243]. В этих условиях закономерное осознание необходимости анализа социальных, гуманистических аспектов НТР в рамках буржуазной методологии приобрело гипертрофированную форму «критики науки». Столкновение научного сообщества с проблемой аксиологических характеристик науки и ее технического овеществления в обстановке ценностного кризиса всей буржуазной культуры влечет за собой в подавляющем большинстве стремление доказать закономерность сложившегося критического положения, так как наука и техника, по мнению западных ученых, «не содержат в себе какого-либо критерия самооценки» [8, с. 2].

В образовавшийся в результате «эрозии» научных ценностей вакуум активно устремилось религиозное мировоззрение, традиционно претендующее на роль носителя нравственных норм и жизненных целей. Социально-этические проблемы науки и техники стоят в первых рядах тем, обсуждаемых на совместных конференциях теологов и ученых [5, с. 5], отмечаются «тенденции в некоторых религиозных кругах заменять традиционные онтологические вопросы в отношениях науки и религии более «релевантными» вопросами чувства социальной ответственности ученых» [9, с. 259]. Заслуживает внимания в качестве показателя остроты проблемы утверждение И. Горовица о новой, ценностной форме конфликта между наукой и религией [6, с. 166—167]. В трактовке ряда ученых и теологов осознание значимости социально-аксиологической проблематики определяется как фактор роста религиозности. «Разбуженное вначале развитием ядерного оружия, а позже угрозой экологических бедствий и опасностями, которые таят в себе биохимические технологии, чувство ответственности за приложение своих исследований привело ученых к поиску моральных средств, способных предотвратить или, по меньшей мере, сократить степень фатальных последствий использования возможностей, открываемых научными исследованиями, — утверждает протестантский идеолог В. Панненберг. — И тогда церковь вновь оценивается как моральное средство, обязанное помочь человеческому обществу справиться с потенциалом науки и технологии» [9, с. 3].

Фидеистическая трактовка социальных и ценностных аспектов научно-технического развития служит обоснованием необходимости подчинения науки религиозному мировоззрению, способному «обеспечить ценности и императивы на новом плато развития человеческих достижений и способностей» [8, с. 145]. Пропагандируемому на этой основе синтезу науки и религии отводится роль не только религиозной «поддержки» науки, но и ее «теистической реабилитации» перед критикой антисциентизма. Примером такого подхода к проблемам науки может служить работа американского ученого Т. Лэссла «Наука и священный космос: идеологическая риторика Карла Сагана» [7]. Ее автор, в объяснении причин нынешней резкой критики науки исходит из широко распространенной в буржуазной литературе идеи автономизации науки и техники и выхода из-под контроля общества. По оценке Т. Лэссла, ученый

все более становится драматической фигурой научного творчества, так как не может больше контролировать «волшебство своих открытий», жертвой которых он становится наряду с другими членами общества. Идея автономизации науки представляет собой превращенную форму отражения реального процесса отчуждения научного творчества от деятельности ученых и общества в целом в условиях капитализма. Являясь следствием ограниченности способа материального производства и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений, она фиксирует противоречия на уровне объективной видимости, не раскрывая их сущность.

Реальные истоки кризисных явлений — не наука и техника, а исторически определенные капиталистические общественные отношения. Именно они обусловили драматизм осознания в условиях капитализма ограниченности ценностной установки классического образа науки, в рамках которого процесс получения знания рассматривался как морально самодостаточный акт. Теперь, заявляет Т. Лэssl, когда «наука в порожденном ею технологическом мире столкнулась с огромной моральной проблемой», ее обоснования с точки зрения собственных потребностей и материальных, практических факторов уже недостаточно. «Моральный нейтралитет», который хотели бы приписать своей деятельности ученые, неприемлем на уровне общества, где различие между научным исследованием и его последствиями стирается [7, с. 185]. С этим положением о неудовлетворительности в современных условиях традиционной двойной оценки знания — для ученого с точки зрения истины и процесса ее получения, а для общества с точки зрения практических последствий использования научных открытий нельзя не согласиться. Однако у Т. Лэsslа оно используется как доказательство необходимости религиозного «оправдания» науки в связи с переносом многих научных проблем в сферу этики, в которой религиозному мировоззрению отводится привилегированная роль. Такое «оправдание», с его точки зрения, служит преодолению разрыва между научным сообществом и обществом в целом, так как «успешно посредничает между наукой и обществом и символически переносит простого человека в рамки научного стиля мышления». А так как общественность может участвовать лишь в ограниченной области научной деятельности, продолжает он, то религиозное «оправдание» науки «концентрируется на основополагающих ценностях и предпосылках, определяющих научное исследование, и отождествляет их с общественными потребностями» [7, с. 177].

Таким образом, в условиях антисциентистской критики и утверждения в буржуазном общественном сознании негативно окрашенных стереотипов «науки» и «техники» синтез последних с религиозным мировоззрением внешне предстает как возможность «реабилитации науки, приближения ее к уровню понимания людей, испытывающих на себе ее противоречивое воздействие. ...Тогда, — утверждает Т. Лэssl, — верность научным методам мышления становится критерием определения

добра и зла» [7, с. 179]. Отсюда следует, что наука исследует своими методами те же проблемы, что и религия и является наряду с последней необходимым условием выживания человечества.

Нельзя не отметить, что в подтверждение значимости современного теистического «обоснования» науки в качестве весомого аргумента Т. Лэssl использует популярную серию телевизионных научных программ «КОСМОС», известного астронома, профессора Корнеллского университета (США) К. Сагана. Крупнейший ученый, отличающийся широтой научных интересов, человек с признанными литературными способностями К. Саган в условиях резкой критики науки предпринял в рамках телецикла оригинальную попытку рассмотреть науку с точки зрения космической перспективы. Научная деятельность, утверждает он, это мощный и прекрасный метод познания Вселенной, находящийся в фундаментальной гармонии с природой, верность которому «имеет существенное значение для нас как проблема элементарного выживания» [10, с. XII]. Тенденция к космизации науки и человека, получившая яркое выражение у К. Сагана, отражает качественно новый этап развития человечества, когда при всей значимости учета общественно-социальных феноменов нельзя упускать из виду общечеловеческие проблемы деятельности нашей цивилизации и ее влияния на судьбы планеты.

«В нынешний тревожный век наша социальная и, я бы сказал, жизненная стратегия нацелена на то, чтобы люди берегли планету, небесное и космическое пространство, осваивали его как новоселы мирной цивилизации, очистив жизнь от ядерных кошмаров и до конца раскрепостив для целей созидания, и только созидания, все лучшие качества такого уникального обитателя Вселенной, как Человек», — говорил М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС [2, с. 97].

Чувство озабоченности судьбой человечества, осуждение гонки вооружений, бессмысленно растрачивающей огромные средства, которые можно было бы использовать для мирного сотрудничества в освоении космоса, — все это отличает работы К. Сагана. Как ученый он обрушивается с резкой критикой на теистические попытки обосновать акт творения на основе теории «большого взрыва» [10, с. 257], говорит о том, «какими мертвенно-бледными выглядят претензии суеверий и псевдонаук в сравнении с настоящей наукой» [10, с. 332].

Чем же объяснить то, что Т. Лэssl характеризует телецикл «КОСМОС» как пример возврата к теистическому «оправданию» науки? Прежде всего, необходимо учитывать, что телевизионные программы рассчитаны на широкие круги общественности* и преследуют цель преодолеть ее разрыв и даже негативное отношение к науке и научному сообществу. С этой целью К. Саган, выступая уже больше в роли писателя, широко использует различного рода метафоры и образные сравнения, популяризирующие научные тер-

* Уже к 1980 г. серию телевизионных программ «КОСМОС» просмотрело 140 млн. чел. в различных странах мира, или 3 % мирового населения.

мины и теории — «вселенная» как «океан», «эволюция» как «морское путешествие» и т. д. При этом изменяется и трактовка самих терминов и теорий. Эволюция предстает только «как факт, а не теория», а многие проблемы человечества К. Саган видит в конфликте «между глубоинной, древней рептилийной частью мозга... и развившимся позднее млекопитающей и человеческой его частями» [10, с. 27, 326]. Сам космос в такой образной трактовке приобретает особый смысл и содержание. «Мы представляем собой локальное воплощение Космоса,— утверждает он,— выросшего до самосознания», познание которого, в свою очередь есть самопознание человечества» [10, с. 345]. Эти недостатки в риторике К. Сагана активно использует Т. Лэссл, пытаясь на их основе дать однозначную оценку всей деятельности американского ученого. Совершенно беспочвенным, в этой связи, является утверждение Т. Лэссла, о том, что усилия К. Сагана можно рассматривать как пример создания «новой космологии», за которую ратует С. Тулмин. Космизация науки К. Сагана служит задаче обоснования ее роли в жизни человека и общества в условиях критики науки, тогда как у С. Тулмина поиск рациональных, внутренне присущих науке ценностей выступает лишь как этап на пути к созданию «теологии природы», которая предполагает «обогащение» науки синтезом с теологией, имеющей, по его словам, большую традицию в изучении «всеобщего порядка вещей» и мира как единого [11, с. 268].

В такой же мере беспочвенны и надежды Т. Лэссла на то, что теистическое «обоснование» науки позволит «заполнить вакуум, образовавшийся в результате эрозии прежнего религиозного понимания места науки в раскрытии человеческой судьбы» [7, с. 183], и тем самым разрешит многие проблемы научно-технического развития. Такой подход по существу ведет к дискредитации науки, стиранию противоположности научного и религиозного мировоззрений. С другой стороны, подобное «обоснование» является теоретическим выражением механизмов и продуктов обыденного буржуазного сознания, которое в своем стремлении преодолеть разрыв с наукой, не имея адекватного представления о сущности иррациональной видимости капитализма, не способно выйти за пределы религиозной идеологии. Религиозное «оправдание» научной деятельности создает ложное единство науки и обыденного мышления, не способное породить новый тип сознания, необходимый для придания смысла и цели человеческой жизни в изменившихся условиях. Иллюзорность этого единства определяется и социально-нравственной несостоятельностью самой религии как идеологии и социального института. Ее глубокий кризис отмечается не только исследователями-марксистами, но и религиозно настроенными буржуазными авторами. Тот же теолог В. Паниенберг признает ограниченность морального авторитета церкви и теологов в современном мире, а специалист по вопросам религии в США Р. Беллах оставляет вопрос об уровне и масштабах моральной силы религии открытым [6, с. 11, 164]. Само стремление

религии «помочь» науке и другим областям светской жизни справиться с возникшими проблемами преследует цель скрыть потерю ею значимости в своей собственной сфере и отражает не столько силу религиозного мировоззрения, сколько его слабость и истощенность альтернатив выхода из кризиса.

Ложному единству науки и общества при посреднической функции религии марксизм противопоставляет научный анализ их противоречивого взаимодействия, центральным связующим звеном которого является диалектико-материалистическая философия. Представляя собой общее теоретическое мировоззрение, философия служит важнейшим источником ценностной и практической ориентации человеческой деятельности. В современных условиях, когда все больше ощущается потребность в гуманистическом и духовно-нравственном обеспечении социального и научно-технического прогресса, отмечается тенденция возрастания роли ценностно-мировоззренческой функции философии [3, с. 119]. Она находит свое отражение и в становлении новой дисциплины — этики науки [4]. Диалектико-материалистический подход к науке, предполагающий системный анализ как процессов ее внутреннего развития, так и решающей роли социальной детерминированности проблем научно-технического развития, обнажает спекулятивный характер их религиозно-идеалистической трактовки. Т. Лэssl справедливо констатирует противоречивое положение науки в современном мире: «Чем выше возносится здание научных достижений, тем большей становится тень, бросаема я им на землю. Наука обучает нас систематизации не только производства, но и истребления целых народов. Наука не только раскрывает тайны атома, но и несет с собой атомную технологию, омрачающую наше будущее» [7, с. 185]. Но, вопреки предлагаемому им решению этой грандиозной проблемы человечества на путях религиозного «обоснования» науки, реальное разрешение кричащего и нетерпимого противоречия развития современной науки и техники возможно лишь на основе марксистско-ленинского понимания его социальной обусловленности, противоречивого характера прогресса в условиях капитализма. «С одной стороны, стремительное развитие науки и техники открывает невиданные возможности овладения силами природы, улучшения условий жизни человечества,— отмечает М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.— А с другой, «просвещенный» XX век вошел в историю такими порождениями империализма, как самые кровопролитные войны, разгул милитаризма и фашизма, геноцид, обездоленность миллионов». Усилиями империализма «самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения» [2, с. 9—10].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Григорян Б. Т. Что такое философия // Вопр. философии. 1985. № 6. 4. Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки: сфера исследования, проблемы и дискуссии // Вопр. философии. 1985. № 2. 5. Faith and science in an unjust world. Philadelphia, 1980, vol. 1. 6. In gods we trust: New patterns of religious pluralism in America. L., 1981. 7. Lessl Th. Science and the cosmos:

the ideological rhetoric of Carl Sagan // Quarterly journal of Speech. 1985, vol. 71, N 2. 8. Roy R. Experimenting with truth: the fusion of religion with technology, needed for humanity's survival. Oxford, 1981. 9. The sciences and theology in twentieth century. Stockfield, 1981. 10. Sagan C. Cosmos. N.-Y. 1980. 11. Toulmin S. The return to Cosmology: Postmodern science and the theology of nature. Berkeley. 1982.

Поступила в редколлегию 21.03.86.

М. Д. КУЛТАЕВА, канд. филос. наук,

Е. Л. УВАРОВА, канд. филос. наук

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Проблема преемственности поколений — одна из центральных в современной буржуазной философии истории. Осуществляемый на Западе антропологический поворот буржуазной общественной мысли вносит свои коррективы в тематику философско-исторических разработок, выдвигая на передний план уже ставший традиционным вопрос не только о характере взаимосвязи между человеком и историей, но и о способах передачи социального опыта и более широко — о формах взаимодействия между поколениями. В современных условиях буржуазные теоретики все чаще стремятся придать видимость практической направленности своим разработкам проблемы преемственности поколений. К этому их подталкивает сама ситуация, сложившаяся в капиталистических странах, где «значительная часть молодежи не может найти применения своим силам и знаниям, страдает от безысходности своего положения» [2, с. 4].

Преломление данного обстоятельства в буржуазном кризисном сознании принимает различные формы. Но при всем их многообразии налицо преднамеренное оттеснение молодежи на задний план исторических событий, отведение ей второстепенной роли в исторической деятельности. Вместе с тем буржуазная общественная мысль усиленно пропагандирует тезис об «изначальной революционности молодежи» и консервативности людей средних лет. Такая непоследовательность отражает внутреннюю логику идеалистических интерпретаций исторического процесса. Ключом же к её пониманию служит следующая закономерность жизнедеятельности буржуазного общества, установленная основоположниками марксизма. В буржуазном обществе, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «прошлое господствует над настоящим» [1, т. 4, с. 439]. Капитализм, будучи исторически бесперспективным строем, именно в прошедшем времени усматривает универсальную форму существования общественных связей.

С этой точки зрения, действительная человеческая история выступает как непрерывный процесс актуализации прошлого. В свою очередь, такой подход влечет за собой упрощенную трактовку механизма преемственности поколений.

Обычно сам факт существования преемственности между поколениями объясняется либо с натуралистических позиций, либо в духе традиционных идеалистических представлений, отводящих

решающую роль общественному или индивидуальному сознанию. Нередко обе позиции уживаются в одной и той же доктрине. Рассмотрим это на примере философии истории, сложившейся на основе западногерманской «философии жизни».

Прежде всего, вызывает интерес содержание, которое вкладывают философские антропологи в понятие «поколение». Такой авторитетный представитель данного направления, как Г. Плеснер, в цикле лекций, рассчитанных на самую широкую аудиторию и передававшихся по радио ФРГ, усиленно пропагандирует ту трактовку поколения, которая сформировалась в прошлом веке под влиянием идей Ницше и «философии жизни» В. Дильтея. Последние в качестве критерия вычленения поколений выдвигали, как подчеркивает Плеснер, не «одновременность, а однородность» [6, с. 81]. Итак, «однородность», по мысли философских антропологов, выступает в качестве решающей предпосылки существования исторического процесса. Как видим, в данном критерии игнорируются материальные предпосылки исторического процесса, конкретно-исторические условия, в которых происходит социализация подрастающего поколения. Именно эти условия определяют ту конкретную форму, в которой осуществляется передача социального опыта.

Однородность, понимаемая как предпосылка преемственности поколений, — уточненная попытка обосновать необходимость пятого хода истории, с которым непосредственно связаны классовые интересы буржуазии. Такая «однородность», по мысли буржуазных авторов, заложена в «самой природе человека». Апелляции к извечной и неизменной человеческой природе принадлежат к устойчивым стереотипам буржуазного теоретического мышления. Их стабильность поддерживается самими устоями капиталистического общества, предполагающими неприкосновенность эксплуататорских общественных отношений.

Пытаясь теоретически обосновать, что «однородность» (т. е. взаимоуподобление поколений) — единственная форма передачи социального опыта, буржуазная философская мысль широко использует метод биологической аналогии, усматривая в этом проникновение в «сущность жизни». Популяризируя свое понимание исторического процесса, философские антропологи изображают его в форме дерева. Символика «древа жизни» — это не изобретение новейшей буржуазной философии, она уходит своими корнями в глубокую древность. Но если у древних народов данный символ служил примитивным средством предвосхищения будущего человечества, то в буржуазном кризисном сознании он трансформируется в модель человека, автоматически воспроизводящего столь нужную буржуазному обществу «однородность». «Человек, — пишет западногерманский философ Э. Ротхакер, — имеет много общего с деревом, а именно: органические процессы роста и деятельность, выполняющую органические вспомогательные функции с целью самосохранения» [8, с. 232]. И такую же картину они рисуют, когда хотят изобразить историю народов. Э. Рот-

хакер подчеркивает: «У народов все происходит точно так же, как и у деревьев. Как там, так и тут, все сохраняется и воспроизводится в живом состоянии в течение длительного времени. Кругом мы видим настоящее время, рвущееся в будущее» [8, с. 232, 150]. Уточним содержание, которое скрывается за понятием будущего, а следовательно, перспективы, предлагаемые философами-антропологами человечеству, в чем они усматривают смысл человеческой жизни и истории, в движении которой акцентируется биологический аспект преемственности поколений.

Рассмотрим факторы, которые предопределили особенности буржуазных интерпретаций исторического процесса, а следовательно, и трактовку ими содержательных моментов будущего человечества.

Характеризуя буржуазное общество, основоположники марксизма обращают внимание на беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечную неуверенность и движение [1, т. 4, с. 427]. Эти особенности по-разному отражаются буржуазным сознанием в зависимости от той или иной фазы развития капиталистической формации.

В период становления капитализма буржуазное сознание фиксирует ускорение хода истории и сопутствующие ему явления. Но это ускорение расценивается как желаемое, поскольку в данном случае наблюдается совпадение роли класса и направленности исторического процесса. Подобное совпадение способствовало формированию в буржуазном сознании представлений о внечеловеческом характере отношений между субъектом и объектом исторического процесса. Так, в классических образцах идеалистического историзма самодвижение истории объясняется ее внутренней закономерностью. Но и здесь буржуазное сознание стремится оградить движение истории узкими рамками субъективистски истолкованного критерия «полезности». Показательна в этом смысле гегелевская интерпретация исторического процесса. Гегель замыкает движение истории пределами объективной духовности, которая не меняется ни качественно, ни количественно [3, с. 203—204]. Вытекающий из данной трактовки исторический фатализм — своего рода теоретическая гарантия устойчивости буржуазных отношений.

Буржуазные философы, стремясь постичь главные события современной эпохи, ее содержание, определяемое переходом от капитализма к социализму, часто обращаются к проблеме человека в истории. Особенно интенсивно эта проблема разрабатывается ими после 1945 г., как попытка осмысления опыта второй мировой войны. Здесь наблюдается стремление установить взаимоотношение между «реальным» человеком и историей, показать, что может дать история «человеку как таковому» и вообще, нужна ли она подрастающему поколению. Отчасти такой поворот был реакцией на концепции «сильной личности» как основной движущей силы истории, которые окончательно дискредитировали себя в период политической практики фашизма.

Элчтаристским доктринам новейшая буржуазная философия истории начинает противопоставлять теории, в которых непосредственным объектом рассмотрения оказывается человек, ставящий перед собой не созидательные, а консервативные задачи, связанные преимущественно с самосохранением. Пути решения такого рода задач были намечены буржуазной философией еще в 20-е годы. Так, М. Шелер, один из основателей такого течения буржуазной общественной мысли, как философская антропология, открыто противопоставлял свой вариант интерпретации проблемы человека в истории марксизму, который, по его словам, «возвысился, став догмой великого государства» [9, с. 9]. Правда, при жизни Шелера проблема человека в истории рассматривалась в основном не как социальная, а как гносеологическая, связанная с установлением своего рода «экологической пищи» для ущербного человека, каковым изображался итог эволюции живой природы. Все эти установки переосмысливаются буржуазными философами после второй мировой войны. Они пытаются увязать теорию изначально «ущербного человека» с кризисными явлениями современного буржуазного общества. Теории придается видимость практической направленности. Она образует идейный фундамент программы формирования «человека послевоенного времени» [7, с. 51]. Разумеется, здесь речь идет о буржуазном человеке, а точнее о подрастающем поколении, для которого в силу сложившихся обстоятельств стали неприемлемы традиционные буржуазные пути социализации. В названной программе речь идет о «восстановлении и сохранении жизненных условий, достойных человека, после их тотального разрушения» [7, с. 54].

Для формирования такого человека действительный исторический процесс оказывается лишенным смысла, ибо участие в сознательном историческом творчестве — одновременно и процесс формирования нового, *социалистического* типа личности. Обосновывая тезис «неразумности» истории, буржуазные теоретики хотели бы доказать, что в ней отсутствуют объективно существующие закономерности и всецело господствует случайность. Реакционный антигуманный характер подобных концепций рассматривается наиболее полно, когда их авторы пытаются конкретизировать свои выводы относительно необходимости истории для существования человечества, прибегая к фактическому материализму. Характерно высказывание западногерманского философа К. Левита: «Гитлер мог бы погибнуть уже в первой мировой войне, и никто бы тогда не говорил бы о «неотвратимом прошлом». То же касается и личной жизни единичного. Случай начинает ее и превращает в то, чем она есть» [4, с. 241—245].

Абсолютизация случайности в историческом процессе в концепциях буржуазных философов предопределена социально-классовой позицией. Ведь если допустить, что все исторические события принадлежат к разряду случайных, то становится невозможным накопление и передача исторического опыта и прежде всего опыта революционной борьбы. Буржуазные теоретики пытаются

доказать, что история — плохой учитель для молодого поколения. Они обосновывают этот вывод следующим образом: «история учит всему и ничему. Она дает всевозможные примеры того, что было в прошлом, но ничего не может сказать о будущем» [5, с. 242].

Нетрудно заметить, что приведенная аргументация направлена на обесценивание революционно-исторического опыта. В рамках гуманитарно-антропологической ветви современной буржуазной философии широкое распространение получают концепции, в которых извращается сам источник получения революционного опыта. Как правило, в них феномен революционно-преобразующей практики получает биологизаторское истолкование. Так, Э. Ротхакер пытается свести движение к простому факту существования различных «стилей жизни». Молодежь, по его мысли, ведет революционный образ жизни, природа же зрелого человека якобы требует консервативного стиля жизнедеятельности. На этом основании он делает вывод о том, что консервативные установки преобладают в жизнедеятельности человека. Исходя из этого положения, он утверждает, что в историческом процессе автоматически действуют стабилизирующие факторы, уравнивающие разнонаправленную активность поколений. «Всегда смена поколений, сословий, партий, причем не только в результате действия новых жизненных ситуаций, но и вследствие соприкосновения с другими народами, обычаями, экономическими отношениями и, не в последнюю очередь, с чужими религиями, создает напряжение революции, которое снимается консерватизмом и реставрациями» [8, с. 31].

Как видим, консерватизм претендует на обоснование особой жизненной позиции человечества в целом. В этом буржуазные философы усматривают залог бесконфликтного взаимодействия между поколениями в антигуманных условиях буржуазного общества.

Таким образом, появление консервативных установок в современной буржуазной философии истории отражает закономерный процесс ее смыкания с реакционной политической идеологией. Рисуя извращенную картину исторического процесса, искажая механизмы взаимодействия между поколениями, буржуазные философы надеются затормозить поступательное движение истории. Это стремление придает их теоретизированию ограниченный и реакционный характер.

Список литературы. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Коников И. А. О достоинствах и недостатках философии Гегеля в связи с принципом историзма // Философия Гегеля и современность. М., 1970. 4. Löwith K. Wissen, Glaube, Skepsis. Göttingen, 1953. 5. Löwith K. Aufsätze und Vorträge 1930—1970. Stuttgart, 1970. 6. Plessner H. Diesseits der Utopie. Düsseldorf, 1974. 7. Probst P. Politik und Anthropologie. 7. а. М., 1974. 8. Rothacker E. Der Mensch und geschichte. Stuttgart, 1959. 9. Schele M. Die formen des Wissens und die Bildung. Bonn. 1921.

Поступила в редколлегию 03.03.86.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАТЕГОРИИ «ЧАСТЬ»
И «ЦЕЛОЕ» В ПОЗНАНИИ**

Основные этапы развития категорий части и целого в истории философии показывают, что данные категории возникли еще в философии древности и развивались почти во всех последующих философских системах. Это свидетельствует об их большом познавательном и методологическом значении. Возникнув и развиваясь на основе обобщения данных специальных наук, категории части и целого, как и все другие категории философии, оказывают обратное методологическое влияние на специальные науки. Не будет преувеличением утверждение, что методологическая значимость данных категорий все более возрастает вместе с развитием объективных гносеологических потребностей конкретных наук.

Основы диалектико-материалистического учения о взаимосвязи категорий «целое» и «часть» были заложены К. Марксом, который рассматривал отношение целое — часть как существенное, всеобщее, как форму мышления и бытия. Особое значение данным категориям он придает в связи с разработкой метода восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку целое, по его мнению, выступает как основная характеристика всякого теоретического исследования.

На необходимость теоретической разработки категорий целое — часть указывал В. И. Ленин, подчеркивая среди других элементов диалектики такие, как «соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» [1, т. 29, с. 202]. Определяя, как и К. Маркс, целое как существенное единство частей, несводимое к их сумме, В. И. Ленин с этих позиций проводил, в частности, анализ крестьянства в России в начале XX в.

В трудах В. И. Ленина раскрывается целостность процесса отражения, всесторонне исследуется целостность социальных явлений. Он развил и углубил положения о всеобщности категорий целого и части, об их соотношении с категориями закона, качества, сущности и др. Принципы, разработанные классиками марксизма-ленинизма, — методологическая основа для дальнейшего исследования проблемы целостности.

В современной философской литературе рассматриваются несколько аспектов категорий «часть» и «целое» [5]. Количественный аспект характеристики части и целого является наиболее простым. Отношение часть — целое берется здесь не как выражение единства количественных и качественных определенностей, т. е. как выражение не меры, а лишь количественной определенности. В данном случае отношение часть — целое рассматривается безотносительно к специфике, качественной определенности предмета или явления как целого. Часть есть любая дробная единица или компонент целого, а целое — это количественная совокупность частей. Между тем составные компоненты целого не всегда однока-

чественны, и поэтому в количественном определении отношения части — целое упускается важный момент — разнокачественность составных компонентов или частей целого. Следовательно, важно, чтобы количественный аспект определения части и целого не был абсолютизирован. Недостаточность количественного определения категорий части и целого выражается прежде всего в том, что лишает возможности анализа внутренних движущих сил развития предмета как целого. Поскольку части целого рассматриваются как однокачественные, исследователь лишается возможности раскрыть внутренние источники развития данного целого как единства и борьбы его разнокачественных, противоречивых частей. Если целое есть лишь простой количественный набор частей, то оно никакими новыми качествами не может обладать по сравнению с частями. И вполне естественно, что с такой точки зрения невозможно объяснить отличие целого от суммы частей.

Задача диалектико-материалистического объяснения природы целого состоит именно в выяснении закономерностей соотношения части и целого на основе изучения взаимоотношений разнокачественных частей в системе целого. Качественное определение части и целого есть в то же время и функциональное, или, точнее, качественно-функциональное. Согласно такому определению, целое есть единство разнокачественных частей. Если при количественном аспекте соотношения части и целого уменьшение или увеличение количества частей не отражается на качестве целого, то совершенно иная картина складывается при качественно-функциональном анализе части и целого. Поскольку целое есть результат функционального взаимодействия разнокачественных частей, то изменение их в значительной мере влияет на качественную определенность целого.

Качественно-функциональное определение части и целого дает возможность более точно и глубоко раскрыть богатство отношения часть — целое. Целое как функциональное единство разнокачественных частей есть противоречивое единство, имеющее двойное выражение. С одной стороны, это единство разнокачественных частей, могущих обладать противоположными свойствами и являющихся в этом случае противоречивыми частями, а само целое — единством противоречивых частей.

Другим выражением противоречивого характера отношения часть — целое является взаимообусловленность части и целого как моментов или сторон противоречия. Часть и целое — полярно противоположные категории, каждая из которых взаимно полагает другую. С одной стороны, нет целого без частей, ибо лишь определенная связь и взаимодействие частей составляет целое. Целое обуславливается частями, поскольку состоит из них [4]. Но, с другой стороны — часть также обусловлена целым. Как нет целого без частей, так нет части без целого. В совокупности они составляют моменты, или стороны противоречивого единства. Часть выступает как часть лишь в целом, являясь в то же время весьма относительным и подчиненным моментом целого. Значит, часть в систе-

ме целого имеет относительную самостоятельность, так как подчинена ему. Часть полагает себя через свое другое, т. е. целое. В такой же мере целое полагает себя через свое другое, т. е. часть [3].

Объективная основа выделения структурного аспекта определения части и целого — реальное существование структуры части и структуры целого. Поэтому предмет как целое характеризуется не только отношением часть — целое, но и отношением элемент — структура. Соотношение категорий части и элемента противоречно.

С одной стороны, содержание категории «часть» уже содержания категории «элемент», так как элементами выступают все составные компоненты целого независимо от того, отражается в них специфика целого или нет. А частями являются лишь такие элементы, в которых непосредственно выражена специфика предмета как целого. С другой стороны, содержание категории «часть» шире по отношению к содержанию категории «элемент», поскольку лишь определенная совокупность элементов составляет часть. Таким образом, в структурной организации целого существуют определенные уровни или границы, которые отделяют элементы от частей. Структурные компоненты целого, находящиеся ниже данного уровня, могут рассматриваться только как элементы, а выше этого уровня — как часть. Поскольку элемент есть составной компонент предмета, который может быть безразличен, индифферентен к специфике предмета со стороны целостного качества, наличие или же отсутствие элемента может не повлиять существенно на внутреннюю природу, сущность предмета как целого. Иначе обстоит дело с соотношением части и целого. Целое есть единство частей, в которых обязательно отражается специфика целого.

Выделяют и системный аспект. Одной из существенных характеристик целого является системная организованность его компонентов. Связь частей целого не может быть бессистемной, неупорядоченной. Понятие целого именно и отражает гармоническое единство и взаимодействие частей по определенной и упорядоченной системе. В этом выражается сходство и, в известной мере, даже тождественность понятий целого и системы, что послужило основанием для их полного отождествления. Однако полное отождествление этих понятий представляется неверным. Являясь во многом близкими, они в то же время имеют и существенные различия. Общепризнанно определение системы как комплекса взаимодействия компонентов. Но в то же время определение системы не дает ответа на вопрос: какова природа связи и взаимодействия компонентов системы. Констатируя лишь наличие связей и взаимодействия между компонентами, понятие системы, однако, не разграничивает природу связей компонентов по их внутреннему характеру. Между тем учет этого момента необходим, так как взаимодействие компонентов в различных системах характеризуется различной степенью упорядоченности. Более того, даже возникновению упорядоченности, системности могут предшествовать

совокупности в виде хаотического множества компонентов, взаимодействующих между собой чисто случайным образом.

В последующем развитии во взаимодействии компонентов множества возрастает момент упорядоченности, необходимые связи преобладают над случайными. Это уже есть переход множества компонентов в систему. По мере ее дальнейшего совершенствования в сторону большей упорядоченности компонентов система может перейти в целостность. Понятие целого исключает случайный характер взаимодействия частей. Связь и взаимодействие частей целого могут быть только закономерными, необходимыми, возникающими из внутренних потребностей развития частей и целого. Поэтому целое есть особого рода система. Понятие целого — это отражение внутренне необходимого, органичного характера взаимосвязи компонентов систем. Иногда связь между компонентами может быть настолько органична и внутренне необходима, что изменение одного из них с неизбежностью вызывает то или иное изменение в другом, а нередко и системы в целом. Следствием внутренне необходимой закономерной связи частей является и возникновение в целом новых качеств по сравнению с отдельными частями или их суммой. В этом также проявляется отличие системы целого от просто системы.

По вопросу о классификации целостных систем в советской философской литературе существуют различные точки зрения, которые в основном можно разделить на две группы. Одни авторы подходят к классификации целостных систем, беря за основу природу внутреннего взаимодействия частей. Представители другой точки зрения исходят из формы движения материи, опираясь на положение о том, что движение является самым концентрированным выражением, ступком присущих целому характеристик. На наш взгляд, более правильна точка зрения, согласно которой за основу классификации берется внутреннее взаимодействие частей, так как природу любого явления можно объяснить лишь исходя из его внутренней сущности. Принцип взаимодействия частей может быть принят в качестве основного принципа классификации целостных систем прежде всего потому, что в нем в совокупном единстве представлены все аспекты определения части и целого, рассмотренные выше: количественный, качественно-функциональный, структурный и системный. Взаимодействие частей — это всеобщее качество, присущее любому целому и от которого зависят все другие качества целого. Будучи всеобщим, взаимодействие частей имеет специфическое проявление в каждом целом. Следовательно, такое взаимодействие — универсальное воплощение диалектики всеобщего, особенного и единичного применительно к целостным системам. Поэтому этот принцип является и наиболее всеобщим принципом классификации целостных систем [2]. По характеру взаимодействия частей системы целого можно разделить на два типа. К первому относятся системы целого с нефункциональной связью и взаимодействием частей. Функциональное взаимодействие частей означает, что изменение любой части оказы-

вает соответствующее влияние на другие части и на качество системы в целом. Данный тип целого имеет различные формы, ибо функциональная взаимосвязь частей имеет специфически особенное проявление в различных системах целого. Первая и наиболее простая форма функциональной связи частей — внешняя связь и взаимодействие частей в системе целого. При такой форме отсутствуют внутренняя взаимосвязь и преобразование качества или свойства частей, взаимодействующих между собой (для механических систем). Для систем целого, не являющихся механическими, характерна не внешняя функциональная связь частей, а внутренняя, связанная с качественным преобразованием взаимодействующих частей. Характер функциональной связи частей определяет природу целого. Изменение в данной связи составляет внутреннюю основу перехода движения материи из одной формы в другую. Подобного рода внутренняя функциональная связь частей, которая отсутствует у физико-механической формы движения материи, характерна уже для систем целого, связанных с физико-химической формой движения материи. Поэтому такие системы можно было бы назвать физико-химическим целым, или, точнее, немеханическим, но не саморазвивающимся. Целое, которое обладает способностью саморазвития и самовоспроизведения на основе внутренних движущих причин развития, внутренних противоречий во взаимодействии частей, является органической целостностью.

Основные закономерности процесса познания целого сформулированы К. Марксом во введении работы «К критике политической экономии», свое блестящее практическое осуществление они нашли в «Капитале». Целое, указывает Маркс, является исходным пунктом созерцания и представления. Однако созерцание способно дать лишь поверхностное представление о нем. Поэтому целое необходимо должно быть воссоздано в мышлении. Познание целого не является простым и схематичным. Диалектический характер отношения целого и частей приводит к тому проявляющемуся в каждом отдельном акте познания противоречию, что при анализе необходимо представлять связь и отношения частей, которые вырваны из связи и поэтому односторонни. Выясняется недостаточность анализа и синтеза — если брать их в отдельности — для познания целого во всей его конкретности. Данное противоречие разрешается постоянным сочетанием, единством аналитического и синтетического подходов.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Блауберг И. В. О категориях целого и части в марксистской философии. М., 1962. 3. Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. М., 1972. 4. Шубина Г. П. Методологическая роль категорий целого и части в решении проблемы целостности организма. М., 1975. 5. Югай Г. А. Диалектика части и целого в живой природе. М., 1974.

Поступила в редколлегию 11.11.86.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Шкода В. В.</i> Познание: синтез определений	3
<i>Бильяк Я. М.</i> Проблема развития научного знания в «философии науки»	13
<i>Атраментова Л. Я., Шкода В. В.</i> Генетический принцип и логика вопроса о происхождении	17
<i>Плахотный А. Ф., Кутько И. И.</i> К проблеме детерминизма в психиатрии	25
<i>Тягло А. В.</i> О логико-гносеологических основаниях определения категорий «единое — многое» в учении Парменида	31
<i>Жеребкин С. В.</i> Об истоках понимания категории единого в философии Вл. Соловьева	33
<i>Заветный С. А.</i> Субъективный фактор развития социальной активности трудящихся как системное явление	38
<i>Кривуля А. М.</i> Ответственность в системе условий и факторов развития социальной активности	44
<i>Морозко Л. Г.</i> К вопросу о критерии зрелости духовного мира личности	48
<i>Петров А. А.</i> К вопросу о социальной ответственности будущих офицеров	54
<i>Шибко А. И.</i> Возрастание социальной ответственности — социологический закон социализма	58
<i>Русанов А. М.</i> Качество жизни: к вопросу о разграничении материальных оснований и социальных характеристик	62
<i>Межова Н. Г.</i> О взаимосвязи социалистического образа жизни и всестороннего развития личности	65
<i>Баранов Н. О.</i> Экологический процесс как прогресс отношений человека с природой	68
<i>Педан В. П.</i> Роль искусства в становлении и развитии философии	74
<i>Дениско Л. Н., Бардин Ю. П.</i> Социальная зрелость личности как система	79
<i>Крапивный И. Н.</i> Критика буржуазных концепций общественного прогресса	85
<i>Николаевский Н. Ф., Шеремет И. И.</i> Исследование организационных и духовно-психологических резервов комплексной социальной активности инженера	92
<i>Пасисниченко В. Л.</i> К критике теистического «обоснования» науки в условиях буржуазного анτισциентизма	100
<i>Кулгаева М. Д., Уварова Е. Л.</i> Проблема преемственности поколений в современной буржуазной философии истории	106
<i>Варганова Г. В.</i> Методологическая роль категорий «часть» и «целое» в познании	111

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 303

Материалистическая диалектика
и социальная практика

Редактор *И. И. Коновалова*, художественный редактор *Т. П. Короленко*, технический редактор *Г. П. Александрова*, корректор *В. Л. Светличная*

Н/К

Сдано в набор 19.11.86. Подп. в печать 02.02.87. БЦ 08526. Формат 60×90/16. Бумага типogr. №1. Лит. гарн. Выс. печать. Печ. л.7,25. Кр.-отт. 7,5. Уч.-изд. л. 8. Тираж 500 экз. Изд. № 1539. Зак. 6-407. Цена 1 р. 10 к. Заказное.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц Харьковской книжной фабрики «Коммунист» в Харьковской городской типографии № 16, 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16 Зак. 1022.

УИБ - 4⁰
МЗ, МП - 1⁰
2/3 4-1⁰